Рлэ.Ф II 134.1
1278

Ф 7184

Сова Цвейковичъ Гор
акті 200 рр.

V. XII 1945

Р19Ср II 134. 1
Бр. 55.

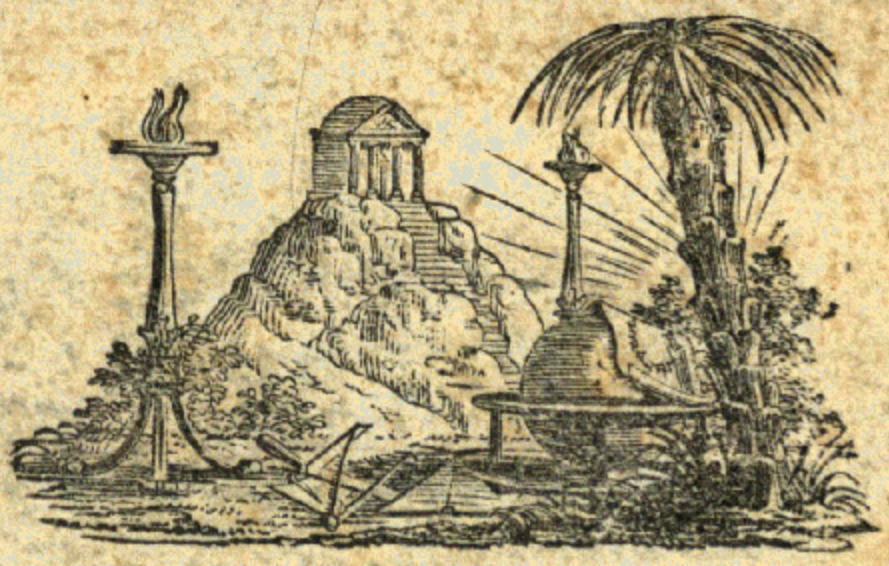
ВЕЛИМИРЪ

и

БОСИЛЬКА

одъ

МИЛОВАНА ВИДАКОВИЋА.



НАНОВО ПРЕПЕЧАТАНА

СТЕФАНОМЪ ЛАЗАРЕВИЋЕМЪ,

Кньиговезцемъ.

У БЕОГРАДУ,

При Правительственной Кньигопечатньи.

1844.

Инв. бр. 319592

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ НОВИ САД 1

БИБЛИОТЕКА Dr. Г. Михаиловића

ЛЮБИМА ОБОЄГА ПОЛА СРБСКА ЮНОСТИ!

Ево теби єдна одъ мене на простому діалекту нашему књижица; она є подъ именомъ Велимиръ и Босилька. Содржава у себи лѣпы, и као за млада читателя поучителны правила. Ласкамъ себи — ако се не варамъ — даћешъ ю съ задовольствомъ читати, понайвыше зато, што се повѣсть ова у нашему случила роду.

Велимиръ и Босилька, кои цѣлу роллу у овой књиги играю, были су у време паденія бѣдне Сербіе подъ Турчина одъ Турака заробльени! Босилька, млада девойчица, была є кћи нѣкоєго Боляра Милутина Орловића, одъ племена иногда Жупанскога, коєго я овде по садашнѣму обычаю болшаго ради о достоинству изясненія Графомъ именуемъ. А Велимиръ было є сынъ Надзирателя добара при истому Графу. Шта су ово двоє благородне дѣце претрпили, шта туге и жалости подне-

ли (коє ће се Вамъ овде све представити) хоће Васъ любезни мои читательи! у сожале-

ніе и срдца сокрушеніе привести. Но напослѣдакъ кадъ видите, како ій є промысао Божій храніо, а како ій є невидима десница Вышнѣга преко свію страшны случаєва и погибели, као преко каковы ужасно надъ море изпученны, и свако магновеніе ока смертію угрожаюћи гора превела, и тихо у блаженну веселія долину спустила; осетићете радость, и удивићете се благости Божіой.

Повѣсть є ова истинита, я самь ю малый іошть єдва памтимъ одъ покойнога моєга стрица Апостола слушао. Овай є (Богъ да ми га прости) имао обычай свагда што лѣпо намъ дѣцы приповѣдити. Онъ є намъ ню просто у кратко и као нагу повѣсть мимогредъ сказао, и да се при Георгію Бранковићу последнѣмъ Деспоту Србскомъ збыла. Но я самь ю перомъ распространіо, и на подобіе романа сочиніо.

Я ономлане іошть бывшу ми у Будиму, како совршимъ оно моє, овому подобно дѣлце, Усамлѣный Ю н о ш а, предузмемъ одма и ово, о кому самъ већь нѣкій почетакъ имао, и докле самъ нѣколико табака сочиніо, одма издамъ обявленіе и понудимъ любителѣ нашега књижества на пренумерацію: мыслећи у себи, некъ ми се новцы за печатню збираю, а я ћу по мало перомъ радити. На кое пр-

вый буде Г. Іоаннъ Шевићъ изъ Новогъ-Сада (мой особитый пріятель и Благодѣтель), кои ми на исту књигу сто фор. пошлѣ. Ово ме тако ободри, да самъ тай часъ перо болѣ заоштріо, и дѣло съ већимъ усрдіемъ предузео: кое за оно лѣто, кое чрезъ вакацію у Новомъ-Саду приведемъ счастльиво къ концу. Но за исто време мало више одъ свію пренумеранта новца скупимъ, него што ми є предреченный Господинъ єданъ послао! — Што ћу сада? Кадъ за шестъ месецій, мыслимъ, ништа небы, чему се више и надати имамъ? —

Случи ми се међу тимъ съ любимымъ моимъ ученикомъ Димитріемъ Шевићемъ іошт єдну годину у Кезмаркъ ићи, іошт єданъ путъ у момъ животу вѣчноснѣжный и чудесный Карпатъ, и Татру видити, божественне оне люде, при коима самъ философію слушао, посѣтити, и нѣмецки се што болѣ поучити, будући да ту весма лѣпо немецки говоре . . . одемъ дакле сада Г. Іоанну Янковићу, кажемъ му, да полазимъ на путъ, и замолимъ га, да ми учини любовь, и у моєму одсутствію, ако бы ми се тко за књигу явіо, пріими новце, и запише му име: ако ли ништа не буде, придодамъ, да се промысли и своимъ ю трошкомъ єледа издати. Добрый овай Господаръ пріими моє прошеніе, узме књигу на прочитаніе, кою прочитавши каже ми, да є дѣло лепо, и

да бы онъ за нѣга драговольно платіо, али за сада весма скупо печатаю, єданъ табакъ близу сто фор. Кньига ће вели Ваша преко 20 печатаны табака изићи, кое заиста износи сумму велику. Но причекаймо, рекне ми, іоште на пренумерацію. Сотимъ я одемъ. Счастльиво годину совршимъ, и съ дѣцомъ се вратимъ натрагъ у Новый-Садъ, любезно мени мѣсто, као да самъ се у нѣму родіо. Посѣтивши Г. Янковића, упытамъ, еда што Господару одъ пренумеранта? Ништа! одговори ми, ни одкудъ крайцаре вели пріимію нисамъ, кромѣ нѣки имена.

Но по свой прилицы, приложи, я ћу морати за вашу кньигу платити; само вели, докле се іоштъ промыслимъ, и пошто сада печатаю, разберемъ: на то я узмемъ мой рукописъ, и имаюћи време чрезъ вакацію у дому Г. Шевића, кико годъ у свому, поправимъ у нѣму, и поболшамъ нѣке погрѣшке.

Данъ по данъ приближи се већъ и време опетъ школско, и Г. Шевићъ вознамѣри свога сына Димитрію у Университетъ Пештанскій второ лѣто у философію отправити, съ коимъ и мене іоштъ годину послати заключи. На кое се я склонимъ, и како небы; у Пешту! почнемъ већъ съ младићемъ и потребне кньиге за Пешту спремати. Гледимъ на мое сочиненіе, кньига 40 табака рукописа! кудъ ћу

садъ съ њомъ? Да понудимъ іошть еданпутъ Г. Янковића, вићаше ми се досаду му чинити, ербо у Печатньи чуемъ, да е іошть скупль него што е было, нисамъ радъ другому досађивати. Видимъ число пренумеранта прилично велико, но коя полза, послали многіи своя имена, а не послали новце! у намѣренію заръ, када књига изиђе, свакій за свою онда да положи; я знамъ изъ кога су узрока то и чинили! — Но то се не зове помоћь дати: вѣруемъ, да бы су поштено потомъ и платили, али Нѣмцы у Печатньи не чекаю! — нема ту ништа, машећи главомъ у сожаленію рекнемъ, пакъ латимъ могъ Велимира и Босильку и съ њима на дно сандука: ту вы лезите любезни труди мои! ніе за васъ іоште време дошло, да васъ свѣтъ види. Полазећи на путъ явимсе Г. Янковићу. Но! шта бы за књигу? пыта ме. За сада ништа, одговоримъ, књига остае у моему сандуку, но незнамъ, реко, како ћу пріимлѣне на ню новце повратити. На то онъ: знате ли што? Донесите Вы ню овамо, я ћу за ню вели платити, макаръ нигда моій новаца не извадіо. Ово е радостный замене гласъ быо: Богъ да прости, у восхищенію рекнемъ, скидосте ми баръ бригу съ врата. И кадъ е тако, придодамъ, дозволите ми добрый Господару! да ю на Васъ и посветимъ, кое ће моя особыта радость быти. То ніе вели одъ потребе, а найпосле што Вамъ

драго, но само донесите ю. Однесемъ му дакле, кою онъ одма у Печатню пошлѣ. Овай є, любезни мои читательи, узрокъ быо, да сте Вы на мою кньигу толико дуго чекали.

Сада разсудимо любезни мои! како ће младићъ каковый Србскій волю имати пера прихватити, штогодъ за обшту ползу издати, кадъ се нема одкудъ платити. Кадъ дођемъ у Пешту, о подобномъ дѣлу потужи ми се и любезный мой Димитріє Давидовићъ, кои овде трећу већъ годину лѣкарства науку слуша; честный єданъ и благонадеждный младићъ, кога є срдце оддањйше своєму роду; каже ми, да є две лѣпе кньиге съ немецкога єзыка превео на Србскій, коє бы радъ издати, а нема тко, да му плати. На захтеванѣ моє прочита ми: Дѣло изрядно, о воспитанію дѣце, и превео га є прекрасно, но всуе лежи му у рукопису! Были су ми се вели, нѣкіи и обѣћали платити, но нису рѣчь одржали! — Лако є обѣћати, могу се коме и златна брда обећати, али исполнити, и одъ своє рѣчи Господаръ быти иштесе. Имамо сада Богу хвала! добры у насъ младића, кои бы могли што перомъ, да имъ се да, радити; но по несчастію овакови су потребни, безъ помоћи не могу издати. Хотя да ій има и такови, да ми се дозволи истину рећи, кои су школе свршили, Латини и Нѣмцы добри, у наука до-

вольно совршени, и нису у состоянію єдно писмо на матернѣмъ єзику, као што треба саставити! Іоштъ шта више, виђао самъ и такови, Србльи прави, а неумеду српски читати, а цаба му ортографіа и Грамматика. Оле немарности, оле стида за Србина! Но зашто то быва? зато заиста, што се у чтенію наши кньига не упражняваю; но камо намъ и кньиге? Весма ій мало имамо! Я кадъ самъ у Кезмарку при Лутераны философію слушао, гледао самъ, како ньіова трудолюбива юность у чтенію се упражнява, како єданъ отъ другогъ разногъ содржанія кньиге разноси, чита, и што є кои читао, у дружству приповѣда и казує, како се о науку свако отима, граби и къ совршенству своме спѣши и тежи, мыслію самъ много пути: кадъ ћеду се наша Српска дѣца овако о кньигама благохотно грабити, кадъ ћеду она до оваковогъ къ наукама вкуса доћи, и сладкій онай муза нектаръ окусити. Но свако къ благому дѣлу намѣреніе средства потребуе. Лутерани имаю на своєму єзыку различнѣйшегъ содржанія кньига, прекрасно сочинѣны, и тако сладкимъ, и побудителнымъ словомъ списаны, да юность ньіова съ увеселеніемъ читати може. Читаюћи такове, и неосећаю, како сладкій онай мудрости сокъ изъ ньи, на подобіе пчелица са цвѣћа медну росу сбираюћи сисаю, у себе почерпаваю, мораломъ се запаяю,

и истиннымъ се свѣтомъ зарана озаряваю. А Србско дѣте докле дође у добро познаніє страннога єзыка, прође му већь и време, изчезне ревность напредованю, наиђу му друга попеченія на главу, пакъ съ Богомъ мудрино! И колико ій има, коима странне єзыке учити обстоятельства недопуштаю.

Ово ме є, млади мои Читительи, и Вы красный поле, младе Читательице! ово ме є велимъ принудило, да вамъ што сочинимъ и на матернѣмъ єзыку издамъ. Преводити нисамь хотео, да ми когодь не рекне: „Е! што ће мене рацки, кадъ самь я то читао на немецки! Нити самь хотео какову суву матерію писати, надъ коіомъ младый твой вѣкъ слабо има стрпѣнія и волю читати; но предузео самь онакову, съ коіомъ срдце за ону преправити можешъ.

Я самь овде увео нѣкій родъ и любови, но у тому самь увѣренъ, да ништа изъ моєга пера кануло ніє, коє бы благосовѣстну душу, и честно срдце увредити могло. У тому самь подражавао паметнымъ нѣкимъ, и моралнымъ списательима, кои познаваюћи свойство срдца у младому вѣку, краснѣйша су морална правила у одежду нѣку любови завіяли, да бы юность тимъ къ чтенію склонити; по примѣру паметны врача, кои болной дѣцы лекове у шећеру, и други сласти помешаю, да лак-

ше у себе пріиме. Заиста има нѣки романа, кои су отровъ моралный за дѣцу, и грѣше, кои юкость неискусну оваковима трую; но такове не треба ни у руке узети. Я самъ самъ виђао, кои су чрезъ неваљале романе науку пренебрегавали, у мекость нѣку женску пали, духомъ унили, и млого себе несрећне учинили. Али тога се изъ мое књиге бояти ніе.

Я знамъ да ће ово мое дѣлце (хотя оно ніе какова систематическа наука, но проста само повѣсть, уподобљена роману), кодъ многи подъ критику доћи, али и треба да дође. Ако ме те чести каковый разуманъ мужъ, или честный младићъ удостои, и безпристрастно критизира, пріимит'ћу за любовь; ако ли пакъ каковый изъ зависти ковешта ми буде зановетао, и немаримъ, знаюћи, да овой лудой страсти то є свойствено, да она свагди свой носъ забости мора. Я безъ погрешке нисамъ, но и камо таковый? Qui nunquam male, nunquam bene" кои нигда погрешно, нигда ни исправно. Лудо бы опетъ я и зактевао, да се мое дѣло свакому єднако безъ найменшегъ гди негодованія допадне: разна су у нами чувства, разни вкуси: De gustibus non est disputandum. О вкусу не треба препиратисе, вели Латинъ; а мы кажемо: колико людій, толико ћудій. Али ова моя простодушна из-

реченія нек' се некосну честнога срдца; я знамъ зашто, и за каковога то говорпмъ. — Но ты пріими любезна юности! ову мою књигу, пріими са усрдіемъ за єданъ искреннѣйше мое къ теби любве знакъ, кои ти я са тисящнымъ о твоєму совршенству благожеланіемъ приносимъ и називамсе всегда

У Пешти 28. *Јнуара* 1812.

твой искренный

МИЛОВАНЪ ВИДАКОВИЋЪ.

Текъ што се даница одъ востока указала, коя предвозвѣштаваше великолѣпно сунца восхожденіе, текъ луна што є вечь свѣтле своє губила зраке, сребрный на себе видъ пріимила, и владѣніе надъ вселеномъ дневному управителю уступила: текъ што є малый славуй ово овде, ово онде на лаки свои крили у чистый воздухъ себе узвышавати, и умилнымъ своимъ пѣніемъ уєдинене пастире, и гдикоєгъ у гори дрвосѣчца увеселявати почео, нашъ младый *Велимиръ*, кои сада на седамнаєсту годину ступіо бяше, посланъ одъ своєга злоковарнога дружства, принети имъ што за єло, спушташесе низъ нѣку у Болгаріи, близу црнога мора планину, съ коє су на пространымъ подъ планиномъ ливадама стадо оваца усмотрили были. Велимиръ доће къ овому, и мотри около себе, гди бы ту чувара одъ стада видити могао. Залаю пси, и огласе своме Господару пришествіе страногъ. Ето ти дуголѣтногъ старца, кому бѣла блада прси покриваше, и коса, снѣгу подобна, по рамени прострта вићашесе: у лѣвой руцы држаше пастирскій свой штапъ, а у десной кньигу на полакъ прстомъ заложену, кою онъ при томъ читао бяше. Старацъ струка повысока, у простому, но нешто особито чиновному одѣлу обученъ: на лицу нѣговомъ, коє морштинама старость вечь увѣнчала бяше, жи-

вомъ боіомъ честность изваяна виђашесе. Тихій и смиреномудреный нѣговъ погледъ показиваше внутреный нѣговъ благородный и величественый духъ, и срдца задовольство, кое є величайше за смртне на земльи благо. Єданъ нѣговъ погледъ внимателна садъ учини младогъ Велимира. Велимиръ приступи кь нѣму, поздрави га и єли онъ овога стада пастиръ, запыта. Пастиръ вопросу нѣговому задовольно учини, и придода; сыне мой! ты се мени одъ некудъ познатъ чинишъ, као да самъ те негди видіо. Може быти мени подобна, али мене, да си гди видіо, не вѣруємъ, одговори Велимиръ; я не давно, речь продужи, како се съ моимъ у овой гори дружствомъ налазимъ. Имашъ ты и дружство какво? Имамъ да како, и оно ме є послало, да памъ што годъ за єло дашъ. За єло? А тко сте вы, и одкуда сте? Мы смо пустиньци (осмеяваюћисе) одговори Велимиръ, и добри гости; гости, кои, кадъ насъ гди драговольно не пріиме, и не угосте, насиліє употребимо, и што треба, отмемо. На ове рѣчи изврати *Радославъ* (ово є име старцу) исподъ дуги и просѣды обрва велике и живости пуне съ негодованіемъ очи. Такви ли сте вы гости? Инди садъ разумѣвамъ! Такви Богъ ме стриче! Но гледай, шта имашъ; дай, пакъ да се тепамъ, ербо ће дружство на ме изгледати. А колико васъ има? приложи старацъ. Има насъ четрнаестъ, одговори Велимиръ. Єсте ли далеко? Нисмо башъ далеко, на овой планини близу друма. Пакъ єли тебе дружство нарочито къ мени послало? Не! оно за тебе ніє ни знало; но мы смо видили съ планине по оной долини овце; знали смо, да мора кодъ ньи овчаръ быти; но дай брзо хлѣба, сира, и шта имашъ, пакъ да идемъ. Айде де, кадъ є до тога дошло! имамъ нешто ма-

ло у колеби хлѣба, но ово неће быти ни четвори-цы доста. Тако су ме и преће хлѣба лишили, те самь морао читавъ данъ гладовати; а ніе мени за мене, но за оно кукавно дѣте. А тко те є лишіо хлѣба стриче? Не вѣруємъ, да є мое дружство было. Незнамъ, тко су были, но то знамъ, да су такве бедевіе, као што сте и вы! Велимиръ добре и благе будући нарави, а къ тому благородно имаюћи воспитаніе никакову злу срдце склонити ніе могао, нит' є роћенъ быо, да злодѣй и пустаія буде, но случайно, како што ће слѣдовати, оваковима падне у руке, одъ коій се онъ таштіо себе избавити; слѣдующи сада за старцемъ запыта га: шта пише стриче у той кньиги? Єли зло, или добро? Мой сынко! Пише у ньой, и зло и добро, за добре пише врло добро, а за зле, да те Богъ сачува! но по коємъ си путу пошао, не вѣруємъ, да ће те сачувати. А заръ я не идемъ по добромъ путу? Доћи ће време сынко! одговори Радославъ, кадъ ћешъ познати, по коємъ путу идешъ, но може быти касно, онда сирѣчь, кадъ те већь твое зло до пропасти доведе, одъ коегъ се нећешъ моћи повратити. Бѣдни люди овога свега! у сожаленію возопи Радославъ, хоћете ли кадъ на небо погледати, и помыслити, да има праведный Судія, Судія, кои ће мрзке на земльи пороке, буди кадъ, грозно казнити, а красну добродѣтель милостиво наградити. Има око, кое таковихъ руке невинномъ поливене крвлю добро види, нити што годъ одъ нѣга, што се чини на земльи, сакривено быти може. Има уво, кое вопль, и стенянѣ, за правду на овомъ свѣту бываємо добро чуе. Доћи ће време, кадъ ће онъ правичну мазду свакому по своемъ дѣлу воздати. Быће мѣсто, гди ће се праведни за своя добра дѣла вѣчнымъ благомъ и сладкимъ на-

слаждавати покоємъ, и гди ће се злодѣи за своя беззаконія, коя су у маловременномъ своемъ животу учинили, вѣчнымъ безспокойствомъ, мукомъ и совѣсти гризеніемъ чрезъ безконечный вѣкъ мучити. Пытаће се на што є кому животъ овай датъ. Ово старца изреченіе коснесе срдца Велимирова, онъ уздане, и пустисе у замышленіе, доће къ себи, и као и за сна пробудисе, ужасъ и трепетъ обузимаше душу нѣгову, падне у велико раскаяніе, и зачудисе самъ у себи, како є онъ могао преваренъ быти, и тако далеко съ пута добродѣтельи заблудити. Єдна га мысао, да є изъ нужде то учиніо, извиняваше. Но друга, да є онъ ову нужду по тому избећи могао, обвиняваше. Међу тимъ стигну къ колеби, предъ коіомъ дѣте єдно дрва цепаше, коєму старацъ рекне, дай сынко тай ключъ. Отвори колебу, метне кньигу на єданъ малый, и чистъ поредъ дувара асталчићъ, кою Велимиръ узме, и читати почне, докле старацъ прегнутъ изъ єдне качице млада сира ваћаше. Старацъ некуда изаће, а нѣму рекне, читай сынко докъ я доћемъ. Старацъ се на полю тако дуго позабави, да овай добру часть кньиге внимателно прочита. Кньига бяше подъ титуломъ: *Шта є човекъ моралный, и каквe су дужности нѣговв, ков онъ прво Богу, второ ближнѣму, треће самому себи извршивати мора*? Онъ ово читаюћи сокрушисе на срдцу, и тврдо заключи у себи, да ће одъ тогъ часа добродѣтелно животъ свой повести, ков завѣщаніе сузомъ изъ очію запечати. Ето ти старца у колебу носећи два хлѣба и у єдной кошарицы набратогъ воћа. Разумеваш ли сынко што читашъ? Разумемъ, но опетъ бы гди гди болѣ изясненіе потребовао, будући да є высоко славенски. Старацъ застирући асталчићъ, и доносећи на нѣга єла, рече му: лепа є ствaрь,

мой сынко! съ таковыма се дружити; кньиге намъ великій светъ показую: оне су сунцу подобне, ово одгони мракъ вештественный, а оне таму и мракъ нашега невѣжества. Седне старацъ наспрамъ нѣга, понуди га єсти, а самъ продужи слово: Представи само себи овай светъ, на комъ мы животъ нашъ проводимо, да є онъ подобанъ великому океану, по коєму шествовати опаснѣйшій разумъ изискуєсе, да насъ буря, и грозни таласи, између кои бездне зіяю, не прогутаю, и у пропасть низвргну. Какови метежи, нужде, погибели и бѣдни случаи на нѣму нису? кои насъ чрезъ цѣлый животъ како годъ сѣнь тѣло прате, и надъ нашомъ се главомъ вію; овакове ако здравый разумъ, опасный, и вѣжествама увѣнчаный разумъ имамо, као кормиломъ одъ себе одбіямо, бѣзбѣдно шествуємо, и сваку погибелну мрежу на уловленіе наше ставлѣну, испредъ ногу наши укланямо, нити се спотичемо, и главомъ по помрчини коєкуда гнюрамо. А одкуда се ова благодатна способность, или паче да рекнемъ Ангелъ, и нашъ, чрезъ овай замршеный лавиринтъ, хранитель и руководитель, то єсть разумъ илити мудрость; одкуда се велимъ обрѣсти може, него изъ прилѣжногъ чтенія кньига, коє су богато сокровиште краснѣйши одъ почетка света умова. Возлюби такове паче свакога на свету блага и драги каменя; єрбо оне су благо, коє се нигда изгубити неће. Чрезъ такове мы Бога управъ познаємо; чрезъ такове добродѣтелніи бывамо; чрезъ такове у болѣ совршенство долазимо, а ово є конацъ, за кои смо изъ небытія у бытіе приведени, и животомъ обдарени, нити се мы съ чимъ другимъ на овомъ свету одъ други животны тако разликуємо, као овимъ божественнымъ даромъ, сирѣчь разумомъ, коимъ є насъ Творацъ па-

че свію созданія украсіо, и даже себи уподобіо. Но я далеко заилазимъ, а и непытамъ, одкуда си? и какова те є нужда тако млада на овай худый животъ притерала? Сыне мой! моє те срдце, коє о теби сожалує, тако назива, право ми само, као отцу житіє твоє исповѣди: мени лице твоє, коє є огледало внутрены страстій, свидѣтельствує, да се ты ниси далеко съ пута добродѣтельи сватіо, и я, ако се неварамъ, ласкамъ мени, да бы я съ малымъ моимъ трудомъ, твоє іоштъ удобосклонимо срдце на добро обратіо, и тебе на златный добродѣтельи путъ лако извео. О!! колико бы то радостъ моя была, кадъ бы я тай цветъ благообразія, кои є на лицу твомъ текъ процветао, и кои благонадеждный плодъ сладке добродѣтельи у старости принети обѣштава, кадъ бы велимъ нѣга увенути не допустіо, коє врло лако може быти, само кадъ бы си ты мени одъ твоє стране съ трпѣніемъ дотлѣ повиновеніе обѣштао, докъ бы ти я нека правила, по коима свакій човекъ дужанъ є управлятисе, по накратко казао и истолковао. Но нуждно ми є прво, да ме извѣстишъ, одкуда си? Отче! возопи Велимиръ, кои си ме удостоіо, да те тимъ светымъ именомъ назвати могу, твой бы вопросъ насъ далеко одвео; я на нѣга, за удовлетворити желанію твоме, выше бы потребовао времена: но оставимо до сутра. Я садъ идемъ моме дружству, коє само іоште данасъ моє називамъ, а сутра ни са съ Богомъ остай мыслимъ оставити га, и тебе на овомъ истомъ мѣсту, колико раніе будемъ могао, съ добро ютро хоћу поздравити, и одъ тебе, као одъ отца, наставленіе, съ коимъ мыслимъ животъ мой устроити, поискати. Само те молимъ, сохрани ми ту отеческу, съ коіомъ си ме предусрео, доброту! Я одъ моє стране теби о от-

че сыновно у свему обћштавамъ повиновеніе, и твоимъ рѣчма правый у моє срдце уходъ.

Радославъ: Добро сынко кадъ є тако; ево ти ова два хлѣба, ево ти у марами млада сира и мало, што намъ є одъ вечере остало, печеня, узми, носи имъ, и кажи, да выше нисамъ имао, пакъ гледай мой сынко! те се таковогъ дружства мани; я ћу те, по обештанію твоме, да ћешъ сутра доћи, радо очекивати: иди, и повторавай овы мои неколико речій, коє самъ ти на кратко, и као мимогредъ изговоріо; а сутра ћешъ одъ мене, ако Богъ насъ поживи, те доћешъ, выше што чути, само ћути, никомъ ништа не говори!

Велимиръ се опрости, и оде. Ту исту ноћь одъ свога се дружства украде, и наоружанъ, у пустиню отиснесе. Време облачно, помрчина, као тесто, преко дубрава безъ пута тумари. Текъ што се онъ мало удали, страшна грмлявина почне, рекао бы целу вселену затресе! мунѣ по воздуху зміевиднымъ образомъ лете, кривудаю и нѣму гди гди у дубрава блудећу, свѣтлимъ и скороисчезавмимъ зракомъ показываху, какова пропасть, и провалине предъ ньиме бяху! Велимиръ уплашенъ, а већь и уморенъ не могаше выше напредовати, склонисе у єданъ шупаль растъ, кои онъ при блистаню мунѣ усмотри, но и овде стра срдце нѣгово смущаваше, кадъ чує, да силный ветаръ велика дрва изъ корена извалюе; и паденіемъ єдногъ са ужаснымъ ломенѣмъ по неколико на землю стровале се, уплашенъ, да и тай, у коємъ онъ стояше, растъ, шупаль будући, не падне. Изиће, но куда се зна садъ окренути; гордый Еолъ высока дрва, као слабу траву садъ на єдну садъ на другу повіяше страну. Текъ што онъ неколико коракряи

одъ раста отступи, страшный гр̀омъ пукне, кога звукъ преко међубрдія стогубый учинисе; Велимиръ одъ страха обнезнанисе, на землю падне: преда себе судбини, уздане и рекне: Отче светый, кои си ме изъ ничега на овай светъ произвео, и незаслужена бытіемъ обдаріо, ако є твоя света воля, да садъ овде погинемъ, пріими духъ мой! Ако ли не, укрепи моє срдце и ободри духъ, да ми стра' слабости моє, окаянный мой не похити животъ! животъ, кои самъ я поправити предузео. — То изрекши погледи, али єдно велико дрво не далеко одъ нѣга громомъ ударено у пламену букти. Велимиръ исправи се на ноге, узме мачъ у руку, и вратисе у растъ. Стоєћи мало задрема, али на некій урлекъ опетъ єе тргне, и на ново уплашисе, кадъ у истый паръ, када муня сене, три грдна медведа мало далѣ одъ себе усмотри! но ови, чувши у долини другій урлекъ, отисну се єданъ за другимъ прочъ, и Велимиръ мало се къ себи поврати. Мунѣ престану, ветаръ се поутиша, и киша тихо роминяше; спустисе у расту, и сладко заспи. Тргнесе иза сна и види, да се ноћь одъ дана дели, и да се одъ востока къ западу мрачна одежда тихо савіяше: небо ведро, и очишћено, тишина свуда простртa, дрва чиняху се као да по лютомъ бореню гордогъ Еола побѣдивши и прогнавши садъ у торжественому миру спокойствоваху; данъ краснѣйшій, воздухъ очишћенъ, приведе Велимира у умиленіе. Онъ устане, обрати своє очи съ пуномъ срца благодарностю къ небу: Отче Господи, и свего созданія Творче! колико си силанъ, толило си милостивъ! Милость Твоя, докле и неизмѣримо небо, простиресе; нема мѣста, нема созданія Тобомъ створена, на коє бы благодатне луче нѣне не допирале. Я нисамь мысліо овай данъ до-

живити, кога си ме Ты о Боже! доживити сподобіо. Я теби съ теплѣйшимъ срдцемъ за мой, као наново дарованый ми животъ, сада благодаримъ и сва она бѣдства, коя си Ты на мене, по неиспытаємымъ Твоимъ судбинама, попустіо, признаємъ, да ништа друго нису, но знацы Твоєга къ мени милосрдія, да чрезъ онакова я у болѣ чувство доѣмъ, мою слабость а Твою силну мишцу познамъ, и съ тимъ одъ данъ на данъ къ вечемъ совршенству и добродѣтельи, за кое самь на овай светъ и сотворенъ, преуспѣвамъ. Пріими о Отче! оно благодареніе, кое я у внутрености срдца мога чувствуємъ, а устма изговорити не умемъ. И буди Твоя свагда, сврху мене немоћногъ созданія, милость у томъ, да совршенства ради моєга животъ мой што выше продужимъ. Ты видишъ мое срдце, видишъ намѣреніе, и моє предпріятіе, поспѣши ми, духъ мой на добро управи, и срдце моє по путу добродѣтельи утврди ходити, и ако бы мене какова страсть съ таковога свратила, кажи ме за исправленіе моє опетъ чимъ. То изрекши предузме путъ. Пустисе у лепе мысли, говорећи самъ у себи: Боже мой! нигда се нисамь надао, да ћу ову судбу претрпити, за коіомъ сада, као наново роћенъ, особиту неку радость у срдцу чувствуємъ, и красный овай светъ гледаюћи себе услаждавамъ. Садъ видимъ, да су моя чувства са свимъ была затуплѣна, и да я нисамь умео, созданіемъ се Божіимъ увеселянати. Садъ ми се чини, као да нисамъ онай, кои самь до юче быо, но о, да бы самь онаковый выше и небыо! и тако што се далѣ Велимиръ у лепе мысли пушташе, то му се срдце већма увеселяваше, гледаюћи около себе зелене шуме, кое є киша опрала, и лишће, кое є жаркосћу сунца клонуло было, оживотворила, на коима іош-

те бисерне капљице блистахусе: птичице несташно по гранама пролећу, и певаюћи єдна другу съ новымъ даномъ поздравляю. Бистри поточићи преко синћгъ камења многообразнымъ своимъ кривуданћмъ хитро протицаху, и тихимъ рекао бы, но далеко чувенымъ шуштанћмъ, у сравненію съ танкогласнымъ птица пћніемъ, нћку сладкомеланхолическу одъ себе музику издаваху, кои напослћдакъ у подножію ове велике горе, на некимъ разнымъ цвћћемъ, рукомъ єстества преиспещренымъ ливадама себе пригрливше, єдну велику составляху рћку.

Већь Велимиръ на найближу до старчева предћла главицу успенћсе. Съ благоволеніемъ на сву ону страну погледи; види стадо, и за њимъ ногу предъ ногу небрежљиво ступаюће пастирче. Велимиръ управи себе старчевой колеби, спуштасе низъ єдно понагнуто брдашце; сунце є већь више и више у поднебесности ступило, и зраке свое на све предмћте низпуштало; сва животна къ движенію опоминяло, и сваку травку ноћномъ росомъ навлажену благодатномъ своіомъ и умћреномъ теплотомъ крепило и оживлявало; мирисъ балсамскій одъ богаторазсуты цвћтова, чистъ воздухъ благоуханіемъ своимъ напуняваше, и духъ Велимира наслађаваше. Онъ похити, да бы незакосніо обћтшаніе свое старцу испунити, коєго сада мало више колебе, подъ освященымъ растомъ, на комъ є запись *) быо, усмотри, да ту молитву совршава-

*) У Сербіи и прочимъ подъ Турчиномъ царствамъ, христіаномъ, віе слободно было крстъ великій дњи, но на каквомъ знаменитомъ дрвету таковый изрезати обычествую, ков они запи-сомъ наричу.

ше. Онъ къ воспоку окренутъ на колени клечаше, и съ двигнутима рукама на небо у молчанію благоговѣйнствоваше. Велимиръ наспрамъ нѣга позаустависе, и гледи га. Старацъ кадъ молитву соврши, утруђенъ седне на зелену траву, извади изъ торбе гусле и поведе узъ њи на стихове пѣсму о естеству, прво како сунце, огнѣно оно Божіе свѣтило, благодатномъ своіомъ и умѣреномъ топлотомъ землю нашу угрева; како све прозяби изъ нѣдара нѣны производи, расти и цвѣтати чини: и како по томъ, кадъ мати природа изъ субтилнѣйши оны частица плодъ створи, онога топлымъ изъ Атмосфере зрацыма къ зрелости приводи. Како ноћу тиха роса свакій цвѣтакъ, и травку жаркосћу сунца преко данъ клонуту, подкрепи, навлажи и у новый животъ постави, и проча овакова.

Велимиръ удивисе старчевомъ гласу, кои тако съ гуслама речи слагаше, да бы рекао, да и гусле исте стихе, изъ нѣговы уста истичуће точно, безъ найманѣгъ у слогови погрешенія, изговараху. Зефиръ прохладителный сребрну нѣгову сѣдину по рамени тихо колебаше; овай кадъ соврши свое пѣніе, исправисе, и усмотри Велимира. Велимиръ га учтиво поздрави, и заедно къ колеби поћу. А да ниси ты мене у колеби тражіо? рече му. Нисамь одговори Велимиръ; я самь се мало закосніо. Мени є за чудо, да овде кише ніе было, а тамо такова є киша пала, да у животу моме не памтимъ. Уђеду у колебу, седне старацъ поредъ астала, понуди и Велимира узети столицу. Но! како си съ дружствомъ раскрпіо, запыта Радославъ. О! кадъ ме є, рекне Велимиръ, ноћасъ Богъ сачувао, шта самь ти пропатіо! — Искаже му исторію свою по реду, на коє му рекне старацъ: мой

сынко! Мы смо смртни на овому свѣту свакой погибели подложни, само треба, колико є могуће одъ насъ да се зла опасуємо, а гди видимо, да или смо, добро стварь не разсудивше, погрѣшили, и у какову нужду пали, или случайно безъ найманѣ наше погрѣшке, насъ гибель каква захватила, то будимо благодушни: у првомъ случаю другій путь исправляймосе, и опасніи бываймо; а у второмъ имаймо на Бога надежду; не падаймо у малодушіє, употребимо све, како душевне, тако и тѣлесне силе, за изнаћи средства, коима се одъ напасти избавити можемо, а гди већь и єдне и друге у нами малакшу, ослонимо се крепкимъ упованіємъ на промысао Божій.

Но кажи ты мени искренно, како годъ родителю твоме, одкуда си? и одъ какви родителя? и сва твога до данасъ живота приключенія. Ништа немой одъ мене затаити: єрбо моє любопытство не мене но тебе ради быва. Я колико самь на теби примѣтити могао, ты ниси сасвимъ одъ просты и худы родителя. Твоя беседа, физіономія и целый составъ тѣла неку отмѣность показую, ты имашъ и воспитаніє лепо, я самь у теби нѣка лепа благонаравія правила познао, твоє є срдце доста благоображено было; но ты си га мало запустіо, зато обећавамъ ти се одъ моє стране, да ћу ти я нека правила приподати, по коима ако се управляти узумешъ, быћешъ срећанъ; само ми се кажи, тко си?

Велимиръ. Отче! увѣренъ буди, да ништа одъ тебе затаити нећу, послушай ме само съ вниманіємъ: Я самь родомъ недалеко одъ Космая, место мога роћеня зовесе Врбица. Мой се отацъ звао

Богославъ Вукашиновићъ. Онъ є было управитель надъ добромъ Господина *Милутина Орловића* у истомъ селу Врбицы. Овай Господинъ было є Графъ. Онъ є седіо у Руднику. Но будући, кадъ су Турцы целымъ Кралѣвствомъ Србскимъ завладали, сва му се добра одузму; само му іошть то єдно село, кое є мой отацъ управляо, заостане. Напоследакъ кадъ разуме, да є Господинъ *Георгіе Бранковићъ* Деспотъ, съ прочомъ Господомъ и съ великимъ числомъ народа изъ Смедерева у Сремъ прешао, и да ће Турцы и ту малу часть Господарства подъ свое иго метути, доће у Врбицу последньій путъ одъ моєгъ отца рачунъ одъ добра свога пріимити, и са селяни се свои опростити.

Међу прочимъ разговоромъ рекне Господинъ момъ отцу, да се и онъ къ нѣму у Рудникъ пресели, и да се ту на друму са женомъ и дѣцомъ више не задржава, будући да ніе сигурно одъ Турака за нѣга у єдномъ селу пребывати. Но мой му отацъ на то рекне, да онъ нигди себи сигурна мѣста наћи не може, докле годъ трускій мачъ дохвата, нити вели, ты сигурна себе у Руднику быти мысли. Турчинъ є Турчинъ, макаръ у комъ мѣсту было. Но нудеръ послушай ты мене; скупи ты све свое добро, узми жену и децу, пакъ да се тепамо и мы у Сремъ, видишъ да смо и тако пропали, надежду смо сву изгубили, на што се имамо осврта-ти? друго є простому народу: они немаду шта више пострадати, само што ће тежкій турскій ярамъ носити; нити зна простый землѣдѣлацъ, съ чимъ ће избећи, и на што ли ће у друго царство доћи? Нѣму є све богатство црна земля; а ову носити не може, но гди є, ту є, али о нами са свимъ другоячіе треба мыслити. Не видишъ ли, вели му, да

Турцы гди годъ кога одъ поглавиты и знатны людій и Господе нађу, съ мачемъ истреблюю, да се небы кои съ временомъ нашао, кому бы се народъ прилепіо, и противъ ньи вооружао. На то му Графъ, готово крозъ плачъ, одговори: да онъ воли у своме отечеству погинути, и кости свое съ костима праотаца своій у гробу оставити, него да свой животъ у странной буди гди Имперіи, на већу свою жалость продужава. Срдце се є мое, вели, тврдо завѣштало, да ће съ прочимъ народомъ у своме отечеству жалостну свою судбину, и подъ тирянско иго паденіе оплакивати. Я самъ истина, вели, за садъ одъ Турака миранъ и съ нѣкій самъ одъ первы у граду познанство учиніо, а што ће далѣ слѣдовати, незнамъ, за мене ми ніе, но за дѣцу, докъ самъ я живъ, може быти коекако, а кадъ я умремъ, како имъ Богъ да, даћу имъ совѣтъ, ако не буду могли турско зло подносити, некъ се уклоне, куда знаду, далѣ: но само ты гледай: ако у Рудникъ доћи нећешъ, а ты узми жену и децу, пакъ се зараніе у Сремъ уклони: на то мой отацъ: гледаћу таки овы дана, да жену и *Любислава* (ово є было мой старіи братъ) у Сремъ пребацымъ, а овога самъ (за мене) мысліо кудъ на науку дати; отономадъ самъ, придода, пріиміо писмо изъ Солуна одъ нѣкогъ доброгъ пріятеля, кои ми се обѣштава, да ће га пріимити, и у школе, кое се кодъ ньи у добромъ цвету налазе, давати; радъ самъ было, да се што гречески научи. Немой брате! одговори Графъ, дѣте тако одъ себе удалявати, єрбо чуємъ, да и тамо Турцы съ христіянствомъ зло поступаю. Не видишъ ли, да су они бичъ на насъ послатый; и я самъ мысліо мою дѣцу кудъ послати, али несмемъ, но узео самъ имъ учителя у домъ те ихъ учи; онъ є честанъ мужъ; учіо се є у Пе-

лопонезу, красне науке при себи има; онъ є моє жене роћеный братъ, но гречески тако говори као да є се у Атини родіо. Я самъ съ њиме заиста задоволянъ, нити болћгъ одъ нћга дћцы моіой потребуємъ, само да бы Богъ дао, да на миру будемо; далѣ: ако хоћешъ, дай Велимира мени; я ћу га къ себи пріимити, и у момъ дому съ моіомъ дћцомъ може се учити; я га одъ моє дћце ни у чему нећу разликовати, нити треба, да се ты старашъ за нћга; ако бы си ты у Сремъ прешао, и захтео бы си, да ти га пошлѣмъ, я ћу ти га самъ у Сремъ довести; у случаю Боже сохрани да бы смо се одъ Турака што узнемирили, я бы о нѣму равно, као и о моіой дћцы попеченіе имао. На то мой отацъ: Я брате! о твомъ къ мени пріятельству нити самъ сумняо, нити ћу сумняти; я ћу га теби дати, ево некъ иде, нити треба, да молимъ, знамъ да ћешъ му быти онай, кои самъ му и я. И тако опростимъ се съ родительи и съ Богомъ остайте последньій путъ рекнемъ имъ!! — Они остану, съ плачевнымъ погледомъ, мене, докле су видити могли, пратећи. Ахъ! као да су знали, и предвидили были, да є судбина већь заключила была, да ми последньій овай одъ њи растанакъ быти мора. Дођемъ съ Господиномъ у Рудникъ, и у нћговомъ дому скоро се обвикнемъ. Нћгова Госпоя, добра и блага душа, нимало ме ніе, ни у чему одъ своя два сына и єдне мале кћери разликовала. Я самъ имао альине лепе, и скупоценне; єрбо є мой отацъ добро стояо, а мене є особито любіо, но Господинъ мой, съ моимъ отцемъ искреннћйшій пріятель, за већма усвоити ме, даде ми направити альине, онакве исте, какве су нћгови сынови носили, одъ коій да бы се не разликовао у двору. Но по маломъ времену добра наша мати,

моє срдце є тако называ, єрбо ми є оно чинила, коє самь я само одъ моє матере очекивати могао, престависе съ овога света. Богъ да є упокои! лака іой она грудва землѣ была, коя є покрива! Самъ се Богъ заръ на ню смиловао, и себи ю пріиміо, да не дочека, и очима види ону страшну и прежалостну судбину, коя є скоро по томъ у двору слѣдовала. Господинъ Милутинъ имаѣаше сестру у истомъ месту Руднику, коя у то време, кадъ му се Госпоя престави, удова остане, и будући дѣце имала ніє, пріими ю Господинъ къ себи, ова є намъ у свему была, како годъ прва, мы смо у ньой ону къ нама любовь, и оно неговань обрѣли, коє смо у првой изгубили, и зато смо ю мы сви мамицомъ звали, и на нѣкій начинъ утѣшимосе, и позаборавимо прву, само *Босилька* (кћи Господина), коя є найнѣжніє къ матери своіой срдце имала, почесто бы тужила, ову су и отацъ и мати, а и сви у двору преко сваке мѣре любили, Она в свима нама дика и увеселеніє была, и као єданъ цветъ ружица, домъ родительскій красила. Она є преко своє ангелске лепоте сва свойства, и благородне прелести на себи имала, тако да є се могло рећи, што Поєте говоре, да ништа одъ нѣ, што є годъ красно, благородно и величественно, Граціє (Милине) сакриле нису; и нѣна два брата *Владиславъ и Владимиръ*, кои су юношескій возрастъ имали, были су као два земна ангела, єстество є ньи са свимъ украсило, а разумно родительско воспитаніє благообразило. Мы смо се сви четворо у єдной соби учили, и кадъ бы предавали наше уроке (лекціє), выше бы путій добрый нашъ учитель за Босильку, као изъ шале рекао, да є се єстество у томъ преварило, што є ю женско сотворило.

Дозволи ми отче! по захтеваню твоме, искре-

но, што се и овога, кое ће слѣдовати, тиче, теби исповѣдити! Стварь є за мене найвеће важности. Я овде одъ тебе найвећма совѣтъ и потребуємъ, и сотимъ ће ми быти лакше, што ћу мою тугу, коя ми на срдцу лежи, и кою я до данасъ никому сообштіо нисамь, теби изявити. Я се у ову невинну девойчицу тако залюбимъ, да она своима како красоте, тако и добродѣтельи прелестма, моє велми чувствително срдце завлада, и я самь се, колико самь већма могао старао, мене достойна како нѣне, тако и родителя нѣногъ любови учинити. Любовь є наша сасвимъ невинна была, нити смо были до онога степена у возрасту нашему дошли, у коєму страстъ съ целомудріємъ борениє починѣ. Я самь текъ на четрнаєсту годину ступіо быо, а она є дванайсту совршавала. А любовь є првый свой почетакъ одъ мене къ ньіой имала; но и она се къ мени наскоро толико чувствителна покаже, колико и я ньой. По маломъ времену невинна наша срдца тѣснѣйшій учине међу собомъ союзъ; тако, да оне часе, кои бы су намъ у разстоянію єдно одъ другогъ прошли, нисмо ій у часе блаженогъ нашегъ живота ни броили, но овакови су кодъ насъ врло редки были.

Добрый нашъ Господинъ отацъ неколико путій є примѣтіо ову нашу взаймну любовь, будући гди се овакова у простой невиности проводи, ту страу и опрезаню, да тко невиди, мѣста нема. Нѣкій путъ бы насъ двоє игратисе застао, а нѣкій путъ, да я ньой што изъ кньиге толкуємъ, коє бы му неизказана радость была. Выше бы путій као изъ шале ньой рекао: Босилька! хоће да ти иде Велимиръ! пакъ што ћешъ ондакъ? Она бы на то изъ почетка одрицала, но кадъ бы ю убѣдили

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

то вѣровати, полила бы сузама красне своѥ образе; а я и разумѣваюћи доброгъ отца шалу, опетъ бы се сгрозіо, кадъ бы само помыслiо, да бы то истина была, да се я одъ нѣ разстанемъ; а онъ бы и съ ѥдне и съ друге стране наша невинна срдца искушавао, и колико мы ѥдно друго силно любимо, примѣчавао, пакъ бы осмеяваюћисе рекао: „Ако добри будете, мене и Господина учителя узслушате и добро се узучите; остаће кодъ насъ Велимиръ, и нећемо га никада дома пуштати, но писаћемо, да му дођу Госпоя Мамица, Тата и братъ нѣговъ, пакъ ћемо сви заѥдно живити.

О! ово ѥ за мене бiо гласъ небесный; овде су се сва моя на овомъ свету желанія граничила! срдце моѥ нит' ѥ выше што одъ Бога желило, нити бы кому икадъ за каково веће счастіѥ завидити умело; ово ѥ ѥдно, и за мене найвеће на свету тада счастіѥ было; мы смо обоѥ съ благоохотнѣйшимъ срдцемъ лекціѥ наше учили, и у свему, колико бы се больи показати могли, ѥсмо се трудили. Мы смо сви четворо нашемъ учителю, како годъ родителю, повинни были, како што и ѥсть добаръ учитель после родителя, првый пріятель юности, и онъ ону исту почесть, кою и родитель свакій путъ заслужава: насъ ѥ нашъ учитель тако лепо, и поредачно учити знао, да смо мы са увеселенiемъ нѣга слушали, особыто, кадъ бы намъ обећао, ако добро лекціѥ издамо, да ће намъ што лепо приповедити. О блаженный мой ондашнiй животъ! и счастльиви дни! кудъ се дедосте, и како скоро исчезосте? Ахъ исчезосте у теченію времена, али нигда изъ могъ воспоминанія.

Нашъ ѥ Господинъ не далеко одъ вароши имао лепа своя добра: землѣ, винограде и воћняке,

и у њима подруме, и єданъ лепъ дворъ, у коємъ онъ имао є обычай у пролеће изселитисе, и съ целымъ домомъ преко лета тамо пребывати. Доста бы пута іоштъ у зиму нама говоріо, да, докъ дође лѣто, изселићемо се у летњій дворъ, коє смо мы деца съ радосћу чекали, и дане, кадъ ће зима већъ проћи, броили; особыто я, кои іоштъ нигда нисамъ быо, но и они, два лета была су мимоишла, да нису ту пребывали. Мы смо и у граду весело дане проводили имаюћи опредѣлено къ наукама време, савршавали смо наше лекціе; кадкадъ сели бы на конѣ, и мало бы се прошли; нѣкій путъ изишли бы съ учителѣмъ у коло, гди бы младежъ обоега пола, у праздничне дане, весело и невинно играла; стали бы, и на њи гледали; кадъ бы дошли дома, опетъ бы насъ учитель предузео, што годъ мало изъ лекція преслишати, а по томъ почео бы намъ или какову повѣсть, шта є се у древна времена случавало, проповедати, или какову веселу поетическу исторію казивати, или што годъ изъ Географіе, а доста пути и изъ саме Физике и Логике, коя су намъ понятна быти могла, бы намъ толковао; такоћеръ и повѣсть естества, о коекакви зверови, птицама, рибама и прочимъ животнима, какво є коє, како се раћа, како живи, гди се коя налазе, и проч.; ништа манѣ о дрвама, о травама, о цвѣћу, плоду, и т. д. Сва є онъ ова нама, изванъ оны наши на изустъ лекція, као у преповедки предавао, но тако є предавати знао, да смо мы болѣ памтити могли, него она, што є намъ на паметь давао. Онъ, кромѣ своє науке, кою є у Греціи почерпао, имао є одъ естества нѣкій особитый даръ, како годъ, да є се на то на овай светъ родіо, да друге учи. Кадъ бы што намъ предузео предавати, знао є насъ найпре са своимъ красно-

рѣчіемъ тако побудити, да ніе могуће, да га охотно, и съ добромъ вольомъ не слушамо. Выше путій чудили бы се, како намъ време одма проће, нит' є могло кому одъ насъ дуго време при нѣму учинити се. Богъ свеблагій нека му у оной вѣчности труде нѣгове богато награди! Данъ по данъ приспѣ намъ любко време, желаемо пролеће. О съ каквомъ смо мы радосћу то дочекали! Іоштъ тамо ни отишли нисмо, а мећ' собомъ мы дѣца разполажемо, гди ћемо се играти, гди ћемо подъ велики растови у ладу лекціе наше учити, како ћемо птице по шуми хватати, и проч. Даде Господинъ єданъ данъ сва, што є потребно, однети, и као што треба, у двору наместити, како ћемо сутра данъ на готово отиѣи. Дугачакъ намъ се тай последньій у вароши данъ чиніо: дошло є вече, сели смо вечерати, и разговоръ непрестанно намъ буде, како ћемо сутра у ово доба у пустиньи вечерати, и како ћемо по истеченію лета опетъ у варошь доћи и проча овакова. Но у исто вече случи ми се нешто, што ми ову радость мало одузме, и за неколико дана печална ме учини. Седећи намъ іоште при трапези, ето ти човека съ писмомъ къ нама у собу: пріими Господинъ, и спрамъ свеће читаюћи погледи на мене. Пытамъ, молимъ; неће да ми каже, докле годъ не вечерамъ. Єдва дочекамъ, да одъ трапезе устанемъ; благодаримъ Богу и, по обычаю, приступимъ му къ руцы; а онъ мене отеческомъ милосћу загрли и полюби. Сыне мой! вели ми, ты ни найманѣ не скорби; твой є отацъ већь у Сремъ срећно прешао, купно съ твоіомъ матеромъ и братомъ. Онъ тебе на мене као на свога брата, препоручує, увѣренъ буди, да ћу ти онай быти, кои ти є и онъ; я ћу тебе отечески као и онъ, любити, и за твое, како годъ и

мое дѣце счастіе одъ данасъ промышлявати, а доћи ће време, кадъ ћемо имъ отићи. Сотимъ ме ублажи. Сутра данъ осване данъ нашега изъ града одселенія, я съ Господиномъ, съ Босилькомъ и учителѣмъ седнемъ у єдна кола, а наша мати съ два сына Господинова Владиславомъ и Владимиромъ у друга: ходећи крозъ дивный предѣлъ, време красота у Маію месецу, наслађавамосе гледаюћи около насъ предмете, коє я дотле нисамъ видіо. Стигнемо у дворъ, сиђемосе съ кола, и єдно другомъ срадуємосе, гледимо свудъ упаоколо. Нисмо знали, куда ћемо, и на кою преће погледати страну, сва природа обновлѣна, сва весела и прелестна, свако дрво чинилосе на насъ осмеявати, и подъ своє прохладителне сѣне насъ мамити. Кудъ годъ погледимъ, срдце ми восхищава, цѣло єстество, одтргше себе изъ гроба зиме, воскресеніе своє торжествоваше; овде видимъ высока и богатолиственна дрва, по коій гранама птице пролетући, умилне своє издаваху гласе, далѣ око бацымъ: по зеленымъ ливадама, сваке боє цвѣтъ силный просутъ, коєго благоуханіе чрезъ цѣлу внутреность нашу пробія, надъ коима пчелице съ танки свои крили облетаю, и изъ ньи медну росу трудолюбиво збираю. Исподъ ливада доле кривудаюћи нѣкіи бистри поточићи, сливахусе у єдно велико єзеро, коє на нѣке мале вертове дивно разделявашесе, тамо пребѣли лабудови дично пливаю; онде дивльи пачићи около чбунова на чопорове по води несташно утркуюсе; по краю гдикоя рода на своимъ црвенымъ штрклятымъ ногама гордо корача, одъ стране єзера мало нагнуто, но поузвышено видисе брдашце, по коєму прекрасни мога Господина виногради леже. Исподъ виногради по зеленимъ ливадама, коє кристаловидни потоцы на неколико места пресецаю‘

прекрилило стадо оваца; млади яганьчићи нѣжность свою утркиванѣмъ подкрепляваю, и матерама своима умилно се улагую. Далѣ мало у шумицы неколико чобански колебица видисе, у коима одъ пространогъ света уєдиненіи пастири у тишини и миру животъ свой проводе; поредъ двора велика зидомъ обграђена башта, коя є плодоносномъ дрвима и свакоякимъ усѣвима богато украшена, и раю земному уподобльна. Исподъ двора по зеленой рудини, велики ораси, кои полакъ двора у сѣнь свою завіяху. На десной страни многе липе, одъ кои мирисъ изрядный по воздуху на далеко разливасе. Између липа великій Господина кованлукъ стои. Словомъ рећи: да све, што є лепо, и у єстеству за чувствителне душе благопріятно, то є у овому мѣсту, гди само єстество у тишини царствує, совокупльно было!! — Извини добрый отче! ово моє пространнословіе, коє я уповєнъ радосћу са услажденіємъ споминѣмъ, и споминюћи услаждавамъ се. А садъ ћу плачевно око моє бацыти на ону страшну судбину, коя ме є навѣкъ несчастію предала! — Но ахъ, могу ли тугу мою на пameть приводити! смемъ ли жалость и паденіе моє себи вообразити, кадъ се у мысли и садъ грозимъ, колико се годъ путій опоменемъ.

Радославъ (прихвати речь). Продужи сыне бесѣду твою, съ коіомъ си ме, да те радо слушамъ, учиніо! продужи све по реду, ништа неизостави! А што се твоє жалости тиче, коя те тако на срдцу гризе, трудићу се, колико будемъ могао, да ти ю умалимъ, а што не будемъ могао, о оной ћу участно съ тобомъ сожалити; а нема жалости, кою дугота времена умалити не буде. Ты си одъ свега чувствителна срдца, но докъ не чуємъ, и за све неразумемъ, ништа судити немогу.

Велимиръ. Жалостъ и несчастіе мое одовудъ почетакъ свой узима: У дивномъ ономъ, кога самъ ти описао, предѣлу, у єдно летнѣ вече, месечина будући, као данъ, седнемо по обычаю на чардаку вечерати, по вечери продужимо при трапези време; учитель нашъ поведе разговоръ о паденію Троє, коє є онъ изъ Омера читао; мы смо то съ таковымъ задовольствомъ слушали, да ни на умъ нисмо узимали, како су часи намъ пролазили. Самъ Господинъ слушаюћи, мило му буде, башъ ти хвала Господине учителю! да те Богъ поживи! За твоє здравлѣ ову чашу испіямъ. Текъ што чашу къ устма принесе, пукне пушка, а нашъ Господинъ са столице простресе на землю! Свима намъ срдца протрнуше! сви намъ членови одъ страха охладнише! смртна боя свима намъ на лицу явисе! Стане насъ дѣце вриска! брже болѣ у собу утрчимо! унесу Господина, у крви огрезла, свеће одма учитель угаси! Наши петъ слугу, учитель и два господинова сына оружіе лате! и првый Владиславъ на преддверіе истрчи. Турцы! Турцы! дворъ нашъ обколили! повикне; мене и Босильку, кои смо найманьи были, у єдну найкрайню собу склоне, изъ коє крозъ прозоръ смотримо на коньи до єдно 30 Турака; оружіе на месечини блисташе се на њима... Наша мала чета за дуваромъ ухвате бусію; и крозъ прозоре пушке бацати почну. Владиславъ, кои на деветнайсту годину ступіо бяше, ухвати себи бусію на чардаку, и докъ су прочіи на непріятелѣ пушке избацыли, дотле овай 4 съ коня свали, исподъ коій єданъ конь поплашенъ поредъ двора бѣгаше; єданъ отиснесе за њимъ, да га ухвати, кадъ таманъ поредъ прозора, крозъ кои мы као изъ прикрайка гледасмо, налети, нашъ учитель опали пушку, и овога съ коня свали. На гласъ

пушке сада нѣколико подъ нашъ прозоръ дотрче. Мы се за зидъ мало заклонимо, а они избаце на прозоръ пушке, пакъ се опетъ поврате. Свуда около двора пушака стои пуцнява, танета лете, као иста туча! Учитель крозъ собе къ Владиславу отрчи, моли га, братими, да баръ у собу убѣгне, но овай младый херой, кога срдце любовь родительска распаљиваше, као лютый рисъ разяренъ рече „коме є животъ міо, нека се укланя; я за мой далѣ не маримъ, само да осветимъ онога, одъ кога самъ га получіо, мой отацъ умире, мени ли далѣ живити треба“, дотрчи учитель къ нама у собу, узме насъ двое, и крозъ собе на нека стражня врата, за извести насъ у башту, похити. Іоштъ мы крозъ собе пролазећи, али Турцы већъ у дольне собе уишли бяху! изъ горњи соба бяше єдна надъ пещію яма, чрезъ кою се горнѣ собе зими греяле, надъ ову се надвиримо доле, ахъ! имашъ шта и видити! Турцы съ голи мачеви у соби олколели Владислава и Милету слугу; њи до єдно 12 на ову двоицу! Милета, вѣрный слуга, бранећи свогъ младогъ Господара, за свой животъ сасвимъ заборавіо бяше. Савъ у крви єдва рукомъ мицаше, Владислава као штитъ закланяше, и ударе на себе узимаше. Владиславъ такођеръ не толико ранѣнъ, колико уморенъ последнѣ силе крѣпости свое издавати виђашесе; учитель счепа пушку, и крозъ яму двоицу убіє. У тай ма утрчи Радоња; овай ти намъ съ обе стране острымъ мачемъ макне, около себе 3 на землю простре, и путъ, за избећи Владиславу, сотимъ отвори. Шта є потомъ слѣдовало? и како є счастіе съ њима далѣ поступило? незнамъ; ербо учитель ограби насъ двое, и у башту изведе. Текъ што мы у башту избѣгнемо, засветли се цѣла башта, погледнмо, али єдна страна крова одъ

двора у пламену букће, смотримо Владимира, кои сирома у башти поредъ зида препеосе на нѣко буре, и преко зида на непріятелѣ пушке бацаше. Мы съ учителѣмъ изъ баште изиђемо, и узъ єдно брдашце бѣгати почнемо, али пукне пушка, и нашегъ учителя сгоди, потрчи сирома неколико кораклям, пакъ изнемогне, падне на землю, и предасе своіой судбини! насъ двоє ускоримо у шуму себе сакрити; ноге страхомъ разслаблѣне подъ нама клецаху; єданъ одъ непріятеля за нама отиснесе, но я имаюћи при себи пиштоль, овога, кадъ таманъ да насъ стигне, приближисе, у прси сгодимъ, съ коня на землю га свалимъ. Текъ се овога избавимо, алъ ето ти нѣи шестъ! — Обколе насъ и ухвате! дао Богъ, те онога, кога самъ съ коня свалio, нису узели на умъ, а да су смотрили, ту бы ми конацъ быо! но камо та срећа за мене? Пиштоль самъ одма, кадъ самъ видio да ће насъ ухватити, у траву бацio. Садъ узме мене єданъ, и на коня предасе метне, а Босильку другій! и тако изиђемо на друмъ, гди су прочи до єдно нѣи 9, кои погинули нису, одъ двора отиснувши се, на друге очекивали. Одавде предузмемо путъ, и за неколико дана у Бугарску стигнемо землю. Истина, да су намъ свагда давали єсти, нити су намъ што чинили: но тко ће єсти? съ єдне стране стра' и ужасъ, шта ће съ нама тирани чинити, камо насъ воде, и Богъ зна куда у светъ насъ забацыти буду; а съ друге стране жалость и туга, особито бѣдны моій родителя, докъ жалостну мою чую судбину, непрестанно насъ мучаше, и толико измождаваше, да нити смо даню могли шта єсти, нити пакъ ноћомъ у сладкій санъ пустити се, и съ нѣимъ изгублѣне наше крѣпости што возобновити: останемо обоє као изъ землѣ ископани! а сву мою тугу Босилька ми

є усугублявала! чинило ми се, да ми ни полакъ не бы было тежко, да баръ самъ ужасный овай судбине ударацъ трпимъ. Но колико путій на ню погледимъ, толико ми се срдце у мени цепаше. За моє избавленіе я самь нѣку надежду іоштъ имао мыслећи у себи, буди гди они мене однели, я ћу побѣћи, те побѣћи, ванъ да бы су ме не, као роба, но као пса на ланцу држали. Али могу ли я побѣћи, а мою сладку Босильку, за кою бы животъ мой положіо, у робству оставити? шта ће она сирота чинити? Я, као мужко, ако самь и дѣте, опетъ самь свуда болѣ, него она, пристао.... Станемъ размышлявати, и майсторисати, да бы и ню избавіо: но никако! чуваю пусти, као да су насъ за новце купили, єрбо су мыслили за насъ овакове добыти. Путујући преко цѣле Бугарске нигди се не усуди срећу покушати, да бѣгамъ, єрбо гди бы ми се способъ нѣкій и показао, то ніє могао за обоє насъ служити. Стигнемо найпосле у Варну, башъ у вече, текъ што су се свеће упалиле: дођемо у ханъ; затворе насъ двоє у єдну собу, а они сви оду у кафану. Донесу намъ ту вечеру; єдва худу Босильку намолимъ, да се мало префати, и подпоръ невинногъ свога живота са свимъ неодрекне, ублажаваући ю, да насъ неће Богъ оставити. Узмемъ и самъ мало и поємо. По вечери склонимъ єданъ, съ коимъ смо єли, ножъ. Ћутимъ, Босильки ништа не кажемъ. Ова сирота мало поєла, и одъ толико ноћій будући ніє спавала, наслони се, и сладко заспи. Я ти докопамъ ножъ, пакъ станемъ у ћошку дуваръ прокопавати; цѣлу ноћь до саме зоре мучимсе, и єдва коєкако, да се можемо провући, прокопамъ, а на полю што Богъ да. Пробудимъ Босильку, коя се єдва на то склони, и да бѣга, усудисе. Провучемо се ту, єстъ хоћешъ!

Видимо се у авліи, грднымъ зидомъ ограђеной! Шта ћемо садъ, наше неволѣ? изићи не можемо! Узданемо, пакъ се опетъ у собу повратимо, и рупу ону, да се не осети, заправимо. Кадъ свање, иззову насъ на полѣ, и поведу управо къ мору. Доћемо на брегъ морскій; погледимъ море, коє садъ првый путъ у момъ животу видимъ, упропастимъ се величини нѣговой; као да є по' света вода покрила. Множство галія около брега наређалосе; люди свакоякогъ єзыка, у разнима трговинама упражняваюсе. Поведу насъ двоє брегомъ мора къ нѣкой найкрайньой и одъ прочи добро удалѣной галіи: съ брега повикне єданъ одъ насъ спроводећи Турака, на коє изиће нѣкій съ просѣдомъ, и закушлявитомъ брадуриномъ Каіафа, и за њимъ троица, кои такође у годинама быти вићаусе. Познамъ овогъ старогъ орятина, да є онай, кои є у вече іоштъ, како смо дошли, съ нашимъ заманделіяма разговоръ нѣкій имао. Турски су говорили, нисамъ ій разумети могао, но колико самъ изъ внѣшньи знака разговоръ њинъ докучити могао, за насъ двоє погађали су се, будући да є на насъ турчаюћи много погледао, како што и садъ одъ главе до ногу стане насъ съ орятскима мѣрити очима. Насъ су ту само троица довели, а прочи су у вароши негди заостали. Овай старый угурсузъ проговори нѣшто съ єднымъ одъ наши, пакъ рукомъ о нѣгову лупи руку, и у истый часъ смотасе, као смущенъ у галію. Гледимъ шта ће то садъ быти, ал' ето ти нѣга съ кесомъ у руцы, стане овомъ дукате на данъ броити, и насъ двоє съ пунымъ суза очима као два незлобна, предъ касапницомъ ягнѣта, броећи новце, курячки погледа! Помыслимъ у себи: благій Спасителю! овако є Юда тебе за новце продао! Мили родительи! како

бы вамъ было, да насъ садъ видите? Дигнемъ очи на небо, узданемъ, и ништ' неговорећи помыслимъ: О небо! видишъ ли? Босильки гдикоя суза низъ нѣно невинно лице у нѣдра ньой се свальиваше, и нѣно страхомъ трепетуће срдце орошаваше. Потомъ счепа ю єданъ за руку, и повуче у галію! Она сирота врисне, и мене за альину за собомъ повуче. Но єданъ горопадникъ тако ме тури, да самъ о землю лупіо! и, докъ самъ се мало повратіо, и на ноге себе исправіо, дотле ню на галію одведу, а мене на брегу оставе. Привіямъ се одъ плача, и за ньомъ гледимъ, но єданъ ми бугарски проговори, да я морамъ остати, и ту мога Господина, кои є за мене іоштъ синоћь платіо, чекати; а твою су вели ми, сестру, ономъ трговцу, кои съ роблѣмъ тргує, продали. Ахъ! како є мени овде у тай паръ было? ніе могуће, да може себи онай, кои ніе патіо, представити. Да ме є громъ ударіо, или да є се земля подамномъ провалила, мене бѣдна у пропасть свою узела, и туги моіой купно съ моимъ жалостнымъ животомъ конацъ учинила; то бы єдно и за мене у онай часъ найвеће благо было! Смутисе у мени духъ, пренемогнемъ, и на землю паднемъ. За неколико минутій недвижимъ полумртавъ полежимъ; потомъ као иза сна єдва чуємъ гласъ нѣкій: „Велимире! Велимире!“ Падне ми на образъ млака капльица, презнемъ, и очи отворимъ, смотримъ мою любезну, коя є на мене пала, и моє готово ладне образе росомъ любве изъ очію своій полива! Она се усиляваше, да ми што далѣ проговори, но одъ плача не могаше. Я, као изванъ себе, туримъ ю рукомъ, и єдва говорећи: остави ме! остави ме! да тихо умремъ! Она узме малко ладне воде, и окваси ми образъ; со тимъ доћемъ мало къ себи, и устанемъ. Не бойсе! рекнемъ

іой; моли се Богу! Обоє простремо себе на колѣна предъ тиранима, и склоплѣныма станемо се молити рукама, да насъ баремъ не разставе. Ахъ! Нероново бы се срдце сокрушило, гледаюћи, како су наше сузе землю предъ овыма окаянима квасиле, но всуе! У грубо и безчовечно тиранско срдце наше рѣчи никаковый уходъ имати нису могле, само у толико покажу намъ неко милосрдіе, те насъ преваре, обећаваюћи се, да ће они то кодъ оногъ Господина, кои є мене купіо, учинити моћи, да онъ своє новце натрагъ пріими, пакъ да мене оному истомъ, кои є Босилъку купіо, продаду. Ово обѣћанѣ пламенъ нѣкій благонадеждія у мрачному нашемъ срдцу ужеже, и насъ поутѣши... Тай данъ проведемъ съ Босилъкомъ у лаћи. Кадъ бы у вече, ето ти єдногъ по мене, каже, да ме зове онай Господинъ, кои ме є купіо. Поћемъ тамо, стра' и надежда, шта ће садъ быти? у момъ срдцу непрестанно боряхусе. Уведу ме у єдну собу, гди њи до єдно 10 сећау. Нѣкій разговоръ о мени протурчаю, пакъ мене опетъ у галію врате. Сутра данъ видимъ, да су се сасвимъ спремили, лаћу, и све што є потребно, оправили, само да се поће. Я, видећи, да по мене нико не долази, увѣримъ се, да самъ већъ овому продатъ, и да ћу съ Босилъкомъ по мору путовати. Обоє се тако утѣшимо, као да смо се робства избавили. Момцы съ галіе были су отишли на піяцу, да коєкакве потребе іоште за себе узму, и за њима се стаяло. Моя мысао ни о чему другомъ, но да скоро дођу, и да се єданпутъ отиснемо, бавила се. Съ друге стране стра', да се о мени не предомысле, како што ће и быти, срдце ми угрожаваше. Ето ти момцы иду, и съ њима 3 Турчина; зовну мене на полѣ! текъ што я изиђемъ на брегъ, стану галію отискивати;

бризнемъ плакати, и єданъ ми одъ њи рече: „Бадава плачешъ, ты си другомъ продатъ, остати морашъ.“ Ахъ! ово є изреченіе громъ за мене было, кои ме є у срдце ударіо! Садъ видимъ, да ме є небо осудило, и конечно погибели предало! Садъ признаємъ, да самъ найнесрећніи на свету юноша! одсадъ неће ми слепа надежда ласкати! О! има ли гди на свету мени подобанъ страдалацъ? има ли гди добра каква душа, коя бы участница скорби моє была? и мене сожалителнымъ погледомъ утѣшила? Єдва ми допусте, да се съ њомъ опростимъ. Пали смо єдно другомъ около врата, и у торжественнѣйшемъ молчанію за неколико минутій сузе смо єдно другомъ у нѣгра лили. Напослѣдакъ рекнемъ іой: „Пріими одъ мене любезна моя на дугій твой путъ овай даръ, кои ти моє срдце дає; пріими у мѣсто бисера ове моє изъ очію каплѣ, коє изъ мога горећу пораженогъ срдца сада истичу! и оно за тобомъ венути оставляю!“ Неодбацы ни овай малый мой, на растанку нашему, совѣтъ! „Имай надежду на промысао Божій, и люби гди годъ будешъ, добродѣтелъ.“ Има око, коє ово види, быће време, кадъ ћемо се састати! Доћи ће сладкій онай смрти часъ, у комъ ћемо мы у ону безконечну корачити вѣчностъ, и наша чувствителна опетъ соединити срдца! Нису она воистину само за овай бѣдный свѣтъ создана, нити за тако кратко време овако сладкимъ чувствомъ упоєна быти могла. . . Ню отргну одъ мене, и на галію поведу; погледи сирота на мене, и хоћаше ми нешто рећи, но нѣне нѣжне устне іой одъ плача задркћу, и єзыкъ іой се недвижимъ учини; изговорити не може! Иди рекнемъ іой! Иди, половино душе моє! и носи моє срдце! но о, да бы твоє кодъ мене не остало! Иди! любовь моя, и мысао моя

на тебе свуда ће те преко синѣгъ мора пратити! Ахъ! само да бы си ты замномъ оволико чувствителна не была. Галію одъ брега отисну, а я окаменѣнъ на брегу за ньомъ гледимъ, сузе ми се подъ брадомъ састаю. О милостиво небо! ако є одъ тебе какова на родъ Србскій казнь, ако є толико праотаца наши преступленіє у чему быти могло, да се твоимъ попуштеніємъ сладчайша ньіова чада овако беззаконымъ продаю, удржи баремъ праведный твой гнѣвъ сверху ове невиности, коіи си сада свирѣпому мору, а іоштъ млого свирѣпіимъ варварима предао! сохрани ю о Боже! и немой ю оставити! Галія тихима таласима часъ горе часъ доле по мору колебашесе, и изъ моій очію вешма и вешма исчезаваше; на єданъ путъ вешь и ветрена платна, около коій се видъ мой забавляше, нестану, и као да у море клону, испредъ мога се взора измакну, и мой взоръ опетъ у моє сузно око поврати се. Паднемъ на ону землю, съ коє ми є неумитна судба оно благо похитила, за коє ће ми срдце моє до гроба тужити, обліємъ ю сузама у мѣсто драгоцѣнне аромате, као да ми є у нѣму она, за коіомъ тужимъ, закопана, рекнемъ у себи: ово є мѣсто одъ созданія, може быти, жалости посвећено. Далѣ: узму ме одавде, и одведу ме у нѣку собу, гди застанемъ іоштъ два роба. Ови су были Єрмени, говорити съ ньима нисамь знао. Сутра данъ изведу насъ подалеко одъ вароши на море у єдну галію, на коіой се после подне кренемо; коєкаквы до єдно 30 насъ. Време будући лепо, ветаръ тихъ, и за пловенѣ као што треба, стигнемо тай данъ у нѣку поредъ мора малу, но врло лепу варошицу; и ту се три дана позабавимо; єрбо су нѣке трговачке имали послове. Трећій данъ были су намѣрени около ињиндіє (за-

ранака) кренути се, но очекиваюћи нѣку Господу, коя у Цариградъ полазаху, задоцнимосе. У вече месечина, као данъ, ето ти нѣкогъ Господина съ Госпоіомъ своіомъ, и петъ дѣце; сви у драгоцѣнимъ алъинама обучени, свила и зелена кадифа по земльи имъ се вуче, три слуге и две служавке, коєкакви ньи дванаєстъ скръашесе у капетана галіе собу; два сынчића овогъ Господина, младићи моє врсте, добре и веселе нарави, дођу къ мени, и самномъ нѣко познанство, као дѣца учине. Старіемъ бяше име *Юсипъ*, а млађемъ *Ибраимъ*. Старіи є по нешто знао српски, но гречески знали су обоица добро. Я, будући да самъ одъ учителя гречески такође прилично био научіо, пустимъ се съ ньима у разговоръ; коє српски коє гречески могли смо єданъ другомъ мысли изражавати. Они тако почну самномъ дружески и невино поступати, као да смо се Богъ зна, одкадъ познавали. Помыслимъ у себи: света невиности! ты у свакомъ племену и роду царствуєшъ! но оле! само дотле, докъ страсти нису тобомъ обвладале. Боже благій! Зашто да човекъ природну ову невиность, кою при првому возраста свога степену получи, не задржи? Зашто да духъ човеческій одъ сладке природе, и єстества своєга после неколико година заблудити, и удалити се мора? Зашто велимъ ова ангелска и света наравь да се у дивлю, зверску и свирѣпу обрати? Та ово се явно види, да Ты о Боже! у свакога насъ безъ разлике благо, просто, чисто и безпристрастно у почетку нашему срдце уліешъ, коє се после неколико година преобрати, изштети и сасвимъ другій нѣкій на себе видъ пріими. Тко є узрокъ тому? — Тко бы игда рекао, да ови младићи христіянски нису воспитани. Падну ми Спасителя сладке речи „ако не будете као дѣца, нећe-

те уђи у царство небесно“ одзову ій вечерати, и при вечери почне имъ Арапинъ у арфу ударати и узъ ню нѣку дивну сладкомеланхолическу арію пояти, да се одъ милина нисамъ могао довольно наслушати. Ноћь будући, тишина свуда простртa, само кадкадъ шумъ воде исподъ галіе наше и одъ весала шушташе, а нѣму пустомъ, гласъ како исто звоно. Коє нѣга слушаюћи, коє съ галіе около себе неизмѣримо море гледаюћи осећао самъ, да ми се тиха нѣка радость у срдце повраћаше: море спроћу месечине блисташесе, малымъ ветрићемъ гдигди колебашесе, и разне нѣке фигуре изражаваше; жительи нѣгови ово овде, ово онде надъ поврхносћу воде прућахусе, инсекта на слаби крили надъ њимъ паряща похищаху. Погледимъ горе, небо чисто и ведро, безчисленнымъ звѣздама, на подобіе бриліанта, нѣгова она плаветность дивно преиспещрена. Луна, као царица, посреди свію планета величественный свой управляше ходъ, и бледый отъ себе на вселенну низпушташе свѣтъ. Мой жалосћу погруженый духъ позабависе сада при ови красни єстества предмети, доћемъ у нѣко умиленіе, осетимъ у себи радость и овако запоемъ:

Све самъ благо овогъ свѣта я изгубіо,
и радости сваке лишенъ, сужанъ постао,
Нит' надежду какву имамъ избавленія:
зато опетъ сузе ронимъ умиленія,
Гледаюћи око мене красно єстество,
и одовудъ чистымъ срдцемъ славимъ Божество.

Я ово поюћи, ето ти моій познаника къ мени, прекину ми пѣсму, сѣдну и почну се самномъ разговарати, кажемъ имъ на вопростъ, одкуда самъ

и да самъ, као робъ, продатъ; сожале о мени. Рекне Іусипъ Ибраиму нешто турски, овай оде, и донесе ми єсти; разговараюћи се самномъ кажу ми, да ћемо сутра, пре подне, у Цариградъ стићи. А кадъ разумеду, да іоштъ у нѣму нисамъ био, стану ми описивати, каква є то грдна варошъ. Зачудићешъ се, вели ми, кадъ ю видишъ; мы смо у њой роћени, и іоштъ нисмо у свакой мали, на ков се она разделює, были. О! само кадъ те небы кудгодъ далѣ продали! У разговору съ овыма проведемъ добро парче ноћи. По томъ оду они спавати; легнемъ и самъ на галіи спроћу месечине, заспимъ, но цѣлу ноћъ у нѣкомъ презаню, и страшнимъ снима проведемъ. На разсвитку повикну лађари: ено Цариграда, тко ніє видіо! ћипимъ на ноге, удивимсе, кадъ видимъ! Рекао бы савъ се свѣтъ овде скупіо бяше; разширіосе пустый, да га ніє могуће прегледати. Гди кои се край по измећу планина пружіо, и другу нѣку очима варошъ представляше. Памієе безчисленне, на кою годъ страну погледишъ. Ето ти мога дружства: Но, Велимире! шта ти се чини одъ наше вароши? а камо ли іоштъ кадъ у ню дођешъ, море оно ћешъ видити, што нигда ниси видіо, и оно ћешъ чути, што чуо ниси, буди само добре волѣ! ту има више Хрістіана, него наши, не бринисе ништа! Само, ако видишъ, да бы те тай куда далѣ продати хотео, побѣгни, ништа се небой! О! колико ій мы познаємо, кои су побѣгли. Мы ћемо ти гледати, да ти на руку учинимо, да можешъ побѣћи. У оваковомъ разговору мало поутѣшенъ путуємо све ближе, и ближе къ Цариграду. И, будући да турски нисамъ знао, никакву послугу одъ мене онай, кои ме є купіо, ніе потребовао. Они два Єрменина у за свашто трчкарили су, и послуживали, а я самъ

само съ овыма диванъ водіо. Данъ є ѕсеньій, време лепо, путуємо весело, и тако предъ подне уплывамо у каналъ, кои два мора, Цариградъ окружаваюћа, союжава. По подне стигнемо подъ саму варошъ. Овде се уставимо, и сви на брегъ изиђемо. Іусипъ и Ибраимъ кажу ми, у комъ краю они пребываю. Доћи! веле ми, ако ти могуће буде, кадгодъ къ нама: нашъ се отацъ зове *Османъ Бекиръ Ага* (како самъ по томъ разумео, да є био у великомъ нѣкомъ достоинству, и поредъ тога врло поштенъ човекъ). Видећи ме њіовъ отацъ и мати проговоре мени нешто турски, и будући да другій єзыкъ нису знали, сынови имъ разговоръ самномъ толмачити почну. Пытаю ме одкуда самъ и како самъ; кажемъ имъ. Машисе у џепъ, и 10 гроша (грошъ чини 40 пара) даде ми. Поклонимъ му се, и захвалимъ. Жао ми буде одъ овы два моій добра друга, премда су Турцы, разстати се, єрбо су ми врло искренни были. Опростесе самномъ и оду у варошъ, а я останемъ на галіи.

После подне око петъ сатій дођу намъ неколико Турака, седну, запале луле, и донесе имъ се кафа. У разговору сву троицу насъ єдноме одъ овы прода. Овай, кои насъ сада прекупи, зваосе *Муса*. Онъ є водіо на мору разну трговину, имао є до 17 слугу, одъ коій насъ 8 были смо робови. Доведе насъ кући своіой, кою онъ у предградію поредъ воде, као градъ, имаћаше. По неколико дана прода обадва Єрменина, а мене съ прочіи робови на галію мете, и моремъ у нѣкій малый островъ, гди є онъ имао прекрасне баште, винограде, и плодоносне, свакоякогъ рода воћняке, донесе. Побегни садъ, помыслимъ у себи, галія се тай данъ врати, а мы у острову свуда водомъ окружени оста-

немо; изићи се не може, ванъ да си птица. Овай Господинъ у острову овомъ имаѣаше лепе дворе, у коѥ бы често преко лета съ цѣломъ фамиліомъ, и съ коѥкаквомъ изъ Цариграда Господомъ долазіо, и по неколико дана провеселіо бы се. И, колико самъ могао искусити, доста ѥ было добаръ и побожанъ човекъ. Но нѣговъ надъ добромъ управитель, опакъ човекъ одъ свега, постави надъ нама робовима нѣку парапасію веру, кои у робству већь оматоріо, да онъ буде нашъ, кадъ што радимо, надзиратель. Овай ѥ се звао *Аѣаліа*. Кога ѥ закона, и рода было, Богъ бы га знао; ѥзыкъ ѥ свакій по нешто знао, а ни ѥднымъ управо говорити ніѥ могао. Но не вѣруѥмъ, да ѥ и какавъ законъ могао имати, кадъ ѥ онакавъ было. До подне бы се казывао, да ѥ Турчинъ, а после подне, кадъ бы се отрескао и опіо, кажесе, да ѥ Христіанинъ! Но истину рећи, да ѥ самый нѣкій човеческій ликъ на себи имао, а наравію сасвимъ ѥ безсловесный было. А да ѥ морао съ нама онако поступати, нека бы, но само за показати себе кодъ настойника вѣрна и ревнива, орятски ѥ насъ мучіо! У нѣму ѥ душа црна морала быти. Но ніѥ требе, да о ѥдномъ окаяннику толико простанно говоримъ. Мы смо одъ ютра до саме ноћи у башти копати морали, и онъ, пусто му мѣсто было, устопце бы за нама съ татарскомъ камціомъ слѣдовао, и исправити се намъ небы дао. Предъ ноћь онако уморни трудомъ, и врућиномъ разслаблѣни, морали смо у грдне каде воду вући, и башту поливати. Я, кои се нисамъ оваковому труду навикао, и кои самъ нѣжно воспитаніѥ имао, међу свима самъ овде найнесрећніи было! Паднемъ у отчаяніѥ, изъ отчаянія у болесть! Люта грозница наиће на мене! Лежимъ по читавъ данъ, нигди никога, да ми чашу ладне водице до

руке дода, да мою, лютомъ ватруштиномъ разжежену утробу разладимъ, сува и горка уста мало исперемъ. Ахъ! ніе могуће описати, шта самь се овде напатіо.“

Радославъ пресѣче своє молчаніе, и речь Велимира прихвати: сыне мой! ты си мене съ твоіомъ повѣсћу у удивленіе и сожаленіе нѣко привео, време є, да што обѣдуємо; знамъ да си гладанъ; ево ручакъ є готовъ. А по ручку продужи речь о твомъ житію далѣ, коє ћу я опетъ съ вниманіемъ слушати.

Велимиръ. Истина я самъ се завео у бесѣду и мало сметуо съ ума, да ме одкуда дружство не узтражи; найболѣ бы было, кадъ бы се кудъ мало на страну уклонили, да се одкудъ не сете, да самь я овде.

Радославъ. Инди, кадъ є тако, тому се лекъ може наћи; ево, да се склонимо у ову шуму! Заиста добро ће быти, єрбо я све стрепимъ, да одкудъ на насъ не натрапаю; да ће ме тражити, о томъ нимало не сумнямъ.

Радославъ оде, и подъ нѣкомъ, мало далѣ одъ колебе, у шуми липомъ, поредъ єдногъ кристаловидна источника постави пастирску трапезу, по зеленой трави застре єданъ чистъ трапезникъ, донесе млада сира, скоруша и млека овчія, коє є онъ своіомъ рукомъ то ютро умузао; мете лебацъ, кои су му у вече одъ куће млакъ и меканъ донели; по томъ зовне Велимира, а детету заповеди, да приставі єданъ ягнѣћій черекъ у колеби къ ватри; придода, ако бы тко дошао, да не каже за њи ништо. Седне съ Велимиромъ за ону просту трапезу, кою липа съ богатолиственнымъ гранама осѣ-

няваше, и мирисомъ своимъ савъ онай воздухъ испуняваше. Тихо разговараюћисе ручаю, и пѣсме невинны шумски обытателя слушаю. Испредъ њи одъ источника, преко црны стѣна, кривудаюћій поточићъ шушташе; тихимъ зефирима лишће на дрвима часъ по часъ трепеташе, и съ њимъ мирисъ са цвѣтоносны, наспрамъ њи, ливада, по коимъ старчево стадо пасаше, до њи се развеяваше. Мѣсто за чувствителне душе блаженнѣйше, мѣсто невиности, гди само свето єстество царствує.

Радославъ нуди Велимира, разговара га и блажи. По ручку рекне му: Далѣ, любезный сыне мой! настави повѣсть страданія твога, какву си судбину по томъ трпіо? како ћешъ се одатле избавити, и мени доћи? све ми кажи са истимъ бесѣде поредкомъ, ништа не хити, нити што изостави!

Велимиръ: Грозница люта свакій трећій данъ долазила є на мене, найпре зимомъ истресе ме и измучи, а после наиђе врућина, да по по' дана ништа о себи незнамъ. Сутра данъ, кадъ іой ніе време, морао самъ онако слабъ съ прочима радити! откуда тако разслабимъ, да самъ се єдва на ногама држати могао. Одемъ настойнику и потужимъ се, те ме овай до душе одъ посла ослободи, рекне ми, да се мало, кадъ ме грозница попусти, коекудъ прођемъ. Єданпутъ у ютру, текъ што се свиће, у тай данъ, кадъ ме грозница ухватити неће, заузмемъ се крозъ нѣку шуму про'одати; и будући да туда нигда нисамъ био, нови предмети све далѣ и далѣ, шта ћу ту видити, одмаме ме далеко; хотя да самъ лагано ходіо, но пуштенъ у мысли, подобро се удалимъ, али како небы онаково дивно Едемской башти подобно прегледаюћи

мѣсто. Опомене ме гладь, да се морамъ вратити. Погледимъ на сунце, кое се већь къ западу у море спушташе, и косима зрацыма сѣнке одъ предмѣта далеко бацаше; видимъ, да самъ се задоцніо. Шта ћу садъ? ніе могуће, да натрагъ за вида стигнемъ. Предузмемъ нѣкій прекій, поизмеђу планина путъ, но таманъ се у найдублѣ спустимъ долине, сунце седне, и последньи нѣгови зрацы, кои врхове дрва слабымъ своимъ свѣтомъ позлаћаваху, сасвимъ изчезну. Я слабъ и уморанъ, съ штапићемъ у руцы, наглимъ на нѣко брдашце, кое се предамномъ виђаше, изиђи, да небы на каково у дубрави зверинѣ насрнуо, и ньіова се раана учиніо. Но мракъ по дубравама све гушћій постаяше, и предмете у себе завіяше дотле, да напослѣдку ни ходити нисамь видіо; спустимъ се на землю, да се или мало одморимъ, или и преноћимъ. Ал' укаже ми се нѣка ватра, коя се подалеко одъ мене, у нѣкой, на средъ поляне, малой међи светляше. Боже помози! устанемъ, и тамо се упутимъ. Текъ што по помрчини донде доглаврнямъ, засветлисе мѣсецъ и укаже ми се нека велика башча, кое половину саме пчелне кошнице запремиле бяху; сетимъ се, да мора быти какавъ коваилукъ. Далѣ мало смотримъ колебу: боримъ се по памети, хоћу л' унутра или не; време до душе топло, могу и на полю преноћити, али єдно гладанъ, да бы каменъ загризао, а друго изъ любопытства радъ бы разумѣти, тко ту обытава; приступимъ къ вратма: осетимъ нѣкій лепъ одъ пецыва мирисъ! провиримъ крозъ єдну рупу, Боже помози! реннемъ у себи, ево среће коіой се нисамь надао! Старацъ єданъ пече на тиганю кайгану, а момче поредъ ватре окреће на ражню кокошку. Далѣ, на асталчићу поредъ дувара єданъ великій хлѣбъ. Мы-

єлимъ у себи, да ли се ови надаю госту; но шта имъ драго, идемъ я унутра. Куцнемъ на врати и съ добро вече, поздравимъ ій. Замолимъ се, да ме пріиме на конакъ. Съ драге волѣ, рече ми старацъ. Пыта ме, одкуда самь, кажемъ му. Добро, вели, сѣди, пакъ ћемо садъ вечерати! Богъ ме деко, рекнемъ му, самъ ме є Богъ къ теби упутіо, я самь мртавъ гладанъ. Запытамъ га, чіи є кованлукъ, и одкуда є онъ ту: кованлукъ є вели онога истога Господина, кои є тебе, како кажешъ, купіо: а я самь правый Бугаринъ у Трнови роѣенъ; има већь 20 година, како самь у овомъ острову; седнемо вечерати; пошлѣ момче те донесе свѣжа у саћу меда. При вечери кажемъ му, да самь одъ толико времена ту, и за нѣга нисамь знао. Я вели, никудъ не идемъ; одъ ове године ни у Цариграду іошъ нисамь быо, имамъ ово момче, коє ме за сваку потребу послужи, и тако немамъ нужде никудъ ићи. Запыта ме, како су ме заробили, и овомъ Господину продали; у кратко и као мимогредъ, задовольно учинимъ вопросу нѣговому; и потужимъ му се, како се патимъ овде у острову. Мой сынко! вели ми, я ти вѣруємъ, да се патишъ, а особито она парапася вера знамъ, како васъ мучи. Но я се боимъ, да ты ниси побѣгао. Увѣримъ га, да се о томъ не сумня: може быти, да ће се то о мени и помыслити, буѣући да се овако са миномъ случило, но я ћу се преко сутра натрагъ вратити, и мою невиность осведочити, коє бы сутра учиніо, да ми ніє време грозницы. А како си се смео тако у непознатый овай предѣлъ усудити ићи, вели ми; та незнашъ кукавче, да овде има медведа, и юче самъ на єднога, кои се на медъ навадіо, пушку избаціо, рикнуо є и побѣгао, не вѣ-

руємъ, да га нисамь згодіо; на мою душу, срећанъ си, те си живъ остао.

Сутра данъ ето ти ми грознице на вратъ! Но овай честный старацъ, Богъ нека му плати! а я му не могу за ону любовь, кою є онъ мени у нужди показао, довольно благодарити; небы могла нигда мати около єдинца свога болѣ, него што є онъ око мене ходіо. Неделю дана ніє ме хотѣо одъ себе пустити, докле ми годъ ніє грозницу съ коєкаквымъ травама отерао, и сасвимъ ме здрава видіо: по томъ самъ ме доведе, настойнику преда, и пріятельски ме кодъ нѣга препоручи, будући да су се врло пазили, и єданъ другога іолдашомъ звали, одъ тогъ дана почео ме настойникъ пазити, и заповѣди Аћаліи, да ме ни на каквый другій посао не тера, само да по башти траву плевимъ. Захвалимъ добромъ момъ благодѣтелю Траяну (старцу). Онъ се натрагъ врати, и мене ту остави, гди я добро за нѣко време поживимъ.“

Они ово говорећи дотрчи дѣте, каже, да су пустаіє долазили, и за Велимира пытали. Како су те пытали? рекне старацъ. Запытаю ме, єли ово старца Радослава колеба, и гди є онъ. Кажемъ имъ: ово є, и онъ башъ садъ некудъ отишао. А да ніє, вели ми, какавъ младъ момчићъ овде къ вама долазіо; другій на то: онай, што є юче кодъ васъ быо; лепо дѣте, тако твога доба? Быо є, рекнемъ имъ, юче, и дали смо му хлѣба и сира. Казивао є, да има дружство нѣгди. На то єданъ: єли се онъ што са старцемъ разговарао. Да су се што разговарали, чуо нисамъ, велимъ имъ, єрбо самъ быо кодъ ованца, но видіо самъ, да се ніє нимало задржаваө. Но по свой прилицы онъ є оти-

шао у ново село, єрбо самъ ютросъ рано, кадъ самъ говеда истерао, поиздалека онако исто момче смотріо, да у ново село оде.

Велимиръ: Я кажемъ, да ће они мене тражити, срећа, те се уклонисмо.

Радославъ: Пакъ кудъ одоше? Они узеше черекъ у тарчугъ, пакъ одоше управо у село, приложи дѣте. Добро, те си ій знао тако упутити. Некъ иду съ Богомъ! Казуй далѣ!

Велимиръ. Я по башти плевећи само траву, и ништа друго нерадећи, оздравимъ и окрепимъ се добро. Наумимъ да бѣгамъ, мыслећи у себи: истина, да ми є садъ добро, али ово добро постоянно быти неће. Небы радъ робомъ быти, макаръ ми іоштъ толико добро было: особито нѣке рѣчи Аѣаліа пусти ми у уши говорећи ми, да є чуо одъ настойника, да ће мене опетъ другомъ препродати, будући да за тежакъ посао нисамъ, него гдигодъ у двору за служителя. Ал' ако те, вели ми, кудгодъ у Африку продаду, пакъ станешъ на врућини по оны пескуша за камилама ходити, онда ћешъ знати, што є зло. Што ћу да чинимъ! изъ острова никудъ ни маћи! Међу тимъ доће зима, време мало позаладни, намыслимъ чекати пролеће. Ал' у Цариграду появисе нѣка болесть, те ти нашъ Господинъ съ цѣломъ фамиліомъ у островъ къ нама умакне. Онъ бяше увекъ слаба здравля, човекъ доста добаръ, како самъ и найпре рекао; особито мени се благонаклонъ покаже. Приспѣ пролеће, болесть се у вароши поуталожи, и мой Господинъ съ фамиліомъ натрагъ се повратити вознамѣри. Доће добрый мой старацъ Траянъ испратити Господина, кои га врло пазаше. Я му по-

вѣримъ, као отцу, мою тайну и кажемъ му, да самъ радъ побѣћи, єрбо самъ изъ Господиновы уста преће неколико дана чуо, да ће ме до месецъ дана потурчити! А я, велимъ му, нећу Турчинъ быти, нити оной ньиной кадъ турче, церемоніи подлећи, макаръ главу на раменима выше не носіо. Но што ћу чинити? дай ми совѣтъ. Како ћу и куда ћу побѣћи? Богъ ме мой сынко! я самъ незнамъ, какавъ бы ти совѣтъ дао. — Боимъ се, да те у гору погибель не бацымъ. Мени є самъ, вели, Господинъ за тебе овы дана говоріо, да те у вольи има, хваліо те предамномъ, да си хитаръ и способанъ за трговину, а онъ има шестъ галія на мору, трговину води велику, зато радъ є, да те на галіяма, съ нѣговымъ сыномъ по мору шилѣ, будући гречески помало знашъ, а и турски такођеръ прилично већь си научіо; поредъ тога искусіо те є, да си добаръ на перу и рачуну, коє трговина найвећма потребує. Но како се види, онъ дуго неће живити, а нѣговъ наслѣдникъ, найстаріи сынъ, одъ света великій ороспоглія (нитковъ), одъ нѣга се не надай ону благонаклоность имати, кою бы си одъ отца нѣговогъ имао. — Кадъ бы си могао како побѣћи, то бы за тебе найболѣ было; єрбо до каковогъ счастія кодъ ньи ялъ доћи, ялъ не доћи, а законъ бы си променути морао. Словомъ: видишъ ли само приличный способъ, да можешъ побѣћи, бѣжи. Я самъ, рекнемъ му, нѣко средство изнашао, хоћу заиста срећу прокушати, па што Богъ да.. Я ти желимъ, као момъ дѣтету, али ти совѣтъ никакавъ незнамъ дати; чини како те Богъ учи, само пази, да не фалишъ!.. После неколико дана мой Господинъ съ цѣломъ фамиліомъ спремисе на галію у Цариградъ да поће, а я ти украдемъ овай ножъ, ова два пиштоля и єданъ та-

инъ (хлѣбчићъ), пакъ уђемъ у галію, іоштъ докъ они дошли нису, и сакріємъ се одоздолъ подъ даске, гди момцы спаваю, и тако срећно съ њима до подъ Цариградъ доћемъ. Они сви изъ галіе изиђу и дома оду, а я подъ креветомъ останемъ. После подне крену каналомъ галію и у црно море уђемо: и моремъ у нѣку, близу Варне, варошицу стигнемо; ту се позауставе, како самъ разумѣо, нѣкій медъ изъ Влашке чекати, а я ти ноћомъ, улучивши прилику, одавде оладимъ! — Помрчина, да се прстъ предъ очима не види, бѣжимъ, колико игда могу; те ти натрапамъ на нѣку рупу: тако самъ се скърао у ню, да самъ мысліо, гди самъ ту самъ! Тама, ништа се не види, пипамъ и пужамсе, изићи не могу, помыслимъ у себи: Боже мой! шта самъ я согрѣшіо, да се овако патити морамъ? Као да ми ни зашто друго животъ ніе датъ, но само, да се патимъ. Преноћимъ ту; кадъ се сване, видимъ, да самъ съ єдно два човечія боя у рупи! извадимъ ножъ, и станемъ одъ єдне стране тако копати, да могу ногама, као узъ мердевине узпужати се. Текъ што главу на полѣ помолимъ, алъ ето ти двоице съ пушкама. Я искочимъ и у шуму се, коя ту близу бяше, склонимъ, а овіи ти къ рупи приступе. Найпре єданъ лагано съ запетомъ у руцы пушкомъ, све ближе, полегаюћи се къ земльи, приступаше. А другій на єданъ пушкометъ изостао бяше. Гледимъ, шта ће то да буде; мыслимъ, одкуда є овай знао, да самъ я ту упао; но кадъ повиче онай стражныій: има ли што? онда дознамъ, да су ови были за зверинѣ ту рупу ископали, у кою се я сирома уловимъ. Падне ми на умъ Светога Кнеза *Лазара* повѣсть, како є и онъ подобнымъ начиномъ, у сраженію съ Турцыма, на полю *Косову*, у овакову упао, и одъ непрія-

теля ухваћенъ быо. . Одавде, текъ се сунце раћа, изићемъ на нѣку планину, уморанъ сѣднемъ, и куда ћу садъ замыслимъ се: задреманъ ту, и заспимъ. Кадъ се тргнемъ, видимъ, да є сунце већъ у найвысочайшій степенъ попелосе было. Устанемъ и дамъ всемилостивому Творцу благодареніе, што ме є робства избавіо, и препоручимъ му се за унапредакъ, пакъ се упутимъ, тражити гди какове пастире, кои бы ми хлѣба дали, єрбо гладанъ єдва самъ ходити могао. Чуємъ по далеко звонце, и лаянѣ паса, на кои гласъ похитимъ. Заключіо самъ у себи, познао ме тко, да самъ робъ, непознао, морамъ тражити што єсти, єрбо трбу за шалу незна. Шушне нешто предамномъ, погледимъ, али єдна срна препела се на преднѣ ноге на єдно дрво, пакъ брсти лисће, тргнемъ пиштоль иза појаса, опалимъ на ову, падне на землю, и станесе копрцати, притрчимъ съ ножемъ и приколѣмъ ю, скинемъ кожу, распоримъ ю, очистимъ, пакъ у кожу завіемъ, и на леђа упртимъ. Садъ ми друго Фалило ніе, само ватра, пакъ ето ти вечера; а што нема соли и хлѣба, о томъ много и не мысля, башъ бы ми мой трбу у тай паръ осетіо, да ніе слано. Мало по мало смркнесе, а я іоштъ по шуми лутамъ. Ужаснемъ се кадъ смотримъ на неколико коракляи предамномъ ватру, около коє ныій 12 оружаны порећали се, незнашъ, кои є одъ кога страшніи! окаменимъ се наспрамъ њи, и хотедо натрагъ као ракъ, уступити, али се неможе. Сви устану, пушке на мене окрену! Предайсе! повикну. — На то я: немате се одъ кога бояти! Я самъ самъ, као што ме видите, несрећный юноша, кога є судбина погибели подвргла, зашао самъ у ову пустиню, нити знамъ гди самъ, ни кудъ идемъ! Страхомъ и глађу разслаблѣнъ, єдва се на ногама ми-

чемъ! — Но, ако сте игда кому показали у чему милосрдіє, не одрецыте то и мени сада показати, коє ће за иляду други служити; не молимъ васъ толико за мой бѣдный, кои ми є на теготу, животъ; єрбо знамъ, ако сте прави юнацы, да за непристойно и срамно држите, надъ слабымъ и невиннымъ тиранство показати: но молимъ, пріимите ме за ову ноћь кодъ васъ преноћити, да гдигодъ у овой, непознатой мени пустиньи одъ звериня не погинемъ.

На ове моє рѣчи таки драговольно зовну ме къ ватри. Пытаю ме, одкуда самь, но я имъ нисамъ хотео искренно моє житіє открити. Даду ми хлѣба, соли и црна лука, єди! веле ми, не бойсе ништа! и мы смо мало пре єли. Изнесемъ имъ срну, кажемъ, да самъ ю садъ убіо, но да ю печемо. На што, рекоше, мы имамо и печеня и сира доста, али є данасъ среда. Тргнемсе на то, и учинимъ се, као да нисамъ знао, да є среда! Яданъ! веле ми, видишъ, како бы си се оскверніо, и незнаюћи, да є среда, постъ премрсіо. Ахъ! жалостанъ вамъ постъ! помыслимъ у себи. Я бы се оскверніо, што бы самъ у нужди моіой у среду месо єо, и со тимъ словесный мой, на славу Божію, животъ подкрепіо, а они недрже за скверностъ убіяти, и невинну човеческу, као скотску, крвь проливати! Бацымъ на ньи сожалителный погледъ и рекнемъ у себи: Боже! докле ће люди овако ружно о добродѣтельи понятіє имати? Хоће ли кадъ истину познати? . . Пребудемъ съ ньима неколико дана; пазили су ме до душе и чествовали, гди самъ имъ знао коєкакве повѣсти сврху различны стварій казивати, и ньи тобожъ чрезъ то изъ заблуђенія изводити; но бадава. Оно зло, коє се у ньіовомъ срд-

цу запекло, избити нисамъ могао, нити самъ се до душе смѣо съ њима дубоко о томъ упуштати, да имъ покажемъ, шта є грѣхъ, шта ли є добродѣтель. Они су мене найрадіє слушали, кадъ бы самъ њіовомъ худомъ мнѣнію мало снисходіо. Они истина, у све моє съ њима време, никакво убійство нису учинили, само што су отимали, особито одъ кукавны кириція. Я самъ се много путій каніо одъ њи побѣћи, но нисамъ знао кудаћу: Мысао, да ме гди непознаду, да самъ робъ, све ме угрожаваше. Данъ по данъ доће зима. Склонимосе кодъ нѣки, у пустињи међу планинама пастира, и ту съ њима прекужимъ зиму; єсти, пити и новаца имали смо доста. А одкуда є кои быо, дознати нисамъ могао; но то самъ искусіо, да ій є выше было, кои су изъ отчаянія, одъ турскога зла на то се дали, него изъ собственне, на пустаилукъ, склоности; за то су сиромаси выше сожаленія, него осуђеня заслужени. Я самъ се већъ у мени непоколебимо завѣштао, да ћу, докъ доће пролеће, њи оставити, како што самъ ево и учиніо; ков се садъ съ толико выше радуємъ, што самъ тебе овде добрый отче! нашао, те ми можешъ совѣтъ дати, кои я за моє нѣко предпріятіє потребовати будемъ. — Ето моє чистосрдечно и искренно, као што си захтевао, цѣлогъ могъ до данасъ живота исповеданѣ! — Одсадъ ћу я тебе съ таквомъ охотомъ и вольомъ слушати, съ каквомъ си и ты мене слушао, и совѣтъ твой быће ми совѣтъ родительскій, нити сумнямъ, да ми нећешъ таковый съ отеческомъ ревносћу, као сыну своме, дати.“

Радославъ. Сыне мой! различнѣйши су начини, кои човека съ пута добродѣтельи свратити могу. Много одъ обстоятельства завыси, да човекъ

добро - или злонараванъ постане; али доброгъ воспитанія човекъ може мало или изъ нужде какве, или чрезъ неваляло и раскошно дружство, или буди каквымъ другимъ начиномъ заблудити и дужность свою пренебрегнути, ништа манѣ ако су у нѣму чрезъ разумно воспитаніе чувста штогодъ благоображена, и срдце съ толико на добро упућено и одобронаравлѣно, да онъ поне нѣко о добродѣтельи понятіе има, таковый ће се опетъ на правый возвратити путъ, таковый ће се поболшати, и себе исправити, само кадъ є душа нѣгова зракомъ свѣта моралногъ озарена, онъ неће у заблуђеню остати моћи. Я тебе, докъ самъ видіо, и съ тобомъ проговоріо, примѣтіо самъ свойство твога срдца, зачудіо самъ се, одкуда си могао тако заблудити, и съ пустаіяма себе содружити, но садъ самъ извѣсћенъ, садъ видимъ и признаємъ, да си изъ нужде оно чинити почео, коє твомъ духу свойствено ніе. Многи има мой сынко! теби подобны, кои равнымъ начиномъ изъ нужде у садашнѣ време, како су съ нама Турцы обвладали, заслепе, и трлѣ на таково богомрзко дѣло, но има и таковы, кои за какову малу багателу дурнесе на кога и разсрди, оде у пустаіе, и постане човекоубійца; нѣкіи пакъ изъ саме проклете леньости нехотећи, по Божіемъ ономъ у раю изреченію, зной съ чела трти, и праведнымъ трудомъ себи нуждна снискавати, заузмусе, и предаду себе и душу свою ћаволу! грабе на силу туће труде, туку и отимаю, и праведну крвь немилостиво проливаю, и тако съ туђомъ мукомъ свой окаянный животъ питаю! Изъ почетка, кадъ се на таково грозно и гнусно дѣло предаду, гризе ій понешто совѣсть, и за нѣко време єстество своє право надъ ньіовымъ срдцемъ задржава, но неимаюћи моралногъ у себи свѣта,

кои се у благоразумномъ воспитанію дае, изгуби, совѣсть му се помрачи, срдце му се у невалялство погрузи, и тако постане дивльій и свирѣпый зверъ изъ нѣга. А сва ова зла почетакъ свой или одъ небреженія родителя у воспитанію, или што є іоштъ горе, одъ злога воспитанія узимаю. И зато нитко већій одговоръ за такова зла давати неће, као родительи, и сви онїи, одъ коій дѣце воспитаніе завыси, ако пренебрегну у томъ дужность свою. . . Прва добродѣтелъ, съ коіомъ младъ човекъ процвѣта, єстъ *благообразіе*. Одъ ове се проче добродѣтельи извіяю и рађаю. Ова єстъ пролѣтному цвѣту подобна; и како годъ цвѣтъ у пролеће обѣћава намъ плодъ у време єсени принети, тако и онай отрокъ, на коєга лицу цвѣтъ благообразія покажесе, обнадеждава насъ сладкимъ добродѣтельи плодомъ у време своє старости. Но како годъ цвѣтъ дрва погибели выше путій подлежи, мразу, зими, студенымъ ветровима, леду и проч. изгубисе и непринесе обѣћаный плодъ, тако исто и благообразный отрокъ чрезъ покварено, раскошно и неваляло дружство можесе обезобразити, покварити, изштетити и обнадежденогъ плода лишити се. Зато потреба є таковогъ не само до юношескогъ возраста руководити, и онде на найстрашніемъ путу, гди страсти зачиню быти, оставити га, и необузданной нѣговой вольи предати га, но нуждно е до совршеногъ возраста нѣга воспитавати, и донде да се не поквари, хранити, докле онъ самъ своимъ разумомъ небуде познао дужности своє.

Ты си у мало време твоє доста пропатіо, но признай, да ти то на ползу служити може. Злато се чрезъ огань и воду искушава, и цѣну свою болю получава, а човекъ чрезъ такове патнѣ. Но

о! съ коликимъ великодушіемъ човекъ погибели може сносити, када му совѣсть нѣгова каже, да онъ невино страда! Надежда добродѣтелногъ никда неоставля, она нѣга у найвећемъ страданію ублажава, тѣши и у отчаяніе пасти му неда. И колико є чувствителнія радость по претрпѣнію какве бѣде и страданія! Судбине су Божіе неиспытаеме; мы нашимъ разумомъ тайну Божію проникнути не можемо, зашто да нѣкій путъ невинни страдамо; но можемо се са тимъ утѣшити, да є Богъ правъ, и у свему дѣлу право поступа. Мы пакъ ако што страдамо, испытаймо наша дѣла, да ли не страдамо чрезъ наше какве погрѣшке, и гледаймо се исправити, нашъ умъ, кои є мало заблудіо, на правый окренути путъ, и правило другo, по комъ у будуће да се владамо, устроимо, да чрезъ неразуміе наше къ тому непатимо. Ако ли видимо, да смо мы у нашима поступцыма сваку предосторожность наблюдавали, съ добрымъ разсуђенѣмъ свако дѣло предузимали, правду хранили, и опетъ се на насъ таково нешто сбыло, чрезъ кое страдати морамо, то признаймо, да мора быти нѣко на насъ невидимогъ оногъ суштества попуштеніе. Богъ попуштеніе чини или за грѣхъ нашъ, кое се казнъ зове, или за наше веће исправленіе и совршенство. Ако є за грѣхъ, право є да страдамо, а у напредакъ усовѣтуймосе, и признаймо, да надъ нама има око, кое све види, избегаваймо сваку неправду, и свако оно дѣло, кое насъ мрзке предъ Богомъ твори, за кое насъ совѣсть гризе, и одъ кога, буди кадъ, отвѣтъ давати морамо; ако ли пакъ видимо, да смо невинни, праведни, колико є намъ могуће, добродѣтелни, трудолюбиви и свакому добру ревньиви, и опетъ страдамо, то янди мора быти, да є Богъ нашегъ ради совршен-

ства на насъ такова попустіо, или за искусити наше у добродѣтельи постоянство, или нашъ духъ чрезъ страданіе увеличати, охрабрити и за већа дѣла способити: словомъ, признаймо, да су праведни суди Божіи, и ништа се на свету небоймо, само кадъ видимо, да сва, сходна здравому разуму, слѣдуюћи творимо, и одъ добродѣтельи, као одъ крайнѣгъ нашегъ благополучія, не одступамо.

Я сожалуемъ, како о теби, тако и о невинной дѣвицы, да су ю проклети варвари заробили, но о! колико ій выше има одъ Србскогъ рода, кои су зароблѣни! Сожалуемъ бѣдне родителѣ ваше, што ій е то злосчастіе предусрѣло; но ты буди утѣшенъ, и имай надежду на Бога, кои те е до данасъ управляо, неће те заиста ни у напредакъ оставити; ты ћешъ се скоримъ временомъ видити у обятіяма нѣжны твоій родителя. Сремъ ніе преко света; я ћу ти рукопомоћь учинити, да можешъ тамо отићи, и њи потражити. Ніе ти извѣстно, у комъ се они мѣсту налазе? Ако е теби о њима што извѣстно, тако и мени, одговори Велимиръ; нити знамъ, гди ћу ій тражити, нити волю имамъ тамо ићи. Я туги моіой одолѣти не могу, нема мѣста на свѣту, гди бы я прибѣжиште одъ мое скорби наћи могао; жалость мени устопце слѣдуе, и каменъ печали на срдцу ми лежи; какву бы дакле и родителъи мои у печалномъ сыну утѣху нашли, болѣ некъ и незнаду за мене; судбина е срдце мое вѣчито жалости посветила; я садъ живимъ на свѣту, као отрована риба у води, коя часъ горе надъ водомъ прућисе, часъ доле у воду загнюрисе, рада бы болѣтицу внутреню избећи, а не може.

Радославъ. Немой сыне мой сладкій! удали мысли те одъ тебе! не сокрушавайсе тако! ты ни-

си толико несрећанъ, колико ти се чини, да си! ты имашъ велимъ, као што самъ пре рекао, чувствително срдце, коє валя да разумомъ и великодушіємъ у оваковомъ обстоятельству обуздашъ. Ты си залюблѣнъ, но добродѣтельно; твоя є любовь чиста и непорочна. Ты не тужишъ за тимъ башъ, што си се нѣ лишіо, и што она нієе сопутешественица твогъ живота постала, но зато, што є она одъ дражайши родителя се разстала, и у бѣдно робство пала, о коіой свакій може сожаловати, а камоли ты, кои си кодъ нѣногъ родителя, како кажешъ, ону любовь и негованѣ имао, коє є и она. Ово се раѣа изъ свете благонаклоности. Но зато опетъ ты не треба, да се твоій дражайши родителя одрекнешъ. Мудрость насъ совѣтуе, да мы одъ два добра избирамо болѣ, а одъ два зла примамо се манѣгъ. Ты оно, што си изгубіо, може быти, Богъ зна каквымъ случаємъ, да ћешъ добыти, а може быти и не; но оногъ ради не губи друго. Помысли само на родителѣ, ако се буду о злосчастію вашемъ извѣстили, какву скорбь ньіова родительска срдца за тобомъ осећати мораю, какву ли радость, кадъ бы те опетъ видили! Смилуйсе сынко на оне, чрезъ коє си бытіе своє получіо, и кои су те тако лепо воспитали. А я ћу гледати єдногъ човека, кои ће те прво у Рудникъ одвести, да разбереш за твогъ Графа Милутина, єли тко живъ одъ ньи остао, єсу ли тамо, и у каквомъ се одъ оно доба станю находе. А по томъ да те одведе у Сремъ, да разпыташъ за твоє родителѣ. — Вѣруй ми сынко! да ты не можешъ тврдо рећи, да іоштъ и Босильку у животу нећешъ видити; ніе се ни праотацъ нашъ *Яковъ* надао, да ће кадгодъ дражайшегъ своегъ сына *Іосифа* видити, када су му сынови крваву Іосифа альину

изъ шуме донели! Плакао є за њимъ 13 година, но найпосле исти му сынови радостнѣйшій изъ Египта донесу гласъ, да є Іосифъ живъ, и да га є дивно Богъ прославіо. Равнымъ начиномъ и нашъ Славный Краль *Милутинъ*, када су га у оно време Татари изъ ненада напали, и дотле довели, да є морао њи онаковый силный Краль за миръ молити. Они нехотѣвши у миръ иначе съ њиме сгупити, ако имъ прворођногъ, и єдиногъ іоштъ онда сына Стефана у залогъ неда. О како є нѣму то было! но найпосле за обште благостояніе жертвовао є єдину ову подпору царства, и дао имъ га є. Дао га є, не као людма, но као свирѣпимъ зверовима, одъ коій нигда добыти га ніе мысліо! Алъ промысломъ Божіимъ добыо га є. По маломъ времену Татари свога Краля Огеа убію. Пріими вѣсть Милутинъ, да є и нѣговъ сынъ погинуо! Любовъ родительска нѣга є разпалила, да дигне противъ њи оружіе. Они нѣга о миру и залоги опомену. Краль, кои є цѣло своегъ сына убієна быти мысліо, представи њима, као немогућну стварь, да ако му сына не поврате и здрава предъ нѣга не доведу, не само да ће ій завладати, но све подъ мачъ узети. Другій данъ съ великолѣпнымъ спроводомъ доведу му предъ шаторъ сына, коєму се нигда надао ніе.

Много путій сынко! кадъ се мы у таквой нужди и скорби нађемо, да већь сасвимъ и надежду изгубимо, предъ нама радость и веселѣ стои, счастіе се на насъ осмеюе, и текъ да до нѣга корачимо, чека, но наше смртно око ово невиди. Зато велимъ, буди благонадежданъ, поштеди твою цветућу младость, и не очаявай. Шта га є Србскогъ рода у робство одведено! шта ли га ће се іоштъ

одвести! Ако се самъ Богъ не смилує, те насъ каковый христіянскій одъ ближньи' царева не заштити! Мы смо бѣдна времена доживили, коєму се наши славни праотцы нигда надали нису, да ће њіово потомство подъ Турчина подпасти! А источникъ є овомъ злу несогласіє наши было. Наши су сами паденія своґъ узрокъ. Но мы ћемо другій путъ о овому пробесѣдити, а садъ да се постарамо єдноґъ човека наћи, кои ће у Сремъ ићи. Хоће ли добро быти? Велимиръ слегне раменима. — Ослонисе само на мене, одговори старацъ, пакъ ће све добро быти. Я ћу сутра ићи у село, и човека довести, пакъ га одавде оправити, а ты ћешъ при мени дотле заостати, докъ се онъ не врати. Велимиръ учтиво захвали старцу на нѣговомъ толикомъ о нѣму попеченію. Сутра данъ оде старацъ, доведе човека, оправи га найпре у Рудникъ, и оданде у Сремъ. Велимиръ после неколико дана запыта старца, одкуда се онъ ту међу Бугарима находи? гди се родіо? и како є ту дошао? Старацъ нѣму повѣстъ свою овако почне: „Я самъ се родіо у Сербіи у мѣсту Параћину недалеко одъ Бугарске границе. Мой є отацъ у истомъ мѣсту Прота быо; я самъ имао іоштъ четири брата; одъ коій найстаріи умре, другій се запопи, и после отчине смрти Прота постане; трећій научи ћурчилукъ, оде у Сараєво, и тамо остане, а четвртый одъ насъ свію наймлађій незнамъ кудъ се дене! мене отацъ узме и доведе у Нишъ; даде ме на кньигу нѣкомъ *Теодору* Грку, кои є у оно исто време у Нишу съ похваломъ, како на Србскомъ тако и Грчкомъ єзыку науку предавао. . Овай є имао іоштъ два млађа учителя, кои су му у предаваню науке помоћницы были. При овомъ славномъ мужу проведемъ две године. Онъ, будући

старъ, разболесе, честный свой животъ оконча, и као сазрѣло зрно пшенично у небесну пресели се житницу. У истый данъ, кадъ смо нѣгово упокоєно тѣло земльи предали, гробъ смо му мы ученицы сузама благодарности за нѣгове труде облили, и натрагъ се повратили, застанемъ у дому обитанія писмо, подъ црнымъ печатомъ на мене. Съ стрепећимъ рукама отворимъ! имамъ шта и видити, и отацъ ми се преставіо! Какву самъ овде жалость ощутіо, самъ можешъ, да ти се и не каже, знати. — Сутра данъ предузмемъ путъ, и стигнемъ у Параћинъ. Пао самъ съ млађимъ братомъ около врата старіемъ, матерь смо іошъ давно изгубили были. Насъ старіи братъ поутѣши, и возпамѣри обоицу насъ опетъ у Нишъ одвести, и на науку дати, но некако се то размимоиће.

Я самъ имао нѣкогъ уяка, кои є съ марвомъ трговину водіо. Овай полазећи у Молдавію куповати овце, поведе и мене. Позабавимо се у Молдавіи єдно два месеца, накупуємо оваца, и претерамо у Бугарску землю у мѣсто Провадшикъ, гди є онъ имао своегъ трговца, кому овце прода. При овомъ трговцу, мой уякъ имаюћи нѣке послове, позадржимо се. Овай мене врло омилуе, и, будући съ моимъ уякомъ у великомъ пріятельству, поиште ме, да останемъ при нѣму. Мой уякъ на то се склони и мене за нѣко време ту остави. Овай є было богатъ, а нигди никогъ ніе имао, кромѣ єдну младу кћерь. Онъ искусивши мою за мало време наравь, я му се допаднемъ. Онъ мене єданъ путъ на само иззове, и каже ми, ако имамъ волю при нѣму остати, да ће ми дати кћерь, и учиниће ме срећна. Я, кои самъ на девойку већь око было бациo, и ню омиловао, садъ разумѣвши отца волю,

лако се склонимъ. Онъ мене ожени, и участника цѣлогъ своги иманя учини; после неколико година смрть таста учини ме правымъ наслѣдникомъ у цѣломъ добру. Я самъ было текъ у 18-у годину ступіо, моя такође здрава и млада супруга, обдари ме съ три сына и две кћери, одъ коега порода два су ми сына и садъ жива, коій Богъ благослови супружество, те самъ не само унуке, но и праунуке дожівіо. Я имамъ моє фамиліе преко 40 душа. Я имамъ слуге и пастире, кои ми овце чуваю, но будући да є польска приспѣла радня, послао самъ ій да раде, а я овце и самъ съ тимъ дететомъ могу надгледати. Но моя сва стока ніе овде, кою ты видишъ; я имамъ за ономъ планиномъ (рукомъ показующи) станъ, тамо су мои прочи овцы, тамо говеда, виногради, воћняцы, лепе баште и домъ, у комъ я већь 52 године, одкако ми се моя упокоила обитавамъ, и за све то време не знамъ, єсамъ ли десетъ путій у селу было. Возлюбіо самъ уединѣный овай животъ у овакомъ мѣсту, гди се самогъ єстества прелестма наслађавамъ, пакъ за светъ и не маримъ. Сынови ми и унуцы са слугама сада тамо о летини се баве. Само докъ ми дође кои одъ слугу, да га оставимъ съ дететомъ кодъ оваца, пакъ да те одведемъ да видишъ мою веселу челядь, како данъомъ єдни косе, други сено купе, некіи у башти копаю и плеве, нѣкіи пакъ музу овце и краве, и около сира и масла се баве, а како дође вече, те посао оставе, ухватесе младе и девойке у коло съ момцы, узму свирца у среду, пакъ играю пусти као да су читавъ данъ спавали, и одморили се; ту є смей и шала, да се выше путій и самъ, овако старъ, съ њима пристати возбудимъ.

Дође єданпутъ слуга, кога старацъ остави

кодъ ованца, узме Велимира, и одведе га на свой станъ, уведе га у баште, показуе му разна дрва, нека, коя е онъ, као младъ іоштъ, каламіо и садіо, коій гране теготомъ плода къ земльи притегнуте висе. Одъ баште мало на страну поснизакъ, но великій и лепъ домъ, окруженъ съ многима стаяма. Ниже поредъ єдногъ изъ планине бистротекућегъ потока шталози и обори за марву у прекрасномъ поредку оправлѣни виђахусе. Велимиръ рекне: Еда ли твоя фамилія, честный отче! овде пребыва? Само лети, одговори старацъ, они, кои се о летини баве, овде бываю, а зими само я съ неколико слугу, кои марву надгледаю. Я имамъ у селу іоште другоячіе куће и оправе. Одведе га на ливаде, гди множество обоега пола людій приникло у послу бяше, кои старца докъ видише, сви му се срадоваше, и съ любовію и почитаніемъ предусретоше. Онъ са своіомъ сребрномъ брадомъ, и сѣдомъ по раменима просутомъ косомъ, окруженъ међ' ньима, подобанъ каковому одъ древны Патріарха, виђашесе. Онъ седне спроћу ньи на зелену, подъ єданъ великій растъ, траву, ето му двое дечице, као два анђелка, стану се око ньга умилявати; онъ ій узме на колѣна, съ отеческомъ милосћу прегрли и полюби погледивши на Велимира: Добрый мой Велимире! Ово су мои праунуцы; ово є четврто колѣно, да самъ я доживіо, испусти изъ очію своій сузу радости и рече: садъ ты видишъ, колико самъ я счастльивъ! видишъ, каква є радостъ око мене простртa! Мени є Богъ више дао, него што самъ я желити могао! я моє счастіе съ царевима промениo небы! Истину говоришъ отацъ! одговори Велимиръ: на тебе є пао Божій онай благословъ: „и узриши сыни сыновъ твоихъ.“ Благо ономъ, на кога подобно твоему жребіе падне.

Велимиръ, гледаюћи овде, како трудолюбиви землѣдѣлцы о дѣлу благоохотно прилѣжаваю, и како старацъ лагано за њима водећи два невинна младенца за руку, ступаше, како су сви весели, осети и самъ, као да му се са срдца свали оно, што га є мучило, и нѣку тиху почувствує радость. Дошло є вече, оставе посао, накитесе свакоякимъ польскимъ цвећемъ, иду певаюћи. Како дођоше предъ домъ, ухватесе у коло, а свирацъ надува гайде, пакъ де играй. Добрый старацъ осмеяваюћи се рекне имъ: та Богъ васъ видіо, одмортесе и вечерайте, пакъ потомъ, колико є вамъ воля, играйте! Е гледай ій Велимире! ова невинна увеселенія, особито у оваковомъ мѣсту, узрокъ су, да самъ я ову дубоку старость доживіо; буди ми добре волѣ! овде ћешъ све оно видити, што є твоме чувствителномъ срдцу пріятно. . Велимиръ у овомъ простомъ и невиномъ дружству селскомъ здраво се поутѣши и развесели. После неколико дана опетъ се са старцемъ у прво обиталиште поврати.

Старацъ. Я се врло радуємъ, да самъ примѣтіо на твомъ лицу нѣко увеселеніе. Ты сада ниси, као што си было печаланъ, и не треба да будешъ. Ты си видіо мою челядь, како су весели, и како су са своимъ счастіемъ задовольни, а одкуда то быва, да проразсудимо; одтуда, што се нису одъ сладке природе удалили, што имъ нису срдца суетнима овогъ свѣта желаніяма отрована. Они су прави природе сынови; они се са своимъ трудомъ питаю, за болѣ не знаду, нити за граћанскій животъ маре. Они себе за счастльиве признаю и єсу. Три ствари, по момъ мнѣнію, єсу, коє човека управъ благополучна на овомъ свѣту чине, сирѣчь: здрав-

лѣ, са своимъ счастіемъ задовольство и чиста совѣсть. Свакій, кои ово у себи има, може се за благополучна признати. Они повседневный трудъ сносе, зной съ чела тару, но зато здравіи бываю, слађе єду и пію, и слађе спаваю. Тѣло чрезъ послове и трудове крѣпчіе и снажніе постае; и колико се већма у движенію находи, толико му лакше теченіе крви крозъ жиле быва, и лакше оне найсубтилніе одъ ра'не частице по нѣму се у крви разносе. Само нека свакій іоште мѣру у єлу и пићу храни. А ленштина лежи и смрди, како годъ она бара, коя неотичући убаятисе и усмрди. Лѣни су люди найгоріи на свету; они су єдно непотребно бреме на земльи. Самъ є Богъ у почетку свѣта ову заповѣстъ човеку дао, да се труди, и са зноємъ хлѣбъ єде; тако му є и составъ тѣла сотворіо, да, ако га пословы занимаю, быће здравъ; ако ли не, а онъ ће быти слабъ и маловѣчанъ. . Задовольство! Ово є краснѣйшій за човека даръ! кои є са своимъ счастіемъ задоволянъ и духомъ спокоянъ, ако є и сирома, онъ є довольно богатъ. Има ли човекъ право понятіе о Богу, има ли вкусъ о добродѣтельи, познае ли себе баръ одъ веће части, ако не сасвимъ, може и при малимъ спокоянъ и задоволянъ быти. Мы ћемо ово последнѣ у нашой бесѣди узети за прво: мы видимо, да є човекъ найблагороднie на овомъ свѣту созданѣ. Онъ съ разумомъ и словесносћу сва проча превосходи; онъ између Бога, и свію други созданя стои. Бога съ разумомъ и словесносћу слави, а надъ свимъ другимъ влада и господствуе. „И сотвори, вели, Богъ човека по образу и по подобію своєму.“ Овай образъ и подобіе валя разумѣти совршенство, разумъ, правду и проча овакова свойства, чрезъ коя се човекъ у своимъ къ Богу отно-

женію самомъ нѣму уподоблява! Богъ є совршенъ; но и чокекъ є съ тимъ обдаренъ, да къ совршенству колико већма може, тежи и успѣва; Богъ є разумъ, а човекъ є после Бога разумнѣйше суштество: Богъ є правъ, но и човеку є ово свойствено, да се правъ быти пашти. . Сада дакле, кадъ човекъ позна ово своє благородство, съ коимъ се онъ Творцу своме приуподоблява, єли могуће, да мысли, себи само за овай светъ сотворена быти? — Ахъ! худо бы было то мыслити, коє здравомъ разуму сходно нієе. На што бы намъ Богъ у срдце наше уліо, да се къ совршенству паштимо? На што бы намъ оваковый высокій разумъ, съ коимъ целу вселенну занимамо? На што любовь правди? на што ли напоследакъ жалъ онай, кои мы у срдцу нашему осећамо къ добродѣтельи? — Има заиста за насъ другій свѣтъ, у кои ћемо се мы после овога преселити, и у комъ ћемо далѣ наше совршенство продужавати, далѣ разумъ увеличавати. Овай є животъ намъ само на време датъ, мы на овомъ свѣту умиремо, и у другомъ се рађамо. Слѣдователно овай свѣтъ, и све што є у нѣму, треба да взирамо, као нешто туће, и само временно наше, а право наше оно, коє са собомъ и кадъ съ овогъ свѣта пођемо, понети будемо; трудимо се дакле, колико већма можемо, да ово буде добро, коє ћемо съ нама понети, сирѣчъ добродѣтель. Све ствари овогъ свѣта, као: слава, богатство, дѣца и проча оваква, у коима люди благополучіе своє полажу, єсу ствари изванъ насъ, и внѣшне, коє данасъ могу быти наше, а сутра не, али добродѣтель и преко гроба насъ прати. Ова свога стяжателя не оставля. Зато не пристоисе човеку благополучіе своє у внѣшнима полагати стварма, коє ће га оставити, но у внутренима, т. є добродѣте-

льи, кою нигда изгубити не може. Ово є оно, што насъ добрый нашъ Спаситель учи: „Не сбирайте сокровишта на земльи, гди може ватра спалити, гди вода однети и тати (айдуцы) похитити, но на небеси“. . Истина, човекъ валя да ради, валя да се труди, колико већма може, да не само себи и фамиліи своіой, но и другима у нужди помогне, єрбо є богатство таково средство, съ коимъ, тко уме, много добра учинити може; али велимъ не треба, да се не уме одморити, не уме свою страстъ зауздати, него заслепи, пакъ нити гледи правду, нити се опоминѣ добродѣтельи, нит' є вреданъ другому помоћи, нити самъ зна оне труде да пристойно ужива, но у непрестанномъ смущенію, свагдашнѣмъ духа неспокойству и срдца своґъ незадовольству мучисе, гризесе и незна, како му животъ пролази, докъ му и последный, да съ овога света путує, данъ доће; умре и богатство нѣгово више путій какве бедевіє наслѣде, и сотимъ горіи, него што су были, постану! Ето му красноґъ плода нѣговы чрезъ цѣлый животъ трудова! Зато светый Пророкъ у псалму каже „Богатство, аще течѐте, не прилагайте срдца“ т. є. недай, да ти сребролюбіє срдце отрує, и њимъ завлада!

Узмимо разумноґъ и добродѣтелноґъ мужа у томъ поступакъ: онъ ради и гледи, да му нигда време забадава не проће, коє бы му ползу какву не принело; али онъ є у томъ умѣранъ и благодушанъ; онъ се не смущава, но у своемъ дѣлу, колико може, напредує, свако дѣло съ разсуђенѣмъ предузима, и на два главна правила увѣкъ позорствує. Прво у дѣлима своима храни правду, границу не преступа, нити своґъ ближнѣґъ закида, нѣговъ благородный духъ туће не потребує, нити

кому, ако више има, завиди. Второ: онъ са своимъ разумно управля; онъ спроћу прихода трошкове своє зна умћрити; онъ разкоштво ни у чему нема, но колико благопристойность изискує, твори. Буде ли каква за обшту ползу потреба, онъ помоћь свою не одриче, алъ є нћговъ у благотворенію разуманъ поступакъ; соколовымъ окомъ онъ гледи, гди ће кому и колико дати, и што годъ кому добра чини, имаюћи за предметъ свой добродћтель, сва за любовь нћну чини: ако му се захвали, пріими за добро, ако ли не, а онъ и не мари, єрбо ніє изъ намћренія тога ни дао, да му съ празднымъ рћчма захвалности зуе около ушію; довольно є за нћга то, да онъ за благотвореніе своє у човеколюбивима прсима награћеніе своє находи; онъ, кадъ найвеће добро чини, не признає, да што више чини, него само да дужность човеческу, по могућству своимъ испунява, кою свакій мора. Оваковый ако пострада, онъ се не смущава, нити скорби, єрбо є найпре на своє богатство, као на ствари изванъ себе, внћшнћ, и погибели подложне, взирао, остає спокоянъ; нћгова є совћсть мирна, чиста и непорочна; онъ признає, да є како у тецыву, тако и тецыва разположенію онако поступао, као што є требало, а што є садъ пострадао, и не своіомъ кривицомъ, но случайно, онъ ніє кривъ. Ето у кратко, одкуда човекъ са своимъ може задоволянъ, слћдовательно и спокоянъ быти, све сирћчь одтуда зависи, да човекъ буде добродћтелянъ.

Старацъ хоћаше бесћду свою продужити, али Велимиръ съ вопросомъ о паденію Србскогъ царства рћчь му пресћче. Старацъ уздане и на нћговъ вопросъ овако почне: „Сыне мой Велимире!

я ћу теби што се и тога тиче, пробесѣдити, и узрокъ Србскогъ паденія у кратко предложити. Србско є царство при цару *Стефану* у высочайшой сили было. Овай пріимивши одъ кроткогъ и миролюбивогъ отца кралѣвство, знао є съ мачемъ распространити одъ црнога мора до мора Венеціанскогъ, одъ Дунава Мађарске границе близу до Архипелага, и преко Дунава Банатъ, Валахію и Молдавію завлада. Но оле! во вѣки Србскомъ роду неоплакаєме нѣгове погрешке, што нієсе о томъ радіо, да оно, што є мачемъ завладао, съ перомъ у разумный доведе поредакъ. — Онъ є слѣдовао у сили великомъ *Александру;* зато є одъ народа и названъ *Силный*, а нієсе мудрому Критскому *Миносу*, да установи разумне и постояне законе, да уведе ондашнѣгъ времена науке, съ коима бы свой народъ просветіо и облагообразіо! Онъ се крунише по другій путъ, и постане Императоромъ. Онъ раздѣли своє царство на 24 княжества, неразсуђаваюћи, да се може после нѣгове смрти несогласіє и раздоръ међу оволико князева родити; особито безъ просвештенія, немыслећи да колико се силе на выше частій разделюю, толико већма ослабляваю, како што ће слѣдовати. По маломъ времену онъ умре, и остави за наслѣдника свога єдиноутробногъ сына *Уроша*. Овай будући є было младъ, приложи му своегъ нѣкогъ сродника именомъ *Вукашина Мрнячевића*, кои є было у то време Деспотъ, да онъ младогъ наслѣдника воспита, и съ царствомъ до нѣговогъ совршеногъ возраста управля. Овай злоковарный! видећи Уроша последнѣгъ одъ фамиліє Неманића, и себе првогъ у цѣлому царству, вознамѣри нѣга убити, и царство на себе и свою фамилію обратити. — Онъ ово богомрзко дѣло учини, цара Уроша убіє. Но и самъ скорымъ вре-

меномъ окаянный и срамный свой изгуби животъ. Сада у избранію новогъ Краля учинисе међу њима читаво смущеніе, свари и несогласія! Сваки є Князъ Кралѣмъ хотѣо быти. Найпосле изберу доброгъ и вредногъ мужа, именомъ *Лазара Гребљановића*, кои є се кодъ Стефана у двору воспитао, и кому є онъ изъ особите къ нѣму наклоности сродницу за супругу дао и великимъ Барономъ нѣга учиніо. Ова супруга Лазарева именомъ *Милица* была є кћи *Юга Богдана*, кои є по второй линіи одъ фамиліе *Неманића* снисходіо, и зато на Лазара жребіе то падне, да Краль буде. У прочима Князевима родисе завистъ и злоба, и нѣкіи нехоћаху себе новомъ Кралю подложити. Овай разумный мужъ за усмирити њи, ніе се хотео Кралѣмъ, но Княземъ звати, да бы сотимъ себе равна њима показао: одкудъ потомъ у цѣломъ Народу па и до данасъ Кнезъ Лазаръ, а не Краль Лазаръ зовесе. Онъ принужденъ буде найпосле противъ нѣкіи одъ Князева оружіе дићи, и њи силомъ подъ круну свою подчинити се принуди, но всуе! Они завистію єднако су дували, и петнайсте године нѣговогъ царствованя, дошавшу изъ Азіе са 300,000 *Мурату*, противу кога бы єдинодушно силе совокупити требало, то они хладни се покажу, а многіи на помоћь и недоћу. Лазаръ са 100,000 на Мурата удари, сраженіе учини, и нѣга счастљиво побѣди тако, да є єдва Муратъ са малымъ числомъ у бѣгству спасеніе нашао. Но по нѣкомъ времену ето ти га опетъ съ 300,000 преюри до поля Косова, и ту се за три месеца заустави, благовременну за себе прилику очекиваше, да не проће съ Лазаремъ, као што є найпре. — Међу коимъ временомъ два одъ првы Войвода, обадва зета Кнеза Лазарова, *Милошъ Обилићъ и Вукъ Бранковићъ* за багателну

стварь, кою овде споминяти ніє надобно, завадесе, и одъ єдне варнице пожаръ учине. Милошъ буде увређенъ одъ Вука, стане му съ отмаштеніємъ угрожавати. На то Вукъ оде Лазару и облаже Милоша, да ће онъ нѣга у самомъ съ Турцыма сраженію на полю Косову издати! коє Милошъ нигда ни помисліо ніє. Лазаръ, познаваюћи добродѣтель и вѣрность Милоша, изъ почетка не повѣрує, но овай тако є сходно лагати умео, да му се найпосле за истину пріими. Лазаръ Милоша не насамо, но у собранію предъ свима изобличи! — Овай добродѣтелный и храбрый херой, признаваюћи свою невиность, и іоштъ што є выше, о истомъ изданію подозреваюћи на свога клеветника, разпалисе гнѣвомъ ярости, вознамѣри честь свою нарушену повратити, вѣрность и къ отечеству любовь предъ цѣлымъ свѣтомъ дѣломъ осведочити, пође управъ у таборъ Турскій! Видећи га *Миланъ Топличанинъ* и *Иванъ Косанчићъ*, два такође найболѣ Войводе, и нѣгови искренни пріятельи, кои су съ ньимъ заєдно облагани были, не пусте га сама, но сдружесе, и съ ньимъ заєдно у Турскій таборъ оду! Подъ видомъ предає учини имъ се приступъ ко самому цару Амурату. Ова два остану предъ шаторомъ, а Милошъ уђе, истргне анцаръ и распори цара! излети на полѣ, латисе коня, пакъ са своій два друга множество Турака изсеку, но найпосле и сами ту падну! Они су истина хероичество до удивленія овде показали, али шта су сотимъ Народъ свой ползовали? То су учинили, да су непріятеля у већу ярость и смущеніє поставили, кои потомъ побѣду надъ Лазаремъ одржи. Кнезъ Лазаръ о ньіовомъ дѣлу ништа незнаюћи пріими вѣсть, да Турцы са свомъ на нѣга силомъ иду. Стане Войводе скупляти, и што скоріє войску у поредакъ

ставляти, есть! Гди є Милошъ? Гди є Миланъ? Гди ли є Иванъ? Прве и найболѣ Войводе, кои съ воинствомъ валя сада да управляю. Отишли люди, да съ ньіове три мишце изсеку 300,000 Турака! Но они су хотѣли цара убити, сотимъ Турке сбунити и у сметню поставити, пакъ потомъ съ войскомъ на ньи ударити. А! вѣруємъ, кадъ бы то Лазару, свомъ Кралю найпре сообштили были, кои бы съ преправнымъ воинствомъ збунѣне непріятелѣ обколѣо, то бы имъ се рекло: аферимъ юнацы!! Но ово є одъ мозга завысило. — Крѣпость и смѣлость, ови су дари одъ естества, а мудрость валя сами да къ овима пріобрѣтемо, иначе ништа она два не ползую. Србинъ є крѣпосћу и смѣлосћу особито обдаренъ, но мудрость, коя му одъ волѣ завыси, презирао є! Паметанъ херой не губи лудо свой мужественный животъ, съ коимъ много добра учинити може, а будала хоће да се освети, и да учини крвно дѣло, макаръ и погинуо! — Но гди є намъ баремъ онай вѣрный, и добрый Вукъ, кои є изъ особите ревности и любови Тасту своме на она три славна мужа клеветао, и ньи до оноликогъ бѣшенства довео, гди є велимъ садъ, да покаже дѣломъ свою благородну ревность? Есть! Узео найболю войску, све саме конянике, пакъ се уклоніо за планину, а свогъ Краля и Таста оставіо у равномъ полю предъ непріятелѣмъ съ три стотине иляда! А зашто? Зато, зашто му є Амуратъ обѣћао, да ће га Кралѣмъ надъ Сербіомъ поставити, ако му Лазара изневѣри! — Но по нѣкомъ времену пао є и самъ у ону яму, кою є другомъ копао — крунисали су га Турцы купно и нѣгова два брата съ мачемъ! — Кнезъ Лазаръ са своимъ Тастомъ Богданомъ, и съ прочима, коє є при себи имао, ступи съ Турцыма у сраженіе, но шта є съ

малымъ числомъ противъ онолике силе учинити могао, како ли є самъ съ неколико Войвода воинство управляти знао! Быо є овай божественный мужъ одъ природе добаръ Витезъ, быо є добрый свому роду ревнитель, и любовію къ Отечеству горео є онай божественный у сердцу нѣговомъ пламенъ; употребіо є сада све силе разума и крѣпости своє, онъ съ малымъ числомъ три пута Турке у бѣгство обрати, и счастіє му се тако покаже, као сунце у ютру, кадъ на хоризонтъ свѣтлу свою главу помоли, блистаюће одъ себе зраке текъ што на вселенную пусти, одма по томъ у густе и тавне облаке себе сакріє! Свирѣпый непріятелъ, кои є съ числомъ воинства свога далеко воинство Лазарево превосходіо, ніє чудо, да и силомъ превозиће! И будући да нѣгово воинство, коє є онъ словомъ ободріо, бѣгати ніе хотѣло, пало є предъ непріятелѣмъ, но пало є и непріятеля съ нѣколико путій выше. Падне найпосле и Лазаръ! падне и нѣговъ Тастъ, дивный онай старый херой Югъ Богданъ, купно са своій деветъ сынова, кои су сви Войводе были! И тако Турцы већу часть Сербіє завладаю! *Милица* супруга Лазарева учини съ Турцыма после тога миръ, даде Турскомъ цару *Баязиту* свою наймлађу кћерь именомъ *Милеву*, и нѣку сваке године сумму новаца, само да бы ю противъ Вука, кои є єднако ньой съ оружіемъ угрожавао, защитіо. Милица є имала одъ Лазара три сына: Стефана, Вука (кои є младъ іошть умро) и Лазара. Смрть Милице дигне на тронъ Стефана. Овай три путъ противъ Турака оружіє дигне. Изъ почетка равнымъ начиномъ счастльивъ буде, и Турке надбіє, но найпосле изнемогне и падне. Падне и нѣговъ наймлађій братъ *Лазаръ!* И сотимъ и последня луча србске славе на Кралѣвскомъ трону

угасисе. Остане само Деспотство на *Бранковића* фамиліи, коє одъ дана на данъ ето се и оно скончa. — Сада немамо ништа! све смо изгубили! Само єдна Црна-Гора што заоста и Турчину се конечно покорити не хотѣ. Ето мой любезный Велимире! какова су зла слѣдства несогласія она Србаля за собомъ довукла! Благо оной части нашега народа, кои су прешли и себе милостивому Цесару препоручили! А мы ћимо Богъ зна докле подъ Турскимъ стеняти ярмомъ! Но Богъ є милостивъ! Судбине су нѣгове неиспытаєме!.. Бранковића є фамилія древна и благородна: мы смо отъ исте фамиліе херое и славне Войводе, а найпосле и Деспоте имали, кои су свой Народъ любили, и нѣму свагда вѣрни были. Само єданъ несрећный Вукъ што є овде худодушіе своє показао; но зато опетъ онъ са своимъ невалялымъ и безстуднымъ дѣломъ славу како предака своій, тако и потомака ни найманѣ помрачити не може: зашто и у найбольой пшеницы нађесе зрно куколя. —

Но источникъ свему злу, коє є Србскій постигао родъ, єсть было бѣдно невѣжество! Наши праотцы да су се и полакъ у науки, колико у оружію трудили, небы заиста ово потомцы ньови дочекали. Али они никаквога науки вкуса имали нису! А Народъ, у кои се просвештеніе, и нуждни закони не уводе, колико є силніи, толико та пре, та после мора постати несрећніи.

Истину говоришъ отче! придода Велимиръ, да су Србльи сву славу у оружію полагали, и да су они о науки небрежльиви были; но шта се учини одъ Грка? кодъ кои є онай источникъ науке быо, и кога є се по цѣлой Европи мудрость разлила,

како они, велимъ, пропадоше? Драгій мой Велимире! Грцы су славнѣйшій на свету Народъ, како у оружію, тако и у науки био. Њима ће се имати за то, докле є годъ рода човеческогъ на земльи, благодарити. Алъ напослѣдакъ њи гордость поквари. Грцы послѣднегъ времена у сравненію съ првыма, єдва се може рећи, да су њіови потомцы! Єрбо потомцы славомъ предкова своій возгордесе, постану о себи высокоумни; и као да они и безъ труда мудростъ ону, и сваку добродѣтель предкова своій наслѣдити могу, стану о науки слабо радити, о благостоянію царства леньиво промышлявати! Уведу коєкакве игре и забаве, све нове и нове обычає и увеселенія. Одтуда є слѣдовала раскошъ, коя имъ духъ разслаби! Предаду се страстима и падну у женску мекостъ, одъ коє єсу ли се могла добра очекивати слѣдства? — Они су сада, као и мы, сожаленія достойни! Варваринъ доће и све подасе покори! Но неће се ни онъ довѣка башити, само є тежко намъ трпити. Сва су овога свѣта, као што смо рекли, премѣненію подложна. Чіе ніе было, чіе ли неће быти. Ништа манѣ вѣруй ты мени Велимире! да ће се Грцы опетъ буди кадъ исправити. Онай божественный мудрости пламенъ, ако є се у њіовомъ срдцу и утоліо, ніе се зато угасіо. Они ће се опетъ пробудити, и потећи ће вода опетъ куда є текла, што веле наши Србльи. Они и сада подъ великимъ Турскимъ удрученіемъ имаду коєгди своя училишта и на тврду силу отимаюсе сиромаси, да не остану у мраку, и Богъ ће њима ревность и къ сладкой науки усрдіе заиста благословити. Науке су оне мердевине, по коима се умъ човеческій на небеса пенѣ. Наука є оно огледало, у комъ мы сва дѣла Божія, слѣдователно и самогъ Бога гледимо, и гледаюћи

славимо. Она се свакомъ подае; само тко ню хоће, и за њомъ се труди. Србинъ истый велику къ науки способность има, но онъ ніе іоштъ нѣну ощутіо сладость; а доћи ће време, да ће и Србскій Родъ благодатна мудрости луча озарити.

Велимиръ съ божественнымъ овымъ старцемъ у прелестномъ овомъ предѣлу и у краснима повседневнымъ о разнима стварма разговорима, ніе ни осећао, како су му дани протицали; онъ є болю свою много умаліо, али сасвимъ є излечити ніе могао. Мысао є нѣгова часъ на любезну, часъ на сладке родителѣ была. Читаво лѣто проће, посланикъ не долази! Настаде єсень, вознамѣри и самъ у Сремъ ићи и родителѣ тражити. Сообштй стварь старцу, на коє онъ рекне: Причекаймо іоште за кои данъ, пакъ ако не доће, гледаћу другогъ човека, съ коимъ ћу те послати. Велимиръ повинуєсе и заостане. Онъ єданъ путъ падне у замышлѣніе, удалисе мало у зелену шуму, и почне са собомъ самымъ у мысли за себе располагати; шта ће и куда ће. Заключи найпосле, да се иде кудъ учити. Ако, вели, пріимимъ какво о родительима извѣстіе, и разумемъ, да су у Срему, прећи ћу тамо; ако ли не, идемъ управо кудъ у Грчку землю. Ово двое постоянно утврди у себи. Уморенъ спустисе у єданъ лепъ хладъ и заспи. Сунце, коє є у высочайшемъ степену по плаветности неба пливало, съ теплѣйшимъ лучама све предмете у жаркостъ бацало, одбіе одъ Велимира хладъ. Онъ се тргне, бацы око на липу, коя наспрамъ нѣга бяше, и усмотри съ новоизрезанымъ на гладкой кори словима ове речи: „Велимире! Ты родителѣ твое всуе тражишъ, ал' о второмъ предпріятію не закоснявай.“ Тронутъ гледи около себе, нигди никога не

види, чудисе ко бы то было, кои бы у внутреность срдца нѣговогъ тако одма проникнуо, и оне нѣгове мысли, кое є онъ мало пре у себи зачео, и кое іошть никому на свѣту ніе сообштіо, тко бы, мысляше, ньи знао, да ій овде на овомъ дрвету сада изреже. Заиста, говораше у себи, ово є нешто преєстественно! Спустисе на єданъ хладанъ источникъ да се уміе и прохлади; ал' єсть, нема му съ руке златна прстена, кои є онъ одъ Босильке у промену за свой узео, и кои є као око у глави досадъ чувао. Поити къ старцу, борисе у мысли, хоће ли му стварь одкрити или не. Вознамѣри у молчанію барь за нѣко време храпити. Пыта га старацъ, гди є было; каже му, да га є на ручакъ очекивао и даде му єсти. Велимиръ се о случившу се нѣму дѣлу као и невешть чиняше. Међу тимъ ето ти имъ човека на коню, кои се управо ньіовой упутіо бяше колеби. Кадъ дође ближе, познаду га, да є посланикъ. Срадую му се, пріиме му коня и понуде га сести. Пытаю га, куда є за толико време ходіо, и еда ій може съ добрымъ обвеселити гласомъ. На кое онъ одговори, да нити є у Руднику Графа Орловића, нити потомъ у Срему Богослава Вукашиновића наћи, нити најманѣ што о ньима, гди су и како су, разумѣти могао. На кое Велимиръ смутисе, погледи на старца, и полете му низъ образъ сузе, ал' безъ смущенія у нѣкой умѣрености. Онъ сада заключи у себи, да се выше ни мало овде задржавати не буде, хотя да му се тежко одъ честногъ старца Радослава разстати виђаше; но морало є быти. Сутра данъ обяви му свое намѣреніе и рекне му: Добрый Отче! я одлазити намѣравамъ. Теби є добро познато цѣло мое состояніе. Я самъ теби сва моя до данасъ приключенія искренно, као отцу одкріо. Ты

си видіо и видишъ, какву роллу игра свирѣпа самномъ судбина! Я самъ већь и моій сладки родителя лишенъ, около чега се више савіяти имамъ? Я садъ друго одъ моє скорби себи убѣжиште не знамъ, но єдну науку. Я самъ ову науміо ићи тражити. Ако ме она печали моє не ослободи, остаємъ найнесрећніи на овомъ свѣту! За коє сада на послѣдку совѣтъ одъ тебе потребуємъ. Шта ми велишъ, куда ћу се окренути, гди ли бы се могао ићи учити? На коє старацъ съ нѣкимъ срдца сокрушеніємъ одговори му: да бы найболѣ было, да пређе у Сремъ, єдно, еда бы гди за родителѣ своє разумѣти могао, друго, могао бы тамо, као у мирномъ царству, желаєму науку получити. Онъ нѣга на ово довольно увѣштаваше, но всує. Велимиръ му одговори, да є се онъ гди у Греческой, найвыше єзыка ради, учити радъ. Радославъ напослѣдакъ совѣтує му дакле, да иде у Аѳонску гору. Каже му, да се ту лѣпе науке, колико є онъ разумѣти могао, предаю. Налазесе ту, вели му, многіи учени, кои су одъ Турскога зла, коє изъ каквы мѣста, тамо се у сигурно мѣсто склонили, одъ кои можешъ науку, какву ти срдце иште, почерпсти, а я ћу гледати, рекне му, начинъ, како ћешъ донде отити. Велимиру се то повольи и за цѣло у Аѳонъ ићи себе опредѣли. По маломъ времену Радославъ нађе му нѣкогъ сопутника, да га одведе до мѣста Трикала на води *Стримонъ*, коя утиче у Архипелагъ; а ту се увекъ прилика за Аѳонъ найлакше наћи може, будући да є близу. При томъ опетъ понуди га, да, ако бы имао склоность и волю при нѣму заостати, обећа му се, да ће га срећна учинити. Ако ли бы съ временомъ за родителѣ што разумео, и къ иѣима ићи зажељо, да ће га, макаръ гди они буду, о своемъ трош-

ку послати. Но Велимиръ страсти своіой одолѣти немогавши, захвали старцу на свему; срдце моє, вели му, уязвлено нигда се спокоити небы могло! Я самъ себе тврдо наукама посветити завѣштао. Мени є се одъ преће нешто особито случило: Онай истый данъ, кадъ си ме на ручакъ очекивао, удалимъ се мало у шуму, станемъ о себи размышлявати, шта ћу чинити, и како ћу самномъ управити. Напослѣдакъ ставимъ у себи, да, или морамъ ићи тражити родителѣ, или ићи кудгодъ у свѣтъ, и гдигодъ учитисе. Одъ ово двоє завѣштамъ се єдно коєгодъ слѣдовати. Уморанъ легнемъ подъ єдно дрво и заспимъ; кадъ се пробудимъ, смотримъ на дрвету исто моє предпріятіє съ овымъ рѣчма написано: „Велимире! Ты родителѣ твоє всуе тражишъ; о второмъ обаче предпріятію не закоснявай.“ Тко є могао моє тайне мысли дознати, и онде написати, незнамъ! Само то, да є се моє о науки мнѣніє со тимъ потврдило. (за прстенъ му не хоћаше обявити) Знамъ, шта самъ патіо, а шта ће ме іощтъ у животу срести, на што ли ме ова моя вуче страстъ, не знамъ. Благодаримъ Бога, да самъ мало у совршеніємъ, него што самъ быо, возрасту, и да ме є Богъ съ добрымъ обдаріо здравлѣмъ. Приспѣо є данъ последныій, да се Велимиръ съ овымъ честнымъ старцемъ разстане. Радославъ нѣга съ посланикомъ подалеко испрати, и овай послѣдныій одъ себе совѣтъ стане му давати: „Драгій мой Велимире! Ты и самъ лепа о стварма и благонаравію понятія имашъ; нѣка пакъ и я самъ ти, одкако се самномъ находишъ, приподао; коя препоручуємъ ти, храни, као какво сокровиште, у срдцу твому, и повторавай свагда рѣчи моє, упамти, коє ћу ти и сада изговорити, и у мѣсто дара на путъ ти дати! „Гди годъ будешъ, стра Божій,

кое є начало премудрости, да не избива изъ срдца твога. Къ тому возлюби правду и буди чистосрдечанъ, ако желишъ мудрость постигнути. Знай, да є мудрость права Божія благодать. Она се не само съ трудомъ, но и съ нѣкимъ благоговѣйнствомъ и страхопочитаніемъ снискава. Она у неваляло, злобно, завидльиво и лажльиво срдце неуходи. Може и расколникъ какавъ многа у себи вѣжества имати, алъ ако онъ ніе у благонаравію, као што се одъ честногъ човека изискивати може, далеко є одъ нѣга, да бы се мударъ реѣи могао. Онъ є само многозналица. Трудисе, гдигодъ будешъ, да добродѣтелянъ постанешъ. У предпріятію свакогъ доброгъ дѣла Бога на помоѣь призивай, и тако ће ти свако дѣло съ благословомъ нѣговымъ къ твоєму спѣшити концу. Догоди ли ти се кадгодъ у противномъ случаю быти, буди великодушанъ, буди благонадежданъ и вѣруй, да ће те изъ найвеће погибели невидима Божія рука, кадъ се и не надашъ, избавити. Люби свакогъ човека на свѣту, пакъ ћешъ любимъ одъ свакогъ быти. Праштай погрѣшке онима, кои не изъ злобе и пакости, но по немоѣи и лакомыслію у чему преступе. Видишъ ли ближнѣга у каквой нужди, похити му, ако икако можешъ, на помоѣь; ако ли башъ одъ тебе ніе могуће, да му помогнемъ, а ты бацы на нѣга баремъ сожалителный погледъ, и сотимъ покажи му твоє благонаклонно къ нѣму срдце, да си му радъ помоѣи, но не можешъ; и већь си учиніо добродѣтель; бѣдному велика быва утѣха, кадъ види кога, да о нѣму сожалує. Младъ си ты мой Велимире! Текъ си настао живити; може Богъ дати, да ћешъ ты великимъ човекомъ постати; гледай дакле, да любовь къ ближнѣму, у чему можешъ, покажешъ. Слаба и немоѣна одъ неправде защти-

ти, неразумна и невѣжу совѣтуй и учи. Што годъ добро и за човека полезно знашъ, незатаи у себи, подай радо, и паштисе колико можешъ, о совршенству и счастію ближнѣга, како годъ и о свому. Поредъ тога клонисе свакогъ порока, особито храни цѣломудріе, благопристойность и учтивость. Трудисе о науки и нигда време всуе не пропуштай. Знай свакій путъ време на добро употребити; ово лети и нигда се не враћа; зато пази, да ти ни єдан дань не проће, кои ти небы какву нибудъ ползу принео. Красанъ є овай свѣтъ, сладакъ є разумнима временный овай животъ, кои многіи съ неразуміємъ своимъ огорче и несносный учине. Буди добре волѣ, и увеселявайсе гледаюћи само овай красный свѣтъ, у коєму мы, ако смо добродѣтельни, макаръ ништа не имали, счастльиви бывамо. Мы се можемо на овомъ свѣту свакогъ блага лишити, но добродѣтель никаква сила намъ отети не може! Безъ ове смо злосчастни, макаръ бы сва проча до излишности имали! Я ти желимъ, милость Божія да ти сопутница буде; желимъ да кадгодъ опетъ сладке твоє родителѣ видишъ, и да се съ ньима и они съ тобомъ совршено утѣше.

Велимиръ падне своимъ благодѣтелю около врата, и одъ плача єдва проговори: Добрый отче! ове моє сузе нека те увѣре, какву ти за отеческу къ мени любовь срдце моє благодарность чувствує —! Совѣти су твои съ дубокима на момъ срдцу писменима записани; я ій нигда заборавити не будемъ! Богъ да ти твой добродѣтелный животъ продужи, и мене, да те іошт кадгодъ у животу видимъ, сотимъ обдари. Ово изрекавши отиснесе на путъ. Радославъ повратисе къ стаду своєму. Онъ є са своимъ сопутникомъ мирно путовао,

и за нѣколико дана у предречено мѣсто *Трикалъ* стигао. Посланикъ се врати, а Велимиръ улучивши после два дана прилику, дође у желаємо мѣсто *Аѳонъ*. Запыта найпре, гди є ту *Лавра Србска*; тамо га одведу. Удивисе, кадъ види горда ова зданія, коя су Србски Кралѣви своимъ собственнымъ иждивеніємъ на славу Божію зидати дали. Уведу га у цркву; незна, куда ће погледати, шта ли ће пре ту видити; све є златомъ художественно украшено, све преиспещренно; свети образи, рекао бы проговориће; чинисе, да є самъ Апеллесъ дивно своє художество овде показао. Приступи къ светому олтару, види имена са златнымъ словима Краля Симеона, Светога Савве, нѣговогъ сына и прочи нѣки написана. Кажу му, овай є монастиръ найславніи у цѣломъ Аѳону; нѣга су Светый Савва и нѣговъ отацъ Светый Симеонъ, за вѣчитый свой споменъ сазидати дали. Кадъ у време ручка, зазвони у ходнику звонце, скупесе у грдну трапезарію до преко 80 калуђера! Четири дугачке, одъ самогъ белогъ мермера трапезе поставлѣне су быле. Они стану и молитву по обычаю очитаю. Началникъ проће и на своє у зачелю мѣсто сѣдне; другіи се по томъ редомъ понамѣштаю. Ручакъ є было лепъ, но сасвимъ умѣренъ; свакій є предъ собомъ єдну малу, лепогъ вина мѣру имао; воће є се напослѣдакъ изряднѣйшега вкуса, коє њима дивный онай, моремъ окруженый предѣлъ дає, донело. До по' ручка єданъ є на страни житіє нѣкогъ светогъ са умѣренымъ гласомъ читао, коє су другіи сви, у молчанію ручаюћи, слушали. За тимъ начну између себе тихій разговоръ. Трапезарія є такође сва дивно измолована, прозори су отворени были, чрезъ коє су тихи зефири и умилно по шумама птица пѣніє уходило. Кадъ су

устали одъ ручка, сви су благодареніе съ тихимъ пѣніемъ Богу учинили. Началникъ њима нѣке уредбе изговори, и они се сви по послу разиђу. . . Два млада около трапезе служителя кадъ савршє своє у трапезаріи послове, узму Велимира по по' дне, изведу га мало у шуму проходатисе; запытаю га, одкуда є и съ каквымъ є ту намѣреніемъ дошао. Велимиръ њима мимоходно одговори, и само то каже имъ, да є онъ изъ Сербіе и да є єдно науке а друго греческогъ єзыка ради потрудіосе чакъ ту доћи, но вели, да ме кудъ упутите, гди бы я то получити могао. А намѣравашъ ли свештеный чинъ на себе пріймити? рекне єданъ. Незнамъ шта може съ временомъ быти; но засадъ на то склопость немамъ; само то, радъ бы се научити, пакъ потомъ. како буде. О! то ћешъ лако овде достати, и у нашемъ се монастиру, придода єданъ, два славна мужа находе; они су роћени Грцы; казую за њи да су врло у наукама на Еллинскомъ єзыку искусни; но за тебе бы много болѣ было, кадъ бы ты не далеко одавде у нѣкій монастиръ *Спасово* отишао; тамо се налази нѣкій *Теофилъ*, кои є како за свою высоку мудростъ, тако и за добродѣтель свуда разглашенъ; чуємо да є науку у Цариграду неколико година съ похваломъ предавао, и по томъ, незнамъ изъ когъ узрока пре єдно десетъ година, доће овамо и склони себе у малый тай монастиръ, у комъ само четири калуђера, и онъ съ њима петый пребыва. Имао є лане три при себи ученика; незнамъ, єсу ли и садъ кодъ нѣга; онъ ће те безъ сумнѣ пріимити, а калуђери су и онде врло добри люди; они, одкако се Теофилъ при њима находи, по три по четири, а и до петъ ђака, ако су сиромаси и науке ради ту доћу, драговольно пріимаю, и препитаніе, премда мале

приходе имаду, даю имъ. . Ово се Велимиру допадне; каже имъ, да є нарочито у таково мѣсто радъ, гди нису многіи; захвали имъ и замоли ій, да га одведу. Другій данъ уђе къ началнику монастира и благодари му на дочеку, каже, да є се радъ куда мало и далѣ по монастирима проћи. На коє онъ рекне му: „Добро сынко! узми єдногъ друга пакъ се проћи и провиди, како є. . Велимиръ узме єдногъ трапезара, кои га до близу Спасова допрати. Ово му се мѣсто, паче свію прочи омили; рекне свомъ другу, да се врати, да небы закасніо, а онъ ће садъ и самъ у монастиръ се спустити и себе препоручити. Полюбисе съ њимъ и обећа му се, да ће га у Лаври, будући ніє далеко, почесто походити. Овай се врати, а Велимиръ низъ єдно брдашце спустисе къ монастиру. Стѣне одъ ћелія древность показиваху; оне нимало не бяху порушене, но зелена ій маовина попала бяше. Више монастира два холмића, коє красна шума окружаваше, леже. Но шума є тако очишћена, тако одъ непотребны шибльика, и ветромъ покъраты грана подкресана, тако є свако дрво право растити видило се, да бы рекао, да є какавъ царскій воћнякъ. Измећу овы холмића пружила се горе одъ монастира велика равнина, на коіой изрядна видисе монастирска башта; на страни стоє виногради, кои су само одъ сѣверне стране съ плодними дрвима краємъ окружени. На другой страни пружиласе одъ синѣгъ камена гора. Бацы око доле, види воћняке, и мало далѣ њке ливаде.

Велимиръ уђе у порту, гди на среди мала, но врло лепа и нешто поновлѣна црквица съ три мала тороня. Трава у наоколо као зелена кадифа, простртa. Стазица одъ црковны врата къ ћелія-

ма пружена; поредъ ћелія неколико воћны дрва съ плодомъ отяготнена, гране земльи клонуле бяху. Винове лозе одъ землѣ за стѣну узвите и поредъ цѣлогъ ходника пружене, на коима силни гроздови плаветнесе. . Велимиръ стао, гледи и нигди никога не види, у торжественнѣйшемъ молчанію подъ самымъ ћеліяма тихо вода жубори; приступи ближе, смотри прелѣпу єдну чесму, и при њой нѣкогъ честногъ и временитогъ старца, коєму коса снѣгу подобна съ црнымъ фесомъ покривена бяше, и брада му дуга и бѣла низъ груди спуштена вићашесе. Онъ у руцы држаше књигу и єдне велике броянице. Поредъ нѣга стои мотика и єдна жута съ хладномъ водомъ напунѣна тиквица. Ту се одмараюћи читаше. Велимиръ га поздрави и маши му се къ руцы. Богъ ми те любіо сыне! одкудъ тако? Каже му Велимиръ, одкуда є и зашто є ту дошао. Зачудисе старацъ, понуди га сѣсти. Я мало, вели му, быо у башти, копао, пакъ самъ се, као старъ човекъ, ево уморіо, дођо, те се мало разхлади; а єси ли гди данасъ ручао, упыта га; и да ниси гладанъ? Нисамъ гладанъ, одговори Велимиръ; имамъ рaане у торби, што су ми ютросъ на путъ у Лаври Србской дали. Е добро сынко! а ты иди, и преявисе нашемъ у овой ћеліи (показиваюћи рукомъ) старешини, и онъ є башъ садъ съ посла дошао; но знашъ ли што грчки? запыта га, єрбо онъ србски слабо зна. Знамъ по нешто, рекне Велимиръ, моћи ћу се съ њимъ што годъ разговорити. Е а ты иди! и кажи му се, одкуда си, и чега ради найвыше дошао си. А я идемъ іошть мало, ако што будемъ до ноћи могао, у башти чепркати. Кажи да те є отацъ Єреміа послао: Онъ є човекъ добаръ; а такође и учитель. Онъ има іошть два младића, кои се кодъ нѣга уче,

Пріимиће и тебе. Само буди добаръ и учисе, докъ си младъ. Нѣгова є ћелія башъ до моє. Поштенъ човекъ. Мы га сви любимо и почитуємо, и онъ се съ нама лепо слаже. Нѣга су већь толико путій у Србску Лавру мамили; но онъ се залюбіо у ову самоћу; ніє радъ у великомъ дружству быти. Онъ є иначе човекъ мирскій, но сасвимъ духовно води животъ: мени є, вели, највеће дружство съ књигама: кадъ му се читаюћи досади, а онъ лати мотику, пакъ съ нама заєдно ћуска и копа, и каже, да слаће вечера, и пріятніє спава, кадъ се у послу занима; но мы выше нѣгове у нашима пословима совѣте, него другу помоћь потребуємо. Човекъ є у свему искусанъ. Онъ намъ каже, како треба художественно землю воздѣлавати, како воћняке и винограде садити, како шуму и маслине држати, марву и проча: и мы нѣга у томъ слѣдуємо, пакъ све добро. Нама се другіи чуде, колико мы на нашемъ маломъ делу землѣ преко године добыємо, као, да све што є наше, съ нѣкимъ особитымъ благословомъ быва. Съ благословомъ Богъ ме; али треба кичму пригнути, пакъ зной съ чела брисати, а къ тому іоштъ разумни о стварма у књигама начини, коє су паметни люди за дуго време опытомъ искусили и другима, кои су се ради ползовати, оставили.

Велимиръ оде и прикаже се старешини монастира. Яви му, зашто є се дотле потрудіо. Овай га съ добромъ вольомъ пріими, пыта га, има ли кога, и како є могао тако далеко заканити се. На коє Велимиръ уздане и рекне му: Я садъ нигди никога одъ свога неимамъ. То ме є и убѣдило овамо доћи. Я самъ быо одъ Турака заробљнъ, у Цариградъ проданъ, и одтуда срећомъ моіомъ ума-

кнемъ. . Ао мой сынко! кадъ те є Богъ избавіо; небойсе, можешъ се овде кодъ нашегъ учителя учити; онъ има іоштъ двоицу, а єданъ му є одономадъ отишао. Трапезу ћешъ као и другіи, имати съ нама. Насъ є мало, и малый имамо приходъ, но зато опетъ три четири ученика препитавамо и обдржавамо, само кои су се ради учити и желе, буди каковымъ начиномъ, своме сочовечеству на ползу быти. У мои 27 година, како самъ овде, многіи су се већь досадъ изменули. Ако не можемо, како бы хотѣли, а оно, колико можемо, чинимо, да роду човеческому на ползу будемо. Но ево жалости! да ій є мало, у коій прсима човеколюбиво срце куца. Не маре некіи; некъ є нѣму добро, а савъ свѣтъ макаръ пропао. Срећанъ си, те си у добро дошао време, будући да двоицу, выше не имамо.

Кадъ у вече скупесе у трапезарію, ето ти и Теофила. Велимиръ му се учтиво поклони, и онъ нѣга пріятељски предусретне. При трапези запытаю Велимира, гди є се родіо и како є зароблѣнъ быо. На коє онъ нѣима укратко цѣлу свою повѣсть овако почне: „Я самъ се родіо у Сербіи къ Београду идући у нѣкомъ маломъ мѣсту, коє се зове Врбица. Мой є отацъ быо надзиратель добра нѣкогъ Графа Милутина Орловића. Овай є Господинъ обытавао у Руднику. Турцы мало по мало и ону часть Сербіе, надъ коіомъ су Деспоти наши владали, обладаю и тако овомъ Господину и последнѣ село одузму. Онъ єданпутъ совѣтуе момъ отцу, да се или у Рудникъ као мало у сигурніе одъ Турака мѣсто склони, или у Сремъ да пређе, будући да є Врбица истогъ Графа село, надъ коимъ є мой отацъ быо, на друму. Отацъ мой на то

му рекне, да онъ воле у Сремъ прећи, и да бы то и за нѣга болѣ было, него у Руднику да се задржава. Зашто, вели му, Турцы су почели, гдигодъ кога одъ поглавиты наши людій нађу, губити, да бы се кои одъ овы не нашао, кои бы Народъ противъ ньи узбуніо; но я, придода мой отацъ, намѣравамъ іоштъ за нѣко време у отечеству се бавити. Међу коимъ временомъ радъ бы кудъ ово дѣте (за мене) на науку дати, да не дангуби. Дай га мени, одговори Графъ; а я тако имамъ у двору изрядногъ мужа, кои мою дѣцу учи. Мой отацъ на то соизволи и преда ме нѣму. Овай є Господинъ мало далѣ одъ вароши имао лѣпа польска добра и дворъ, у коєму є онъ съ цѣломъ фамиліомъ преко лета обычествовао, выше него у вароши пребывати. Мы овде єдно лѣто бавећисе, пострадамо. Изъ ненада однекудъ ноћомъ нападну насъ Турцы! Ныій є было около тридесетъ, Господина нашегъ убію, дворъ запале. Учитель мене и младу Господинову кћерь узме и поити съ нама да насъ кудъ сакріє. Но проклети! спроћу месечине смотре, опале пушкомъ и обале га на землю! Насъ двоє трльимо бѣгати, но всуе! Ухвате насъ, донесу у Варну, и онде продаду ню некуда у Азію, а мене у Цариградъ. Изъ Цариграда пренесу ме у єданъ малый островъ, гди самъ морао у баштама истогъ Господина, кои ме є купіо, съ други робовы радити. Одавде улучивши прилику побѣгнемъ. Као дѣте незнаюћи куда ћу, тумаримъ у шуму, и не далеко одъ Варне натрапамъ на нѣке пустаіе! Съ овыма проведемъ годину дана. По томъ умакнемъ се и одъ ньи, и срећомъ натрефимъ се на нѣкогъ божественногъ кодъ оваца у Бугарской земльи мужа, кои ме пріими, и родительску покаже ми любовь, за коју Богъ нека му плати! а

я му не могу довольно благодарити. Онъ найми човека и пошлѣ га до у Сремъ, да потражи мое родителѣ, но нигди за њи ни гласа ни трага чути ніе могао. Я самъ при овомъ честномъ старцу, незнаюћи куда ћу, по' године провео. И не само да самъ добро у прелестномъ нѣкомъ шумама окруженомъ предѣлу дане мое съ њимъ проводіо, него самъ іоштъ многа поученія одъ нѣга получіо. Я самъ нѣга найпре за проста пастира држао, но после самъ у нѣму славна Философа и добродѣтелногъ Сократа искусіо. . Онъ є правый Србинъ; родіосе у Параћину. Отацъ му є у истомъ мѣсту Прота быо, кои га є воспитати знао. По томъ нѣкимъ случаємъ доће у Бугарску землю у мѣсто Провадшикъ; ту се ожени одъ нѣкогъ богатогъ трговца, коега по томъ све богатство наслѣди, и врло богатъ постане. . Онъ не само да є унуке, него є и праунуке доживіо. Отацъ *Єремія*, слушаюћи ове речи, воспряне духомъ и запыта за име тога старца; нѣму є име *Радославъ*, одговори Велимиръ.

Отацъ Єремія. Радославъ! — У Параћину се родіо! — Протинъ сынъ! — А єл' онъ теби казивао, да є имао кога брата? Онъ одъ мене ништа, одговори Велимиръ, како годъ и я одъ нѣга, затаіо ніе. Казивао ми є, да є имао іоштъ четири брата, одъ коій му найстаріи у младости умре, другій се запопи и по смрти отца постане Прота; трећій научи ћурчилукъ, пакъ оде у Сараєво, и тамо остане; а четвртый и наймлаћій, казивао ми, да нигда незна, куда се део. .

Отацъ Єремія удивленіемъ садъ восхићенъ плѣсне рукомъ о руку: „О Боже! шта я чуємъ? Мой

братъ Радославъ живъ! За кога я, и незнамъ већъ колико година, ништа чути нисамь могао! — Ахъ! ели могуће любезный сынко! откуда те Богъ овамо управи, да ми тай радостный донесешъ гласъ? Я самь нѣговъ наймлађій братъ, за кога онъ, као и я за нѣга, толико време ништа знао нисамь.“ Ударе му низъ честно, морштинама изваяно лице узе. Тко бы се тому игда надати могао? — Вопроси за тимъ Велимира, ели и сада монастиръ *Трессіе* подъ Космаіомъ у целости, и каже му, да є се онъ у нѣму првый путъ постригао. Велимиръ, кои съ неотвратнымъ очима на нѣга гледаше, єдва дође къ себи и рекне му: Ахъ! шта говоришъ отче? Ты си мога благодѣтеля братъ! Заиста у првомъ виду черте на твомъ лицу показивале су велико подобіе, и сама душа чинила се є познавати те. О Боже мой! у какво бы сада добродѣтелна нѣгова душа возхићенѣ дошла, кадъ бы те видіо! И ты ништа за нѣга ниси знао? Ништа сынко, одкако смо се разстали, ето досадъ! Како се намъ отацъ престави, одемъ, кажемъ ти, у Трессіе и ту се поцрнимъ. Было є насъ у оно време до єдно дванаестъ калуђера; незнамъ садъ како є; я самъ се мало ту бавіо.

Велимиръ. Остала су после мене до єдно њи 3 — 4, ако не буду и они кудъ разишли се.

Отацъ Єремія. Хмъ! Хмъ! Хмъ! Памтимъ, као данасъ, кадъ се намъ отацъ преставіо, онъ є было у Нишу на науки; те пошлѣмо по нѣга.

Велимиръ. И то ми є казивао.

Отацъ Єремія. Пакъ како онъ сада стои?

Велимиръ. Нигда болѣ. Онъ ніе могао выше одъ Бога желити, него што има. Онъ има саме

своѥ фамиліѥ до преко четрдесетъ душа; има толике слуге, богатства и свакогъ изобилія.

Отацъ Єремія. Хвала Богу! да ми бы суђено, баръ да чуємъ за нѣга, кога самь давно већь у земльи разстворена быти мысліо. . . Єли врло остаріо?

Велимиръ. Онъ є бео, као овца, но зато іоште има у себи довольно крѣпости.

Отацъ Єремія. О Боже мой! съ плачемъ бесѣду пресецаше, што ти є човекъ овога свѣта! Красанъ є онъ у своме детинству и благонараванъ младићъ быо; може Богъ дати, да ћемо се іоштъ кадгодъ и видити.

Сви прочіи у торжественнѣйшемъ молчанію при трапези слушаху, и сви се са старцемъ срадую. .

Старешина запыта, калико има година, како се нису видили.

Отацъ Єремія. Мыслимъ 72 године быће! єрбо самъ я около 17 година быо, а ето већь у име Божіе деветдесета ми настаѥ.

Старешина. Узме чашу и напіє: за здравлѣ васъ обоице! да васъ Богъ поживи, да се іоштъ кадгодъ видите.

Отацъ Єремія. Я за твоє здравлѣ, сыне мой! испіямъ ову чашу вина. Богъ да те поживи и свакомъ срећомъ обдари. Ты мени заиста съ неколико година животъ понови; садъ ми се чисто чиніе као да се подмлади, гди разуме, да ми є стари, братъ іоштъ живъ.

Старешина. А єли теби извѣстно было, да ти є отацъ у Сремъ прешао?

Велимиръ. Мени є Господине! съ толико извѣстно, што є єданнутъ Господину Графу писао, да є већь у Срему. Но гди є и како є, ништа ніе явіо.

Стареш. А єли тай Господинъ имао выше дѣце, него ту кћерь? и єли имао супругу?

Велимиръ. Онъ є имао іоштъ два млада сына, но супруга му се мало пре преставила.

Стареш. И ништа не знашъ, шта є се съ њима далѣ збыло? да му нису и сыпови изгинули?

Велимиръ. Ништа Господине! я, како самъ одъ Турака съ Босилькомъ, нѣговомъ кћерію, похићенъ и у робство одведенъ, ни одъ кога за њи ни речи разабрати нисамъ могао. Но не вѣруємъ, да су сви изгинули, єрбо како су видили, да є и одъ ньіове стране много пало, предузму путъ, и дворъ горећій оставе.

Стареш. Ей Боже мой! Шта се и одъ тогъ Народа учини! тко бы се игда у нѣко време надао, да ће они пропасти. Но заиста єстъ чудо, да су се и толико држати могли; нити бы они подъ Турчина пали, да се ніе међ' њима, како чуємъ, вражда и несогласіе родило. Да су се они и Грцы у оно време међу собомъ, као єдиновакони, слагати умели, небы заиста ни єдни ни другіи то дочекали. И овако далѣ разговоръ при трапези проведу.

Теофилъ єданъ данъ рано узме Велимира, и изведе га у славный онай вертоградъ. Велимиру чисто у движеніе доће срдце, кадъ види, како є трудолюбиво, како художественно воздѣланъ! Ка-

ко є природа великолѣпно по поврхности землѣ богатства своя разсула. . Ова земля трудомъ человеческимъ, рекне Велимиръ, управъ соотвѣтствує; благодатна ова мати милостиво ньи награђава. Я докъ самъ овамо ступіо, познао самъ, да овде трудолюбиве обитаваю душе. Знацы трудолюбія свуда се овдѣ виде.

Теофилъ. Іошть докъ одемо доле, да видишъ какви су намъ воћняцы, какви виногради и маслине! Я истина и кадъ самъ дошао, доста самъ у лѣпомъ кодъ овы честны людій поредку застао; но много самъ и я поновіо, и у лѣпшій поредакъ довео, єрбо кадъ се трудолюбіє са искуствомъ соєдини, таки другій на себе видъ дѣло добыє. Ова земля, хотя да є слабогъ у себи качества, будући да є каменита, ништо манѣ, што є природа у томъ одрекла, художество надокнади. Онде є нѣкій не далеко одъ насъ монастиръ, кои има лепше и много выше, него мы землѣ; али коя полза, кадъ у нѣму нѣке одъ свѣта ленштине живе; има ньій брате! до єдно десетъ; леже и смрде, недао Богъ, да се кои, као што бы требало, посла пріими. Пакъ тако ништа и не имаю; живе као просяцы. Само да имъ видишъ жалостну башту; читавъ коровъ по ньіой! Виногради готово запарложени, воћняцы неподкресани, неочишћени и сасвымъ задивлячени; шума равнымъ начиномъ. А! неможе поштенъ човекъ гледати, да се на ньи не разсрди. . Пролетосъ єдномъ смеяо самъ се. Преко ноћь имали смо красну кишицу; дођемъ у ютру рано, да нешто разсада посадимъ; алъ ето ти єдногъ одъ ньій, разбарусіо брадурину, пакъ преко зида гледи; ала човече! вели ми; како сте лѣпу кишу имали; а кодъ насъ ни капльице ніе было; као да на

васъ благословъ Божій быва. Да како мыслишъ Отче! рекнемъ му; заръ ты незнашъ, да Богъ благословъ онде у киши шилѣ, гди се зной съ чела брише. Онъ васъ, велимъ му, врло редко у башти радити вића; пакъ мысли, да вамъ киша и не треба; слѣдовательно неће вамъ ни да ю пошлѣ, ербо вели на што; коровъ и безъ кише расти. Оде Богъ ме онъ кяо и опаренъ.. Ни на што се тако любезный мой! срдити не могу, као на лѣна човека, и єсть заиста леньость начало свакогъ грѣха! Човекъ, кои се буди у каквомъ добромъ дѣлу не упражнява, мора страстма на свако потрзанъ быти невалялство. Лѣнъ човекъ не само да се за свою лѣность лишава онога блага, коє бы сладостно уживати могао, но пада и у пороке.

Садъ ты мени кажи, драгій мой Велимире! имашъ ли управъ волю научити се, и какавъ си досадъ у науки поступакъ учиніо; на што ли найвыше праву склоность имашъ? Свакій є родъ науке лепъ и полезанъ, но опетъ само є єстество свакомъ у срдце по нешто особито улило, коє му се оно преко свега осталогъ допада и оће.

Велимиръ. Прво я самь радъ Господине! елинску Грамматику слушати. Тай самъ єзыкъ врло возлюбіо; а друго наука што се тиче, осланямъ се на тебе. Я самь се радъ свачему, што є лепо и полезно, научити. Я самь слушао науку стихотворенія, слушао самъ краснорѣчія, такође и исторію єстественну, мало нешто изъ логике и Физике; и мени се сва тако допадаю, да я небы знао, коє бы коєму предпочитовао. Я самь слушао истина на матернѣмъ єзыку, но предавано ми є као мимогредъ. Моралну равнымъ начиномъ почео самъ быо

слушати. Словомъ рећи: я самь само вкусъ мудрости добыо, а иначе у свему самь іоштъ недостаточанъ.

Теофилъ. Любезный мой Велимире! Разумъ є у свакомъ човеку роћенъ, а мудростъ се съ трудомъ получава. Разумъ є драгомъ камену подобанъ, и како годъ овай, докъ у земльи лежи, малу или никакову у себи цћну не содржава, тако естественный у човеку разумъ, ако се у просвћштеніе не доведе, малоцћнный пребыва. Онай потребуе руку човеческу, да га истре, художественно очисти и сотимъ му оно блистаніе, кое у себи драгоцћность содржава, припода; а овай руку мудрости, искуства и разна вћжества; коя сотворе, да се оне душевне у човеку силе, у коима се роћеный разумъ замотанъ находи, полагано размрсе и развію; како годъ красный цвћтъ у пупольку, нћжнымъ лишћемъ завіенъ, полагано начне около себе овай преплетъ разрушавати и дичну свою главу съ благоуханіемъ свћту показивати, тако и разумъ у нама. Мудрость є свуда около насъ прострта, сви предмћти ову на себи содржаваю, и разумъ човеческій, да ю искуси и позна, позивлю. Погледаймо ноћу небо, како є звездама, као съ драгоцћннымъ бриліянтима украшено! Мећ' коима сребрну видимо луну, коя свой величественный одъ востока къ западу ходъ тихо управля, и бледый одъ себе на мрачну вселену свћтъ низпушта; мы внезапу усмотримо изъ безчисленны оны звћзда, да коя са устремленіемъ одъ своєга мћста на другo полети, и златну за собомъ стазу остави. Бацымо даньомъ око на благодатну ону звезду, коя сама по плаветномъ неба своду плива, свћтлћйше своє зраке гордо на землю баца, сва угреява и сва

оживотворава. Смотримо овай кругъ земный, на коємъ мы живимо. Шта на поврхности, шта ли у утроби землѣ ове лежи! Окренимосе къ мору; завиримо шта у нѣму обитава! — Чуємо страшне громове, коє выше путій землю подъ нама затресу! Мунѣ! како дивно посреди воздушне тверди змієвиднымъ образомъ густе облаке просѣцаю и скороисчезаємымъ блистаніемъ мрачность освѣтляваю. — Помыслимо, одкуда намъ киша, одкуда плодоносна ноћомъ пада роса, коя землю прохлађава, све на њой прозяби и зеля, жаркосћу сунца клонута, запоява и оживотворава. . Сва ова, драгій мой Велимире! имаю себи вѣчито опредѣлене законе, по коима се у єдно съ другимъ одношенію управляю и бытіє своє содржаваю. Мы ћемо у овима науку нашу почети, но валя намъ найпре нѣке степене предпоставити и правила, по коима се къ овой доћи може, опредѣлити. Нећемо, нити се може хитити, зашто су сва, као концемъ, међу собомъ союжена и свезана. Гледаћемо, да, докъ єдно не одрешимо, къ другому не ступамо; и тако ћемо себи по свештеному оному Парнасу путъ отворити. Ты ћешъ се зачудити, кадъ я тебе у дивный овай Лавиринтъ уведемъ! Мы по нѣму што годъ далѣ ступати будемо, све ће се намъ безчисленне и искривудане тако представляти стазе, да нећешъ знати, по коіой намъ ходъ управити надлежи. Чисто ћешъ кадкадъ ревность напредованю у себи изгубити. Обаче, напредъ ти кажемъ, точно мени у свему слѣдуй, пакъ се ништа не бой; нити се чуди, ако се я при каквой, мнимой малой ствари подуго задржимъ; зашто гдигди малый видисе чворъ, но упропастишъ се, кадъ га одрешишъ, колико є безчисленне у себи краєве сакривао! и быће ти мило, кадъ познашъ, съ каковомъ ти се

лакоћу трудъ, за разумети потомъ многа друга, наплати. О Велимире! Ты ћешъ познати, како є лако, како мило єдномъ младићу науку и вѣжества сбирати! само кадъ му се, као што треба, предає. Ништа га заиста на свѣту болѣ увеселявати не може. Но жалости! Гди се ова разговетно и поредачно нетолкує, ништа теже, ништа мрже быти не може. . Мы ћемо сваку нашу матерію на части раздѣлити, части пакъ на нѣке членове разположити, по томъ време, коє се къ коіой науки способніе изискує, опредѣлити, пакъ ћемо онда све полагано, али точно, у дѣлу спѣшити. Ты нећешъ ни осећати, како ће ти се мысли развіяти, како вѣжества данъ на данъ приплоћавати! Видишъ ону малу пчелицу! како на слабимъ своимъ крилима одъ цвѣта на цвѣтъ прелеће и медну одтуда росу невидимо скупля. Мы оно нѣно субтилно дѣло и не примѣчавамо, но зачудимосе, како пуну видимо кошницу меда. Истымъ начиномъ и любомудреногъ духъ одъ предмета на предметъ прелеће и любопытствує, шта є, како є, и зашто онако, а не иначе ствaрь какова быва. Ово се зове испытивати єстества законе. Истина труда има, али му се трудъ веселѣмъ награћава. О любезный мой! какву ћешъ ты радость, кадъ те истинный мудрости свѣтъ озари, осетити! Дивићешъ се, како си пре тога мысліо, шта ли си вѣровао. Познаћешъ луда и пагубна простога народа суєвѣрія! Ако си и самъ толико преваренъ быо, да си што одъ овы вѣровати морао, хоћешъ ій, као блато съ ноге одбацыти, хоћешь твой духъ освободити и не къ тому измышлѣны вампира, ноћника, вештица и прочи оваковы страшилишта плѣникъ быти, и одъ ништа у мраку презати. Познаћешь, да таково што нити има, нити може быти. Но у оно време, кадъ

є свѣтъ іоштъ новъ было, кадъ науке и никаква просвѣштенія ніе было, уселисе међу люде ова кукга! и тако се укорени, да сада паметни люди никако истребити, и одъ ове душевне болести простъ народъ исцѣлити не могу! Воли сирома простакъ и дедакъ оно, што су нѣгови стари вѣровали, за истину држати, макаръ и зло было, него и садашньимъ вѣровати буди најболѣ было. Чини имъ се, као да сотимъ нѣку любовь и почесть предковима своима оддаю; пакъ іоштъ и потомке своє своєгъ лудогъ мнѣнія наслѣднике учине, и тако одъ рода въ родъ зло се ово простире.

Велимиръ. Я истина Господине! никаквы се суєвѣрія не придржавамъ, єрбо су ме изъ малена обучавали, и одъ тога удалявали; али просимъ, може ли се што кадгодъ преєстественно случити?

Теофилъ. Здравый разумъ нигда то вѣровати не доцушта, да бы се башъ преєстественно, и као безъ свога узрока, што сбыти могло.

Велимиръ. Мени є се прѣже тако нешто пригодило, да я нисамь другоячіє, него за преєстественно быти повѣровао, будући никакавъ узрокъ, изъ коєга є оно быти могло, дознао нисамь: бывши я при старцу Радославу, изиђемъ єдномъ проходатисе, почнемъ о себи мыслити, шта ћу чинити, како ли ћу самномъ управити; човекъ, кои є у Сремъ за распытати за моє родителѣ, посланъ было, недолазаше. Данъ по данъ, мышля, лето пролази и печална се зима приближава, куда ћу и шта ћу, незнамъ. Найпосле ставимъ у себи то, да, или идемъ самъ родителѣ тражити, или идемъ кудъ учитисе. Одъ ово двоє єдно ми валя слѣдовати, нити се

далше овде задржавати могу. Утруђенъ захте ми се у хладъ подъ єдно дрво сести; и будући да самъ тай данъ врло рано устао био, задрема ми се, легнемъ и сладко заспимъ. Кадъ у єданъ путъ сунце ме препече, тргнемсе, протремъ очи и погледамъ; алъ на єдномъ предамномъ дрвету видимъ ове исте изсѣчене рѣчи: „Велимире! Ты родителѣ твоє всує тражишъ, али о второмъ предпріятію не закоснявай.“ — Гледимъ около себе, нигди никога, само гдикоя птичица, одъ врућине у прохладителне дрва сѣне, стерата, по гранама цвркуће! Сада Господине! разсуди, како є то могло быти; да самъ коме годъ на свѣту мысао мою найпре сообштіо быо, рекао бы, да є кога прилика ту доћи нанела, те є као нѣку шалу сотимъ учиніо; али нигди нико, кромѣ Богъ, пакъ я, знао ніє.

Теоф. Хмъ! Чудно дѣло! Пакъ єси ли ты ономъ старцу то казивао.

Велимиръ. Єсамъ му казао на неколико дана по томъ.

Теоф. Пакъ шта ти є онъ о томъ говоріо?

Велимиръ. Ништа! само є слегао рамены.

Теоф. Али да ниси ты кадъ о истомъ твомъ предпріятію старцу іоштъ пређе тога што годъ говоріо? Пакъ да ніє онъ откудъ то написао? Єрбо иначе тко бы знати могао, шта си ты у внутрености твоіой мысліо, да оно исто напише.

Велимиръ. Я господине! нити самъ пређе тога о томъ што мысліо, нити кому говоріо, но онда башъ кадъ самъ самъ самцытъ быо. Мене є старацъ пређе тога хотео съ онымъ човекомъ у Сремъ послати, но я ни пошто у Сремъ ићи волю

нисамъ имао. Такође ни о науки нигда му ни речи нисамъ споменуо, кромѣ кадъ самъ одъ нѣга поћи хотѣо.

Теоф. Инди незнамъ, како є то могло быти: но и опетъ ти кажемъ, да преєстественно быти нiє могло; само што узрокъ не знамо. Догоди се тако много коєшта, мой Велимире! да насъ удиви. А кадъ бы онай сакривеный узрокъ пронаћи могли, познали бы, да нiє преєстественно, но башъ єстественно.

При овомъ мудромъ и честномъ мужу Велимиръ слушаюћи прекрасну повседневну науку мало се позабави, да нiє ни на умъ узимао, како му є читава зима прошла. Онъ є весело и счастльиво у красномъ овомъ мѣсту ню провео. Али докъ бы се одъ своiй два соученика, кои су га верно любили, мало одлучiо, одма бы му се горестна она на срдцу печаль, выше за любезномъ, него и за родительи, поновила. Печаль є нѣгову Теофилъ выше путiй нѣму на лицу примѣтiо и средства є къ тому, да ю растера, всує употреблявао. Єрбо мыслећи, да онъ за родительи тужи, тѣшiо га є и обнадеждавао, да ће онъ родителѣ своє, буди кадъ наћи; а нiє знао, шта iоштъ на нѣговомъ срдцу лежи. Онъ и то на нѣму искуси, да є радъ было ову скорбь дубоко у срдцу затаити, и зато нѣкiй путъ бы силомъ весео се показати хотѣо, а нѣкiй путъ бы се на темпераментъ свой изговарао. Али Теофилъ бы му рекао, да онъ нiє меланхолическогъ темперамента, но да се самъ своєвольно у таковый пушта, и да то нiє добро.

Дошла є већъ пріятнѣйша часть године, любко време, мило пролеће. Ово є Велимиръ одъ свiю

прочи єдва дочекао, да се може мало кудъ усами-ти, своє печали посвећено срдце съ красотомъ єстества обвеселити; ону, за коіомъ тужи, уєди-нѣнъ гди оплакивати, и сотимъ горесть свою нешто одлакшати. Теофилу су другіи ученицы казивали, да Велимиръ рано некудъ у шуму одлази, и кадъ дође, вићали су га, као да є плакао. Єданпутъ врло рано осети га учитель, да устане, намысли потайно слѣдовати га, да само види, куда ће и шта ће чинити. Смотри га кудъ оде, преобучесе одма у нѣке црне калуђерске хальине, направи седу бра-ду и бркове, и тако вешто себи привеже, да га нитко познати небы могао. По томъ навуче на главу црну шубару, узме кньигу, и єданъ дугачкій штапъ, пакъ тако управъ у шуму, куда є Велимиръ отишао, тумари. Мотри, гди ће га видити; чує нѣкій гласъ пѣсне, приступи ближе, види га на єд-номъ у средъ шуме поузвышеномъ брдашцу; седи, и тихо овако пѣва:

У мѣсту пріятномъ, тихой пустиньи,
Гди славуи пою, шума зелени,
У жалость погруженъ и свѣта удалѣнъ
Сузе проливамъ.

Уєдиненіе пита мою жалость,
Нити срце моє зна за другу радость,
Око мене садъ сви предмети весели
Самномъ тугую.

Они исти птичіи, гласи умилни,
Съ коима се свакій срећанъ весели,
Нису већь за мене; єръ ми срце вене
За моіомъ любезномъ!

На првомъ степену мога живота
Жалость ме посѣти, и башъ до гроба;

Хоће да ме прати, докъ не преда смрти
У руке хладне.

(Теофилъ лагано съ леђа му приступи, стане и слуша га. Међу тимъ сунце на хоризонтъ изиђе, и сѣнь Теофила предъ Велимира бацы. Овай се тргне, окрене свое сузама поливено лице; кадъ га види, уплашисе). Теофилъ съ променутымъ и мужественнымъ гласомъ: „Младый човече! одкуда си ты?

Велимиръ. Я самъ изъ далека; но одъ нѣкогъ времена овде се у монастиру находимъ.

Теофилъ. Пакъ зашто плачешъ, шта ти се случило?

Велимиръ. То нитко знати не може!

Теофилъ. (Подъ видомъ пустиньика.) Зашто сынко! Шкода за твою цвѣтућу младостъ, како те є Богъ украсіо, како те є здравлѣмъ обдаріо, што ти дакле недостає, да си тако са счастіемъ своимъ незадоволянъ, и сотимъ Богу неблагодаранъ? Я младе люде милуємъ, зашто є ньіовъ духъ и ньіово іоште младо срдце на свако добро удобосклонимо.

Велимиръ. (съ низпуштенымъ долу очима, тихимъ и постоянымъ гласомъ.) И я старе любимъ и чествуємъ, будући да ньіови совѣти младима увѣкъ полезни бываю. Но я самъ подобанъ оной ябуки, кою, кадъ узмешъ у руку, гледишъ здраву, лепу и румену, а кадъ ю разсечешъ, сва є изнутра трула.

Пустиньикъ. Я колико самъ изъ твои рѣчій, кое си ты у пѣсми изражавао, примѣтити могао, ты си — залюблѣнъ!

Велимиръ. Съ негодованіемъ погледи на нѣга, и може быти, рече му.

Пустиньикъ. (Съ пламенитымъ почне рѣчма) О бѣдна юности! и сожаленія свакогъ достойна! — Многіи се тако обезуме, многіи у погибелну любови мрежу своєвольно падну! нимало неразсуђаваюћи, каква зла слѣдства ова страсть за собомъ потеже! — немыслећи, съ коликомъ се горесћу худо оно увеселеніе, коє у любови за нѣко време находе, за тимъ награђава. Попустисе неискусна іоште юность овой пагубной страсти, и тако заслепи, да выше путій ни за свой сладкій животъ немари! О! колике є ова єоколове очи помрачила, колике є мудре обезумила, и силне херое у женску мекость и слабость низвргнула, несрећне учинила! Я да имамъ такову трубу, съ коіомъ бы по цѣломъ свѣту юность обоєга пола пригласити могао, викао бы: „Бѣжи! бѣжи юности! и као люта мача клонисе ове вредителне страсти, коя є гора, него лютый мачъ.“ Мачъ животу конацъ одма учини; но ова горестнымъ га сотвори. Ова га мучи, и кињи! разумъ му помрачи, душу оскорби, совѣсть увреди, срдце у печаль погрузи, иде, као отрованъ, вене, као красный цвѣтъ! Свѣтлость у очима, коя є залюблѣнъ, изгуби, гласъ му малакше, племенита она юношеска у нѣму живость утишасе; ланите (образи) бледе и упале виде му се, вкусъ къ єлу и пићу никаковый нема, мысли му духъ узнемираваю, санъ одъ нѣга бѣга, данъ на данъ ослаблява, докъ найпосле таковый у болесть падне, и кончину жалостномъ своемъ животу пре времена учини! — Ето! какавъ му є плодъ красне нѣгове любови! Я се чудимъ мужественномъ Србину, кому никако ова слабость свойствена ніє;

но веле нѣкіи, да се ова страсть побѣдити неможе; неможе Богъ ме! кадъ си се у ню упустіо; али требало є найпре око отворити; но ты си радіо као риба, коя игра около мреже, и рада є сама у ню, а кадъ уђе, рада бы изићи, али єстъ, доцканъ є! Врцайсе се садъ, колико ти є драго, кадъ већъ люди вуку наполѣ. . При првому, на прелестно каково лице взору, узмисе на умъ о *юноше!* А и ты лепа *момо!* како осетишъ да ти несташно срдце у движеніе дође, и крвь ти се у теби волновати почне, употреби силу твогъ разума, укрепи ю съ пагубнима другіи примѣрима, ако мыслишъ ову луду страстъ побѣдити, и желишъ робомъ се нѣнымъ не учинити! Особито вы, кои сте Минерви посвећени, предосторожни будите, да васъ Венера не закачи и очи разума вашегъ непомрачи. — Исповѣди ты мени о юноше! чистосрдечно твою тугу, кажи ономъ, кои о теби отеческимъ сожалує срдцемъ, макаръ каква тайна на свѣту была; увѣрисе, да ћешъ оному човеку казати, кои ће у дубокой тайности хранити. Небо єдно и земля, а другій нико знати неће. Мы смо овде сами, кога бы се бояли? Ако си залюблѣнъ и любови лишенъ, пакъ само зато скорбишъ; то є ништа! нит' си ты првый, нити ћешъ последньій у томъ дѣлу быти. Єръ ми небы казао? И я самъ човекъ подобострастанъ и младъ быо као и ты. Стари люди младима лако погрѣшке праштаю. Ако ли си другого каково дѣло гди учиніо, съ коимъ си совѣстъ твою увредіо, и оно те на срдцу гризе, ништа нетаи предъ онымъ човекомъ, кои зна стварь разсудити, зна слабостъ човеческу извинити. Ты ћешъ осетити, да ће ти се, као нѣкій каменъ са срдца свалити, докъ ми печаль твою сообштишъ! — Кажи сынко! изповѣди, и немирной твоіой совѣсти

спокойствіе врати! Ништа се небой! Нема човека, кои што не погрѣши, но валя се намъ исправляти, и чрезъ ово у погрѣшкама исправленіе, мы спѣшимо къ совршенству. — Єръ да є насъ Богъ тако сотворіо, да нигда ништа негрѣшимо, у чему бы мы нѣму нашу любовь, у чему вредность каву показати могли? Ни у чемъ! — И светіи су грѣшили, но нису хтели у грѣху заостати.

Велимиръ. Отче! Тко си ты, кои съ таковымъ усрдіемъ мою одъ мене изтязуєшъ тайну?

Пустиньикъ. Я самъ пустиньикъ; овде близу у єдной пештери самъ самцытъ обитавамъ.

Велимиръ. Єли теби познатъ Господинъ Теофилъ, кои се овде у монастиру Спасову находи?

Пустиньикъ. Чуо самъ за нѣга, но нисамъ имао срећу съ ньимъ познатисе.

Велимиръ. Я самъ нѣговъ ученикъ. Онъ є єданъ изрядный мужъ, наученъ и врло добродѣтелянъ.

Пустиньикъ. То є мудрымъ людма свойствено, да добродѣтельни буду. Редко є видити, да тко высоку мудрость притяжава, а да къ овой добродѣтель совокуплѣну нема.

Пустиньикъ. Истину велишъ! Нѣгова човеколюбива душа свакогъ човека люби, но мене преко сваке мѣре, и я му іоштъ мою тайну сасвимъ одкріо нисамъ, а ни зашто друго, само што ме є стидъ.

Пустиньикъ. О! любезный мой! Кадъ си ты нѣгову къ теби любовь, како кажешъ, искусіо, могао си му као просвѣштеному мужу, одкрити. Ни-

гда се одъ таковы людій бояти нетреба, у њи є характеръ свагда благородный.

Велимиръ. Хоћу ти отче! сообштити мою тайну, него молимъ, некъ при теби заостане. Я довольный источникъ утѣшенія у момъ добромъ учителю имамъ, но нѣму моя туга сасвимъ позната ніе.

Пустиньикъ. О драгій мой! о томъ се нимало сумняти не можешъ, да бы я кому годъ казао. Я одъ свѣта одлученъ, редко се съ кимъ и састаємъ.

Велимиръ. Я самъ се родіо у Сербіи. Мой є отацъ быо кодъ нѣкога Графа у служби. Графъ овай мене за нѣко време узме къ себи. Онъ є седіо у Руднику! — Онъ є имао између остале своє дѣце єдну прекрасну кћерь. Ова є была одъ мене съ єдномъ годиномъ млађа: я самъ онда быо одъ єдно четрнаєстъ година. Она є имала такве на себи примамльиве прелести, да є моимъ срдцемъ сасвимъ обладала, и я се у ню смртно залюбимъ! — Каква є у таковомъ вѣку любовь могла быти, самъ можешъ знати. Любезный нѣнъ отацъ (матере ніе имала) осети нашу невинну любовь. И будући да є мене врло миловао, покаже своє нашой любови склонито срдце. Ласкателна є надежда сада насъ обоє о будућемъ нашемъ счастію сладкимъ упованіемъ питати почела. . Но оле! — У што се ова по маломъ времену обрати! — Проклети Агаряни, кои изъ Азіе, на подобіе шашке, у Европу нагрнуше, и толика христіанска Кралѣвства себи покорише, своє тиранство надъ нама удвоє! — Рупише однекудъ до єдно ньи 30. на дворъ овога Графа, кои є онъ на польскомъ своемъ добру имао, гди смо се мы, наопако за насъ, у лѣт-

но време догодили. Ноћь є была; дворъ намъ запале, Господина убію; учинисе буна велика; напи се противъ њи ополче, многе ій потуку. Напослѣдку у бѣгство ій обрате; и будући да су мене, и младу Господинову кћерь као дѣцу у шуму склонили были, непріятельи бѣгаюћи, натрапаю на насъ, ухвате и обоє заробе! Донесу насъ у нѣку варошь кодъ мора; и ту насъ разставе! Ню продаду некудъ преко мора у Азію, а мене у Цариградъ! Я по нѣкомъ времену изъ Цариграда умакнемъ, и робства се спасемъ, а она сирота гди є и како є, ништа незнамъ? То мене, добрый отацъ! плакати чини! Разсуди садъ, єлъ ми могуће спокойнымъ духомъ таковый немилостиве моє судбине ударъ сносити! Помысли, колика су се злосчастія на мене, овако іопште млада, сбыла! Одъ родителя моій изгубљенъ, любимогъ отечества удаљенъ, и оне, коя є срдце моє плѣнила, на вѣки лишенъ! — Я се чудимъ, како давно, подъ овымъ туге моє бременомъ, непосрнемъ и непаднемъ! — Добрый мой Господинъ учитель, колико се труди, да ми печаль мою на радость обрати, алъ ніє могуће. Я се усилявамъ весео му се показати, само за удовлетворити нѣговомъ о мени благожеланію; али свагдашню мою скробь, коя ме на срдцу гризе, увекъ сакрити не могу, да ми се на лицу не появи. Я чинимъ, као онай болестный, кои се усилює болъ свой предъ родительима, кои около нѣга лебде, сакрити, и њи са тимъ поутѣшити, а не може. И онъ мене увѣштаваюћи тако поступа самномъ, као она коя свако вече цвѣтъ залієе, и у ютру га благонадеждна застане, а кадъ преко данъ, а онъ опетъ клоне, єрбо незна, да є нѣга црвъ одоздо подгризао, и коренъ му раніо. Изъ нѣговы медоточны уста исцѣлителный повседневно балсамъ мо-

ме увређеномъ срдцу извире, но всуе! — Я се дуго съ моимъ животомъ борити нећу! —

Пустиньикъ. Садъ те разумевамъ; моє є мнѣніе сасвимъ о теби другоячіе было, но садъ познаємъ твою невиность, и сожалуємъ те, да си тако младъ толико преко твоє главе преметнуо. Но зато сыне мой любезный! съ оным духомъ, съ коимъ си досадъ паденіяма твоима противостати могао, сноси трпѣльиво и слѣдствія ньіова! ослонисе на милостиво небо! Непредаисе отчаянію! непуштайсе у женску унилость! Опоменисе, да си Србинъ, и да си наслѣдникъ ньине хероическе крви! Невиность твоя довольна ти къ утѣшенію отрада быти може. Увѣрисе, да безъ промысла Божіегъ ништа не быва! Можешъ се ты іоштъ съ великомъ радосћу у твоє любимо отечество повратити. Можешъ твоє родителѣ наћи, коє є само єданъ случай за нѣко време, а не извѣстна ньіова смрть одъ тебе разлучила! Исту твою любезну, буди гди она была, неће ю Богъ оставити! нити можешъ рећи, да ю кадгодъ видити нећешъ. Выше путій оно, што мы држимо за немогуће, учинисе могуће. Сва ова твоя паденія може быти теби путъ къ нечаянной радости предуготовляваю, и та твоя печаль можесе сладчайшомъ утѣхомъ наплатити. — Ты надежду твою іоштъ за изгубльну быти не мысли. Найсрећніи є човекъ на свѣту онай, кои праведно и невинно проводећи свой животъ, сву надежду свою на промысао Божій ослања; таковый заиста све противне овогъ свѣта случаєве спокойнымъ духомъ сносити удобанъ є; увѣренъ будући да є Богъ преведанъ и да ће му трпенѣ, као невиномъ, буди кадъ богато наградити. . А нисы ты првый, кои си тако на овомъ

свѣту страдао; има ій, кои и выше пропате, пакъ трпѣльиво сносе. Употреби само ова, у обстоятельству таковомъ средства! чувай се уєдиненія! нигда самъ безъ дружства небуди! непозивайсе у мысли и воображенію на прошавша, коя си претрпіо, и на оне, за коима тужишъ! Зашто сотимъ питашъ, сатимъ подмлађуєшъ у средцу твомъ печаль, и повређуєшъ ону рану, кою бы ти време полагано излечило: но посвети све твоє мысли сладкой науки! Упражнявайсе у чтенію полезны кньига, коє ће ти срдце развеселити, и клонутый твой духъ ободрити! На свѣту нема лакшегъ, за избећи какву печаль, средства одъ овога. Я невѣруємъ, да ты досадъ при ономъ мужу утѣшіосе небы, само да си му тайну твою вовѣріо. Зашто му дакле небы казао?

Велимиръ. Принуђенъ самъ преко другогъ то чинити, али се самъ усудити немогу казати му, да мени найвећу печаль любовь причинява.

Пустиньикъ. О любезный мой! Ни найманѣ сатимъ нѣжность твою повредити нећешъ. Зашто бы си ты преко другогъ то чиніо, кадъ си нѣгову къ теби любовь окусіо? То бы си сатимъ ружно твоє о нѣму мнѣніє имати показао. А разсуди самъ, пристои ли се, да ту стварь другій пређе зна, него онай, одъ кога совѣтъ и утѣшеніє потребуєшъ? Сатимъ бы га мало увредити могао.

Велимиръ. Погледи на пустиньика, и тихимъ гласомъ: увредіо бы га?

Пустиньикъ. Онъ ти се небы увређенъ показао, али довольно є то, да му небы было мило.

Велимиръ. Инди ћу му самъ исповѣдити. Боже сохрани! да я найманѣ у чему онаковомъ мужу

негодованіе покажемъ. Онъ ће мене извинити, нити ће ме зато, кадъ стваръ разсуди, за непристойна младића осудити.

Пустиньимъ. О неће, заиста неће! Ты ћешъ у њему и по томъ оно исто срдце, кое є и найпре теби благонаклонно было, безъ найманъ промѣне, обрѣсти.

Велимиръ. Хвали ти отче! Хвала ти на любови твоіой! Я ћу твомъ совѣту слѣдовати. Я ћу њему печаль мою сасвимъ исповѣдити.

Пустиньикъ. Дай руку, да ћешъ то чинити!

Велимиръ. Ево рука! и моя рѣчь тврда и постояна, да, докъ одемъ, оћу му чистосрдечно казати!

Тада Теофилъ скине са себе браду, свуче црну альину, и покаже се Велимиру у правомъ своемъ виду.

Велимиръ. Тронутъ савъ се застиди, окрене лице одъ њега: Алъ Господине, тко бы се игда той хитрости твоіой надати могао?

Теофилъ. Осмеяваюћи се, умилно утѣшителнымъ рѣчма: Ништа то, добрый мой Велимире! Опрости ми! што самъ съ тобомъ овако поступіо; вѣруй! да ме є любонь и мое о теби сожаленіе на ово принудило. Ты се зато ни мало не стиди, што си мени ону тайну одкріо, кою си ми, као пустиньику, сада завѣштао, и руку, да ћешъ твомъ учителю одкрити, дао: нити бы ти се я иначе овде показао, да ми ниси то тврдо обѣћао. Я самъ сада о твоіой тайни совршено извѣштенъ; обећавамъ ти се, да ћешъ и ты при мени за мало време, совршено утѣшенъ быти. . Я ћу таки єдно

писмо, зарадъ твоій родителя и Графа Милутина, Митрополиту у Бѣоградъ писати и молити, да свуда по цѣлой Епархіи, а такође и на ону страну распише, и за њи разпыта: онъ ће мени то драговољно учинити, защто ме у великомъ пріятельсрву и любови има. А друго ћу писати у Георгію нѣкимъ моимъ пріятельима, кои трговину по целой готово Азіи воде, да распытаю за твою Босильку: они знаду она мѣста, у коима се роблѣ понайвыше продає: я невѣруємъ, да они ню нађи не буду, ванъ да є умрла. О! да си ты мени то и пре сообштіо быо, я бы одма о томъ попеченіе имао. И тако далѣ Велимира толико поутѣши, да му рекне: О! Господине! какву надежду садъ у моє срдце улисте! О! небо! смилуйсе на мене! Одкако самъ пострадао, нисамъ себе у болѣмъ духа разположенію осетіо, као сада. О добрый мой благодѣтелю! я самъ счастльивъ, и за счастіе моє Богу, пакъ теби, вѣчито дужанъ! Гледай дакле, и настой, како найболѣ знашъ, да избавишъ одъ погибели єдногъ бѣдногъ юношу.

И тако сатимъ вратесе у свой монастиръ. Теофилъ одма седне и напише два писма у Георгію, а єдно у Бѣоградъ, пакъ оправи на нѣкогъ своегъ пріятеля у Цариградъ съ предложенѣмъ, да овай имаюћи ту свакій путъ на све стране прилику, пошалѣ кудъ треба.

Приспѣ вознесеніе, и будући храмъ цркве овде, дођу іоштъ и изъ оближньи монастира нѣколико светы отаца, учине, по уставу церковномъ, бденіе и утреню; и порано изђу изъ цркве. Отацъ Єремія, као изъ шале рекне Велимиру: „но сыне! ако ми данасъ на литургіи србску херувику одпоешъ, да знашъ, да ћу ти єданъ лепъ даръ покло-

нити; башъ самь радъ, нека овіи гости чую, како у Сербіи херувику пою. Зашто небы, рекне му Велимиръ, само ако є дозволѣно? Шта? дозволѣно? — Хоће ти іошть захвалити, придода старацъ, зашто они србско пѣніе врло радо слушаю; особито, каконый ты дивный гласъ имашъ! — Кадъ на литургіи, Велимиръ одпоє херувику; натераю га потомъ и причастну, и сви га похвале. . Изиђу изъ цркве: отацъ Єремія зовне Велимира у свою ћелію; башъ ти сынко! Фала, видіо си, како є Грцыма мило было. Они сами похвалюю и кажу, да є србско пѣніе, много лепше и вкусу пріятніе, него греческо; само што подуго траe. Међу тимъ отвори сандукъ, изнесе єданъ красанъ, са златомъ лепо извезенъ убрусъ. Ево сынко! што самь ти обећао (осмеяваюћисе), я самь га и тако теби намѣравао дати: то самь на даръ добыо іошть кадъ самь у Трессію монастиру было. Погледи Велимиръ; смотри на краю са златныма словима извезено: *Анђелія!* Тко ти є ово поклоніо отче! запыта Велимиръ. Ту самь исту я венчао у Врбицы нѣкога Драгутина кћеръ. О! то є была красота девойка, да іой се пара може быти у цѣлой Сербіи, у оно време, наћи ніе могло. О! то є гиздава девойка была! Та валя да ћешъ ты знати! *Драгутинъ Дринчанинъ* зваосе, будући да є се одъ Дрине у Врбицу доселіо. Онъ є морао давно умрети, зашто є већъ старъ човекъ было, но имао є два сына: *Видака* и *Димитрія*. Были су онда младићи тако твогъ доба; а Анђелія имъ є та иста была сестра найстарія.

Велимиръ. А за кога се она удала, можешъ ли знати? Вѣруй ми сынко! да се не могу опоменути, єръ има тому већь 20 година скоро.

Велимиръ. Но да є Драгутина Дринянина кћи, то за цело знашъ?

Отацъ Єремія. О! да! како небы знао. Онъ є био мой искренный пріятель, шта самъ га съ њиме Космайскогъ винца, у нѣговомъ дому, попіо. . Велимиру ударе сузе на очи; онъ полюби извезено на убрусу име. О! отче! шта ми каза? Та ово є роћена моя мати, кою си ты, како кажешъ, венчао! Драгутинъ є био мой деда. Онъ є умро давно. Видакъ и Димитріе, то су мои роћени уяцы, и моя мати роћена њіова сестра. О! сладке руке! исподъ коій є прстію ово дѣло изишло! Оћу ли кадъ васъ полюбити? Оће ли кадъ оне изгублѣна сына загрлити!

Отацъ Єремія. Иди човече! не говори! и ты си Анћеліинъ сынъ?

Велимиръ съ плачемъ пресѣцаше му бесѣду: я нѣнъ роћеный сынъ, имамъ іоштъ єдногъ брата, две године одъ мене старієгъ.

Отацъ Єремія. Е! гледай ты садъ! Тко бы се тому надао? — А заиста сасвимъ нѣнъ ликъ, нѣне очи и исте черте на лицу! — О чуда! Седи, тако ти Бога! Я самъ се много путій каніо, да те за те люде запытамъ, пакъ све сметемъ съ ума. Хмъ! Хмъ! Хмъ! Како се твой отацъ звао?

Велимиръ. Мой отацъ зваосе Богосавъ Вукашиновићъ.

Међу тимъ зазвони у трапезарію; пођу ручати, и Велимиръ рекне старцу: хвала ти отче! на овомъ дару, кои є мени одъ свакогъ драгоцѣнићій-шій на свѣту. Я ћу се съ њимъ у мѣсто оне, коя га є везла, утѣшавати. . При ручку догодесе

одъ нѣкудъ два госта одъ мирски людій, кои су были сасвимъ непознати. Одъ овы єданъ се Велимиру врло чудноватый и особитый нѣкій човекъ учини. Онъ при трапези непрестано на нѣга мотраше, црна люда велика; тиха и любомудрена погледа! Овай по ручку замоли Велимира, да му исходатайствує єдну изъ цркве поскурицу. Велимиръ то учини, донесе му, а онъ нѣму извади два дуката. Велимиръ нехоћаше узети, али онъ му силомъ у џепъ метне. После тога захвали отцыма калуђерима на дочеку, опрости се, и са своимъ другомъ оде. Велимиръ пыта потомъ своґъ учителя, какви су то люди и одкуда су. А Богъ бы ій знао, одвѣшта учитель; кажу се, да су съ галіе ту негди у Архипелагу. Онай є єданъ метуо у тасъ петъ дуката. Незнамъ, или су матрози, или башъ морске пустаіе.

По нѣкомъ времену поруче изъ Србске Лавре по Господина Теофила, и овый тамо оде. . Велимиръ є давно желіо прохлађеня ради, на море Архипелагъ, изиђи, кое одатле далеко ніе было, узмесе съ єднымъ своимъ соученикомъ порано, и упутесе управъ къ мору. Онъ се наслађаваше съ красотомъ єстества, чрезъ овай красный предѣлъ. Садъ узъ какво брдашце пењашесе, садъ по између планина крозъ шуму и веселе лугове гди гди преко зелены, польскимъ цвећемъ испараны ливада ињаше, пѣсне птичица одъ сви страна съ умиленіемъ слушаше, и єдва къ мору єданпутъ доћи чекаше, а предвидити не могаше, какву му сада несчастна судбина мрежу предъ ноге застираше. Доће са своимъ другомъ, стане на брегъ, и съ удивленіемъ гледи пространно море; опоменесе свое любезне, съ коіомъ є се на црномъ мору ра-

стао быо. Чиняше му се на нѣкій начинъ, као да ће овде ону исту галію, у коіой є она однешена была, усмотрити. Приступи ближе, седне на єдну надъ само море узвышену одъ камена главицу, узме кньигу, кою є понео, и за позабавити своє мысли, начне ю читати. Тихи зефири съ мора часъ на часъ веяху и нѣга прохлађаваху. Другъ нѣговъ удалисе мало на страну, препнесе са сикирицомъ на єдно новысоко дрво и стане дуплю, у кою є птице улетати видіо, разсецати, и младе птичиће вадити. Кадъ, на єданпутъ три човека оружана, изиђу предъ Велимира! окрену на нѣга пушке, и предайсе! повикну! Велимира садъ мртвый зной, одъ страха попадне! Тко сте вы? запыта. Єданъ на то: непытай тко смо, но тепайсе доле у чамацъ! Другъ му се на дрвету уталожи, и нѣга неупазе; а Велимира у чамацъ, у комъ іоште четворица сеђаху, одвуку! Поглаваръ овы, здравъ човекъ и младъ, заповеди троицы наполѣ изиђи, и пошлѣ ій некудъ сувымъ, а нѣи четворица съ Велимиромъ лате весла, и почну бѣсно море колебати, да се све пена око чамца диже. . Велимиръ веляше у себи: већь видимъ да ми се само єстество противи, већь познаємъ, да за друго на овай свѣтъ нисамъ ни рођенъ но да се патимъ! одсадъ болѣмъ се нећу ни надати, одсадъ лажльивой надежди моіой нећу веровати! Признаємъ, да ме є судбина моя іоште на рођеню момъ горестной печали предала, и сваке овогъ свѣта радости лишила! Чему се дакле имамъ надати? шта ли очекивати? Єдна само моя невиностъ, єдна непорочностъ за утѣху ми іоштъ служи! Ова ме оставити неће! Ова ће ме устопце, макаръ у каквой погибели быо, слѣдовати! Само ми є жао садъ оны божественны людій, кои ће мене ради за несчастіе моє на срдцу собо-

лѣзновати. Воліо бы, да ій баремъ нисамь, нити они мене познали! — Ово размышляваюћи, клоне као красный цвѣтъ, кога сунчани зрацы сасвимъ препеку; ударе му сузе на очи; почути унило, и негледаше на море, нити куда иде. Затимъ презне духомъ, дође къ себи, и мужественно рекне: Ахъ! та нећу скорбити, ни малодушествовати, макаръ знао таки у пучину овде морску низвргнутъ быти! Совѣсть мени моя сведочи, да самь невинъ, и да нисамь ово, што трпимъ, заслужіо; а разумъ ми каже, да има Богъ, и да є онъ правъ. О! ова є довольна за мене утѣха! Доброгъ могъ отца Радослава, и сладкогъ учителя Теофила, коій рѣчи као да ми и садъ у ушима звече, очу совѣтима слѣдовати, хоћу ньіова разумна поученія, колико могу, на добро мое употреблявати! — О небо! Буди твоя у свему воля! Я незнамъ, зашто се молити имамъ? шта ли є промысао твоя за мене опредѣлила? Но само тврдо се завѣштавамъ, да ћу се трудити, до последнѣгъ издисая могъ, добродѣтеланъ быти! А у осталомъ о мени како ты уредишъ, о Боже! я ћу съ добромъ вольомъ, безъ найманѣгъ роптаня, пріимити. Я вѣруємъ, да макаръ у какве погибели падао, безъ твое волѣ умрети нећу; а гди буде твоя воля да умремъ, пріими духъ мой и упокои га у безконечной той вѣчности, за кою се садъ овако и пати! — О! доћи ће време, доћи ће часъ онай, кадъ ће се ова тавница, у коіой се печална, али благосовѣстна душа моя претворена налази, разрушити, и она ће онда као чиста голубица къ Вышнѣмъ узлетити, и сва ова коя овде патимъ у єданпутъ избѣгнути! Тамо ћу я у радости гледати оне, за коима садъ овде плачемъ. Путуюћи тако предъ саму ноћь стигну у нѣку малу адицу, гди су овіи галію, и до єдно 20

момака своѓъ дружства имали. Они су се међу собомъ разнымъ єзыкомъ разговарали, турски, грчески, ерменски, а нѣкіи су знали и бугарски. Єданъ одъ ньій приступи Велимиру, осменесе на нѣга, стисне му руку, и тихо: не бойсе Велимире, рекне му.

Велимиръ нѣга непознаваюћи чудисе тко бы то быо! Вечера є была готова, и чекали су своѓъ арамбашу. Мало потомъ овай доће и заповѣди имъ, да изнесу вечеру наполѣ на зелену траву. На три мѣста прострли су по трави ћилиме и сѣли су вечерати. По вечери старѣшина оправи нѣке у островъ иѣи, а нѣкимъ заповѣди да стражу кодъ галіє чуваю. Велимиръ у галію легне и заспи. У нѣко доба ноћи презне на нѣку вику, истрчи на полѣ, види да галія водомъ хитро плови, а острова нема! Момцы већь посустали, єдва рукама мицаху; сви сбунѣни наглесе што болѣ могу. Погода бяше тиха, но време облачно, ништа се невиди. Старешина лютисе, и на момке, да болѣ возу виче. . На єданпутъ рикне топъ острагу на нѣи! Велимиръ на гласъ погледи, и усмотри нѣку съ упалѣнымъ машалама галію, коя се за ньима пашташе. . Она бяше доста подалеко, но за тилый часъ ове достигне. Овіи свою галію мало на страну обрате, и три топа на ону избаце. На то учинисе велика ларма и топови съ обе стране почну громовито пуцати; найпосле галія о галію тако удари, да се чиняше обадве у комаде одоше! трипутъ су великій паламаръ на ону, за уздржати ю, бацыли; но они имъ сва три путъ паламаръ одбаце. Затимъ проспе и єдна страна и друга пушке. Велимиръ брзо побѣгне унутра, и себе у найдолню галіє часть склони. На єданпутъ чуе, да они

турски вичу „предайте се и вратите намъ роблѣ и све што сте однели, пакъ се ништа небойте!“ Њіова є галія много већа и тврђа была, али су людій манѣ, него ови имали. Арамбаша на момке повикне: но юнацы! хоћемо ли се предати? Нѣкіи вичу, да се предамо, нѣкіи на противъ ни подъ кои начинъ. У овомъ међу њима препираню они по другій путъ съ галіомъ на ову тако ударе, да ю съ єдне стране разбію, и вода унутра покуля. Они се садъ збуне, притрче и съ хальинама са себе яму заправляти почну, во всує! најпосле принуђени буду предатисе, дайте намъ, повичу на све, нашегъ Капетана и трговце, кое сте одвели. Овіи имъ изведу четири човека са свезатымъ наопако рукама, тада Велимиръ изъ разговора њіова дозна, да су они, кое є арамбаша у вече іоштъ у островъ послао био, ту исту ноћь тогъ галіе Капетана, и три трговца негди ухватили и довели были, и зато є потера за њима ударила. Ову четворицу ослободе, и на галію ій узму. Одъ пустаія нѣкіи су овде пали и раана рибама учинили се, нѣкіи пакъ, докъ се ови у разговору позабаве, сѣли у чамацъ, и побѣгли, само њій седамъ съ арамбашомъ заостало бяше, кое садъ повежу и у свою галію одвуку. Пытаю Велимира, тко є и одкуда є; каже имъ одкуда є, и гди су га заробили были. Сожалую о нѣму, узму га у галію, и ублаже да се одъ сада ништа небои. Затимъ покупе све што су нашли, пакъ имъ галію празну и разбієну оставе, а себи мореплаваніе предузму, ветаръ су благопоспѣшный имали, и мирно су путовали. У овомъ є єдномъ Велимиру срећа послужила, да ярость Нептуна нигди іоштъ трпіо ніе. Кадъ сване, гледи пустаіе, алъ му нема оногъ, кои му се у вече пріятельски явіо, и као познатъ нѣму

рекао: небойсе Велимире ништа! Садъ за коимъ Велимиръ непрестанно мысляше, тко бы то было, кои є нѣгово име знао. . Петый данъ усмотре тврду землю, коя є равна, нити се што виђаше, да морску воду надвышує. Одкуда на єданпутъ укаже имъ се и вода бела, коя се одъ морске издалека разликоваше. Рекне єданъ Велимиру: Ово є *Нилъ*, она знаменита рѣка, коя преко средъ Египетскогъ царства протиче, нѣга кваси и плодна твори: она у горама Хабесинскима извире, и другу именомъ *Нувіа* у зачелю горнѣгъ Египта у себе пріима, и тако цѣлый Египетъ посреди пресѣца, и у средиземно море сливасе. Ово є Египетъ што се види, ако си кадъ за нѣга чуо. Овде киша само у горньой части Египта кадшто мало или башъ нимало преко цѣле године непада. Али овай у киши недостатакъ благодатно єстество у наращтенію Нила, и излитію мора допунява. Египетъ є будући раванъ; Нилъ овай сваке године одъ полакъ Августа до конца Октоврія одъ киша, коє у Хабесинскима горама падаю, тако нарасти, да га свега поліе, накваси, и плодоносна сотвори. Ту су жетве жита изобилне, особито пиринча, прекрасна лана, шафрана, свиле, шећера, до излишности. Ту іоштъ расти и папиръ дрвце, имаду нѣке изряднѣйше палме, меда и марве свакогъ рода. Земля прекрасна и благословена. Жители на ньой свака блага уживаю, но подъ худымъ управленіемъ Паша, кои међу собомъ у несогласію и у непрестанномъ боренію бываю, често се узнемирую. .

Ты ћешъ видити, продужи рѣчь, садъ, кадъ у Нилъ упливамо, каква є то земля, какве красне вароши и богате трговине, коє, може быти іоштъ

никди видіо ниси! Предъ само подне стигну у островъ *Богасъ*, и одавде увезусе у Нилъ. Велимиръ восхићенъ садъ красотомъ ове плодоносне землѣ позаборави тугу свою, и изчезну му сва она у єданъутъ претерплѣня, онъ осети веселѣ нѣко у себи. Онъ часъ на єдну часъ на другу Нила страну погледаше, незна, шта ће пре ту видити: чињаше му се да крозъ какву дивно насађену, и самомъ земномъ раю уподобљѣну башту пролазаше, кою безчислени поточићи у накрстъ пресецаху и ню орошаваху. Ни на єдну страну взоръ бацыти немогаше, да небы видіо богате градове, увеселителне польске домове; њиве, ков су сваке године златномъ жетвомъ покривене, весела стада са изобилномъ пашомъ ливаде покрила, пастирске фруле у тихомъ међу собомъ согласію ехо издаваху. Онде трудолюбиви землѣдѣлцы подъ сѣнама плодоносны дрва, уморене своє членове одмараху. Какови одтоцы воде, какове за свашто способности и сигурности художественно оправлѣне вињахусе! По варошима улице чисте, піяце простране, и по њима скакаюћи стакленовидни источницы; дивно у высину иззидани обелисцы и пирамиде, мраморне безчислене древны царева, мудраца и хероя штатуе, на све стране, као да ће проговорити: горда зданія одъ иляду година! нѣка порушена, а нѣка іоште у цѣлости видесе. Велимиръ уздане и у себи рекне: „О мила моя Сербіо! у теби овога нема, но зато си ты моєму срдцу наймилія, и найлюбезнія на цѣлому свѣту; ахъ! сладакъ є мени твой воздухъ, но Богъ зна, оћу ли я кадъ њимъ дисати.

Сутра данъ рано дођу у Розету. Варошь велика и лепа, поредъ Нила положена, безчислене

по води галіе, другу варошь изъ далека изображаваху, высоке катарке съ црвены баряцы, као каква шума, у очи падаху. Галіе нѣке подъ теретомъ едва се виђаху пловити, нѣке пакъ бреме изъ себе низложивше, као на крилы' поредъ овы' летяху. Топови ово одъ овудъ, ово одъ онудъ пуцаю. Множество людій свакога єзыка по брегу, єдни еспапе извлаче и у грдне магазе слажу, и њи изъ магаза у галіе товаре, и у дальне предѣле оправляю, нѣки узъ тамбуре певаю, нѣки се погађаю и новце брою. Ту су Турцы, ту Аравіяни, Евреи, а изъ многи мѣста и Христяни. „Ово є, рекне єданъ Велимиру, пристаниште, или низлогъ трговина међу Каиромъ и Александріомъ, овде се еспапи низлажу, и одавде се далѣ разносе.

Овіи су такођеръ нѣкій еспапъ имали, кои ту истоваривати почну. Они плѣнике своє подъ стражомъ у варошь оправе. Велимиръ овде неделю дана пребуде, и већь му се ово млоголюдно мѣсто омрази, гди є вика, лупа, и коєкакви мятежи, гди є раскошь, піянство и свако страстима служенѣ, онъ трпити немогаше, зажели кудъ удалитисе, єдно за провидити што и далѣ, друго потражити себи у коємъ простомъ и здравіемъ мѣсту какову службу, гди бы своє, коє мореплаваніемъ, коє страхомъ порушено здравлѣ поболшао, и тако захвали своимъ дружству, опростисе и оде. Путуюћи нѣкій данъ мысляше у себи, како ће се садъ одавде избавити, и натрагъ се у Архипелагъ повратити. Онъ проклиняше онай часъ, кадъ є на море у Аѳону изишао; уздишући рекне у себи: „Ахъ красный и спокойный мой животъ, кои самь я у светомъ ономъ мѣсту, и кодъ добры оны людій имао! Мене є небо може быти и зато опетъ казнило, што

я нисамь хотѣо моіой страсти одолѣти, нисамь знао оно счастіе, кое ми е оно дало было, уживати! Теофиле! Теофиле! премудре и свете твое рѣчи! Садъ су подпора момъ униломъ духу! оне ме іоште ободраваю. Могао самь я, веляше у себи, и при Радославу у блаженомъ ономъ мѣсту заостати; могао самь се я и при нѣму повседневно поучавати, а не овако садъ по свету патити се. Но, оле младости! оле неразумія моега! Тиха она пустиня была бы мени рай земный; я самь онде она блага имао, коя само невино и непорочно срдце уживати може; но бы и проѣе! „Онъ, овако у себи разговараюћисе, хиташе у нѣку варошь доспѣти; но тай данъ не може. Свратисе съ друма уморанъ подъ едно велико дрво, легне да преноћи. Исту ноћь сни, да е преко нѣке велике воде узацкимъ мостомъ прелазіо, и неизказаный страа, да непадне претрпіо. Коимъ кадъ преће, нађесе на нѣкой высокой гори, гди му се сунце краснѣйше появи, но текъ што га е осіяло, у облаке е таки заишло. За тимъ да е пукла на нѣга пушка, изъ кое тане онъ у руку ухвати, тане му се у чисту црвену птичицу претвори и одлети. . Онъ се іоште у оваковомъ сну бавляше, алъ пукну заиста нѣке пушке, на кои гласъ тргнесе, устане на ноге и погледи около себе, смотри не далеко нѣку Господу на бѣлымъ хатовима съ црвенымъ скерлетомъ покривены. Скерлетъ се чиняше, да бы свећу на нѣму упалити могао. Господа у зеленой кадифи обучена; на њима чалме съ бисеромъ и скупоценымъ каменѣмъ искићене спроћу сунца, кое се текъ родило бяше, блистахусе. Ньій бяше до двадесетъ особа, нѣкіи млади, а нѣкіи са седымъ брадама. Међ' коима и нѣколико женски лица на камилама сећаху, и поредъ ньи Арапи у мало про-

стіємъ одѣлу на конѣима седећи камиле подъ њима воћаху. Єданъ постаръ одъ Господе за њима на хату у тамбуру удара, а оне две тихо пѣваю. Нѣкіи пакъ напредъ конѣ утркую и пушке бацаю. Велимиръ поредъ друма мало у траву, докъ они прођоше, прелегне. Мало затимъ приспѣ у варошъ, коя мѣсто поредъ нѣкогъ великогъ канала занимаше. Садъ мотри, да бы ту оне путнике видіо, но нема ій. Четвртый данъ рано крене се одавде къ другой части Нила, коя на десно преко Делте у средиземно море, при Кастелу утиче, да бы ту прилику за Архипелагъ достати могао. . . Онъ путуюћи мысли своє о различнимъ забављаше стварма, онъ съ благоволеніємъ сэдъ на єдну садъ на другу страну погледаше, и съ красотомъ єстества себе увеселяваше. Овде равна поля, коя се прегледати немогаху, пшеницомъ покривена златесе. Зрели класови, зрномъ обтерећени, тихимъ ветрићемъ колебаюсе, и као таласи водени по њивама люляюсе. Онде дрва, коя су пролѣће, краснѣйшу часть године, цвѣтомъ увѣнчала и мирисомъ савъ воздухъ около себе испунявала, садъ доспѣлымъ плодомъ къ земльи савита, пріятнѣйшу одъ себе воню даю. Лимуни и поморанце, съ коій листъ већъ падаше, на голимъ гранама као восакъ жутесе; чиняхусе као да туже што ій онай покровъ, подъ коимъ су оне растиле и сазреле, садъ подъ ведрымъ небомъ оставля. Онде ябука, нѣке жуте као смиль, а нѣкимъ благодатна сунца топлота у єсенѣ време ружичну бою даваше. Крушака разногъ рода, нѣке на землю падаху, нѣке іошть себе на мѣсту, на комъ су цвѣтале, силомъ задржаху, као да не бяху раде на землю пасти, и истлѣнію се предати. Силна шљива, плоднѣйше одъ свію дрво, кудгодъ погледишъ, подъ тихимъ

овымъ небомъ плаветнисе, ниспустила до саме землѣ плодомъ отегоћене гране. Мало далѣ по едномъ нѣшто узвышеномъ брегу насаћени виногради. Грожђе на чокотима, хотя да є широко лишће, сакритисе, да се невиди, немогаше; нѣка зрна наспрамъ сунца стаклесе, нѣка пакъ, изъ коій водне оне частице єсеньій воздухъ изсисао бяше, смоштена и жута виђахусе, но у усти сладкій онай заоставшій сокъ съ нѣкимъ особитимъ одъ себе мирисомъ божественномъ нектару уподобляваше-се. . Сунце већь топлоту свою губити начиняше, лишће съ дрва спадаше, цѣла природа зелену ону са себе одежду полагано скидаше, лѣто изчезаваше, и правленіє своє надъ єстествомъ сестри своіой єсени уступаше, да ова стовари плодъ свой, докъ ніє сѣда и печална зима дошла. . Велимиръ забавляюћи мысли своє съ красотомъ природе, увеселяваюћи очи съ дивнымъ около себе предметима, и наслаћаваюћи се съ умилнымъ птица пѣсма-ма, време ни на умъ не узимаше. Данъ, кои му се изъ ютра похладанъ появіо, већь поугріє и нѣга разслаби, сунце му на найкраћой сенки подне указиваше; онъ хоћаше сести и одморити се, но у истой мысли падне му у очи нѣка лепа шума. Ова бяше поузвышена, и као зеленый вѣнацъ све равнине около себе увѣнчаваше; онъ похити тамо, доће, и уморанъ спустисе у любкій подъ єдномъ палмомъ ладъ, подъ коіомъ трава преко цѣле године зеленисе, ту се одмори и мало хлѣба поєде, пакъ узме кньигу, кою увекъ поредъ себе носаше, и текъ што начне читати, алъ чує друмомъ нѣкій говоръ и смей, бацы око, и види ону исту Господу, кою є пре три дана у путу гледао! сви онако као и найпре путую. Велимиръ имъ се и невештъ чиняше, они проћу своимъ путемъ и оду. На єданъ

саатъ по томъ дигнесе и онъ њима послѣдовати. Кадъ алъ єданъ Арапинъ острагу задуваосе у тамъ за њимъ трчи! Велимиръ презне, погледи на нѣга, разбарушенъ попао га пра, мете руку на ножъ, кои онъ за поясомъ носаше, мыслећи да ніе какавъ ванъ ума, єрбо се таковый быти вићаше. А овай ти намъ како дотрчи, любко осмеяваюћисе „проћоше ли овудъ какова Господа Велимире? упыта. Велимиръ се удиви, одкудъ овай нѣга зна! Єсу прошли, одговори. Давно? Има єданъ саатъ, рекне му. . Онда овай машисе у нѣдра, и извади єдну лепу црну бурмутицу, пакъ ю пружи Велимиру; на! рече; ово є твое. Велимиръ зачућенъ гледи и нехоћаше одма пріимити. Бре узми, рече му, шта се затежешъ! пакъ му бацы предъ нѣга на траву, и отрчи као на крилма ветренима. О! има шта и видити! у памуку єданъ лепъ златанъ прстенъ и дванаєстъ жуты дуката! Савъ одъ чуда претрне, и, као да му се цѣла шума около нѣга окрену, кадъ позна да є прстенъ нѣговъ, кои є нѣму любезна нѣгова дала, кадъ су првый путъ єдно другомъ любовь завѣштали, и за кои є онъ њой свой дао! Гледи, єли онай истый, самъ себи невѣруе! Два слова на нѣму *Б. О.* изрезана! нѣнъ заиста, говораше у себи! — Шта то може быти? — Одкудъ да овай мени нѣга данасъ донесе? — кадъ већъ толико време, како самъ га изгубіо!! — Опоминѣмъ се добро, кадъ ми га нѣко съ руке, кадъ самъ подъ онымъ дрветомъ заспао, скину! Хмъ! Оно є чудо было, што ми є на ономъ истомъ дрвету оно Оракулово изреченіе изрезано было, кадъ ми є и овогъ прстена съ руке нестало; а ово є садъ веће, да ми по толикомъ времену истый прстенъ у руке се донесе! Садъ съ єдне стране удивленіе, што се недоумѣваше о овой тайни, а съ

друге стране жалость, коя му се садъ понови, кадъ прстенъ види, мучаше га. Онъ се спусти на землю, и униваюћи у себи говораше! „Я незнамъ, шта се чини одъ мене, заиста морамъ се чудити! По толикомъ момъ страданю, садъ нѣка чуда на мени збываюсе! — Тко бы мени ово послао, одкуда ли то, да мене овде овай прстенъ наће? — Гди є Бугарска, а гди самъ я садъ! — Арапинъ да мени нѣга донесе! Іоштъ и оваке лепе новце! и одкудъ онъ моє име зна? Заиста чуданъ посао! — О Боже мой! Ударе му сузе на очи, погруженъ у жалости говораше: „Садъ ми се опетъ она у срдцу рана, кою є нешто време, а нешто моє, изъ мѣста у мѣсто, скитанѣ лечити почело, понови. Овай прстенъ образъ любезне моє у уму моєму живо садъ представля. — Я нѣга гледимъ. — Ахъ! ласкателна обмано! окомъ духа мога гледимъ, у уму те изображавамъ, и у срдцу те момъ на ново садъ осећамъ. Но о! мала є за мене ова утѣха. Она, као муня крозъ мою внутреность пролети, и као санъ ютреньій одма изчезне, и већу тугу мени за собомъ остави! — Но хвала Богу на свему! Тко зна, шта є счастіє моє за мене опредѣлило.“

Мете прстенъ на руку, а бурмутицу съ дукатима у џепъ, и предузме путъ за Арапиномъ. Онъ се усиляваше, да бы га стићи могао, но нигди. Онъ се љућаше, што одма за њимъ непохити. Говораше у себи: „я сну нисамь вѣровао, но садъ самь принуђенъ вѣровати му. Я самь ономадъ заиста чудно сніо, и ево ми се данасъ нешто таково случи, коє морамъ мыслити, да ми є санъ онай ово предсказао. Путуюћи тако приспѣ на Нилъ, и ту улучивши прилику на нѣку лађу, коя у Да-

міету полазаше, навезесе, и другій данъ стигне у Даміету, варошь поредъ Нила лепу и богату, коя велику трговину по мору, а особито у Сирію землю води. Овде є такође низлогъ трговина. Вече є было, кіе се смео одъ лађе кудъ у непознато мѣсто отиснути, принуђенъ буде ту преноћити. На пытанѣ нѣгово кажу му момцы, съ коима є у нѣко познанство ступіо био, да се ту прилика свакій данъ, на кою му драго страну, наћи може. Велимиръ науми управо у Кандію. Онъ съ дружствомъ у лађи то вече разговараюћисе, ето ти му одъ некудъ нѣкогъ на єдно око ћоравогъ Турчина, кои га салети себи у службу. Каже му да велику трговину води, и да ће га, ако се добро узвлада, за мало време срећна учинити. . Овай є био изъ Каира, знатнѣйша, такође поредъ Нила, града, кои на границы долнѣгъ Египта къ югу идући, положеніе занима. Велимиръ се на позванѣ нѣгово никако склонити неможе. Овога лађа изтоварена, сутра данъ праздна нѣкудъ полазаще. „Айде море, вели му, „та да само знашъ, каква є наша варошь, шта ли ћешъ тамо видити! — А никакву ти на свѣту послугу не захтевамъ, само да ми пишешъ, и рачуне водишъ!“ Велимиръ му найпосле рекне, да се онъ ни пошто на то рѣшити неможе: я самь, вели му, за Каиро добро чуо, да є варошъ лѣпа и велика, но да куга изъ нѣ слабо кадъ и избыва, и да онъ, кромѣ и другіи узрока ни зашто ніе радъ тамо ићи. Овай сатимъ запали лулу и оде. . Момцы у лађи легну одпочивати; было є већь поноћи превалило. Спустисе и самъ поредъ ватре, коя є се већь утушила была, спавати; алъ ето ти му єдногъ одъ момака; стакне мало ватру, и рекне Велимиру: „море не лези ту; нећешъ моћи целу ноћь одъ бува заспати! болѣ иди у собу,

ено ти креветъ празанъ.“ Велимиръ послуша и оде у собицу лађе, легне: но наиђу на нѣга нѣке мысли, нипошто заспати не може; кадъ алъ врата клоцну и као да нѣко у собу уђе, почусе. Подиђу га мрави! слуша далѣ, узме исподъ главе ножъ, и држећи у руцы чисто недисаше! Чує нѣко у помрчини шапутанѣ! Проће га садъ страа крозъ цѣлый животъ! Повикао бы, а несме, докъ на єданпутъ спопадну га двоица. Онъ сирома скочи съ кревета, и у страху, како є єдногъ за прси ухватіо, таки га є о патосъ поредъ кревета треснуо. Ополчисе изъ помрчине и другій, кога одъ себе тако тури, да є сирома главомъ о дуваръ лупіо, но задржисе на ногама, и полети ономъ; садъ притрчи трећій, кои є кодъ врата стояо, и уже, да Велимира вежу, у руцы држао! Но и овомъ є лоша срећа была, єрбо Велимиръ га некако ногомъ у трбу тако удари, да є се одма на землю прострео, и сотимъ врата ограби, повикне на дружство и искочи у чамацъ, кои є поредъ лађе везанъ быо, и изъ чамца избегне на брегъ, кадъ алъ на брегу онай истый ћоравый, кои га є у вече у службу звао, спроћу месечине укажесе! Онъ притрчи, да Велимира ухвати; но Велимиръ, хотя да є врло младъ, и тѣла іоштъ витка, ништа манѣ и овога порази, докъ му є руку на прси метуо, тако га є около себе заошіяо, да га є съ брега у воду баціо. Садъ се они сви троица около овога, да га изъ воде спасу, сбуне, а Велимиръ у варошь умакне и тамо се сакріє. . Даде свеблагому Творцу, кои га є у овомъ случаю милостиво заштитіо, топлѣйше срдца благодареніе, пакъ како се сване, предузме путъ, да га небы одкудъ ту тражили. Но књига му, съ коіомъ є увекъ време проводіо, у лађи остане! Ходећи мысли у себи, шта є се то

хтело съ њимъ збыти; найпосле падне на ту мысао, да є онай истый ћоравый послао био своє момке да га свежу, и у лађу њгову, коя є сутра данъ праздна полазила, однесу! да оно, што ніє могао лепымъ начиномъ, силомъ учини. . . Велимиръ тай данъ предъ саму ноћь стигне на средиземно море; утруђенъ а и гладанъ седне на брегъ, пакъ гледи неизмћримо море. Онъ желяше, да бы ту гди галію какву усмотрити могао, но всуе! Стави му се предъ очи спрамъ захођеня сунца нћка, не башъ далеко варошь, коя се чиняше, да на самой води стои. Гладанъ будући ишао бы тамо, но уморанъ не поуздасе у ноге. Сунце се лагано у море спушташе и тиха, но похладна ноћь наступаше. Онъ седећи старашесе, како ће ту ноћь у слабимъ альинама провести, куда ли се сутра зна окренути. Кадъ ал' укаже му се нћка на єдно две дужи њива, поредъ мора ватра! устане и упути се тамо; кадъ дође ближе, види около ватре, гди се нћколико людій наређало и вечераю! Стане и слуша изъ прекрайка њіовъ разговоръ, но разумћти ій немогаше. Осети га єдно псетанце, почне на нћга ћевкати, и потрчи утамъ къ нћму. На то га люди спазе и повикну на нћга. Онъ, неимаюћи кудкамо, дође къ њима. Єданъ измећу њи упыта га турски, одкуда є и шта ту тражи. На коє каже имъ, да є изъ Грецію, и да є съ нћкіи трговцы у Египетъ дошао, пакъ бы сада радъ натрагъ у отечество повратити се, но способну къ тому прилику нема. На то єданъ гречески окрене: „Ты бы си могао, вели му, изъ Кастела, ето недалеко варошь, поредъ мора, прилику какову трећити? Има галія, коє често у Цариградъ одлазе, и раану изъ Египта носе. . “ Посаде га поредъ ватре, даду му єсти и наточе му чашу лепога вина. Про-

дужаваюћи разговоръ каже му овай гречески, да є и онъ Христіянинъ, родомъ изъ Александріе. По томъ искаже му Велимиръ свою повѣсть, како є прошасту ноћь страдао. Овай сожалує о нѣму и обѣћа му се, да ће га сутра съ єднымъ одъ себе писмомъ у *Кастель* на нѣкога своґъ познатоґъ управити, увѣраваюћи га, да ће му онай прилику за Кандію наћи; како што сутра данъ и учини. Даде му писмо, изведе га на путъ, и покаже му варошь. Велимиръ му учтиво на пріятельству захвали, и за єдно два саата у варошь дође. Преда писмо, кому є надлежало. Овай га любезно при себи за петъ дана придржи, и потомъ на своіой галіи вознамѣри га у островъ *Родосъ* послати, одкуда увѣкъ, у коєму драго, у Архипелагъ мѣсто отиће могаше. Шестый данъ на развитку галія се крене. Она є различнымъ еспапомъ натоварена была. Дружства є было до 27 душа; међу коима и єданъ Господинъ са своіомъ Госпоіомъ, кои су прави Грцы изъ нѣке вароши у Родосу острову были. Господинъ овай човекъ постаръ бяше, власи му по глави на полакъ бѣле; иначе здравъ човекъ и разуманъ. Онъ упыта Велимира, гди є се родіо; и зачудисе, кадъ чує, да є чакъ изъ *Сербіе!* „Коя те сила, рекне, тако млада овамо дотера?“ Велимиръ на то, као мимогредъ, искаже му повѣсть свога страданя, како є заробљенъ и препродаватъ быо, како є побѣгао, како є найпосле у Атону одъ пустаія морски ухваћенъ и одведенъ быо, како є у Египетъ дошао и проча. Господинъ овай, искусивши нѣга, да онъ лепе науке притяжава, упустисе съ њимъ у разговоръ, и тако га возлюби, да безъ нѣга ни ручати ни вечерати ніе хотѣо. . Госпоя нѣгова такође здрава и повысока жена, около 40 година, но на лицу гледаюћи ю, рекао бы

ни двадесетъ и петъ іоштъ нема. Румена пуста, као пролѣтна ружица, очи прекрасне, пуне живости, стаса дична и величественна, а сву іой красоту бесѣда усугублявала; кадъ бы почела говорити, рекао бы, медъ іой изъ уста тече; къ нѣному изговора гласу присовокуплѣна є была мудрость и дивный бесѣде поредакъ. Она є у бесѣди и свако правило благопристойности наблюдавати знала. Она, кадъ бы о чему нибудъ рѣчь предузела, съ таковомъ бы точносћу мысли своє изражавати знала, да бы се мыслило, да изъ кньиге чита. Она є се у разговоръ, макаръ какве науке онъ быо, умѣшати могла. . Велимиру се учини, као да ништа нема, сврху чега она говорити небы знала; много путій самогъ мужа у разговору поправи, али учтиво. Она є историю єстественну и физику совршено морала знати, єрбо кадъ бы о овима слово предузела, рекао бы божество каково изъ нѣ говори! Велимиръ слушаюћи ю удивленѣмъ пораженъ, рекне у себи: „Боже мой! ово є права Минерва у смртномъ тѣлу. Валя да су све оне матере древны гречески мудраца оваке быле, те су на ономликій степенъ совршенства и мудрости попелисе были.“

Ходећи имъ, свадесе нешто међу собомъ момцы. Ова Госпоя то чує, приступи мирити ій. Она є тако о благонравію проповѣдати знала, да нитко небы рекао, да ніє гди философію, или науку краснорѣчія предавала.

Велимиръ ю найпосле за праву Богиню призна, и такво іой высокопочитаніє оддавати зачне; но о! непобѣдима єстества нашега сило! о непостижими закони нѣгови! Нема хероя, нема мудраца, нити какве човеческе силе, коя бы се законима

єстественнымъ непокорила. Буде кадъ и кадъ и ова побѣдитель, но выше путій побѣђена. — Красота младогъ Велимира, кои у ономъ степену возраста свога бяше, кадъ на нѣму све прелести процвѣтаваху; къ овой благообразіє, учтивость, и сва проча благородна душевна свойства, съ коима се онъ красяше, восхите срдце *Маргарите* (предречене Госпоє) и она се у нѣга смртно залюби! — Она є тражила средства, любовь ову дубоко у срдцу своме затаити, но всуе! Нѣнъ высокъ разумъ ніе было у состоянію страсть ову побѣдити. Она, колико бы путій на нѣга погледала, ощутила бы, да іой се срдце у прсима узнемири. Колико бы путій онъ іой се изъ сыновнѣгъ почитанія къ руцы, да ю полюби, машіо, осетила бы да іой пламенъ любве чрезъ цѣлый животъ проће, и сва бы се запламтила, и несмеюћи любовь свою одкрити, паде у унинје, изгуби волю къ єлу и пићу, станесе губити! У овакомъ обстоятелству вознамѣри најпосле юноша тугу срдца свога обявити. Она се увѣри на нѣгову учтивость и човечество, да ю неће никому издати, и као паметанъ младићъ знати ће страсть ову извинити. Єданпутъ дакле, отишавшу Господину после ручка у капетанову собу на разговоръ, Велимиръ легне у соби нѣговой на креветъ и заспи. Она доће надъ нѣга, и съ благоволеніємъ гледи га, како тихо и спокойно спава, како є нѣгове пуне и гладке, као млекомъ наливене образе, чиста и невина крвь оруменила, како се на њима поразителна любкость разлива, и како му по наустницама, коє текъ што му се появиле бяху, зной, као росица одъ тихога дисаня, ударіо. Она лагано приступи, и полюби га. — Но у истый ма' почує свога мужа да иде, одступи, и као невешта, узме књигу и седне читати. . Кадъ се Ве-

лимиръ пробуди, она се любко на нѣга осмеяваюћи, упыта га, шта є сніо. Онъ іой каже, да онъ, кадъ спава, врло редко што снива. „То є знакъ здравля“ одговори она. Єданпутъ запыта га, єли се онъ кадгодъ залюбіо быо, и има ли какво о любови понятіе. На коє рѣчи Велимиръ се застиди, тихо уздане, пакъ превали на ню велике своє и красне, исподъ дуги и црны трепавица очи. „Зашто ме то пытате, молимъ Васъ? Еда ли сте што на мени таково примѣтити могли?“

Маргарита. „Наравно, да самъ примѣтила, зато те и пытамъ.“

Велимиръ. „Вы имате дакле проницателный духъ, кадъ сте могли у срдце моє провидити.“

Маргарита. „О! врло добро я знамъ, шта на нѣму лежи. Но зато ты мени можешъ сву твою тайну, као роћеной матери одкрити; єрбо я знамъ, шта є човекъ твога вѣка. Велимиръ ниспустіо очи долу, поћути. Онай, любезный мой! кои ніє силу любови искусіо, єдну велику частъ себе и люде іоште непознає. Ова страсть много намъ свѣта подає. — Ты се стидишъ мени твою тайну одкрити, а я бы се на твоє човечество поуздала, мою теби сказати; я похвалюємъ, што се ты предамномъ толико благоображавашъ; стидъ є краснѣйшій цвѣтъ на младомъ лицу; онъ є подобанъ опомъ мирису, кои одъ цвѣта исходи. Али признаємъ за нуждно, да ме о твоіой туги, кою самъ у теби, како реко, примѣтила, извѣстишъ. Єрбо какогодъ физическа болесть, тако исто и морална зарана лѣкарства потребує; пренебрегнута буди коя, съ временомъ се погибелнія учини. Ты зато твою нѣжность нећешъ повредити, нити сатимъ правило благонара-

вія преступити, што ћешъ мени, као єдной паметной жени, тайну твою изявити. Мы се овде философически и наравно разговарамо, а ты си єданъ паметанъ младићъ.“

Дотле, дотле ова съ Демостеновымъ своимъ краснорѣчіємъ искуси юношу, и онъ іой цѣлу повѣсть о своіой къ Босильки любови искаже и проповѣди! На кое му она рекне: „пакъ єси ли ты надежду већь, да ћешь ю икадъ видити, изгубіо?“

Велимиръ. О! сасвимъ.“

Маргарита. И іоштъ ти срдце ослобођено ніе?“

Велимиръ. Нити ће кадгодъ быти! — Я самь се тврдо и са заклетвомъ завѣштао, да сто година узживимъ, моє є срдце ньой, макаръ она гди была, песвећено, — мени друга нетреба, нити ћу се я игда са другомъ женити. Ове су рѣчи Госпою као муня крозъ срдце прошле! Она є само на нѣга повлачећи очи погледала; потомъ потайно у себи узданула. . Наша є любовь, продужи Велимиръ, „текъ процвѣтала была, и немилостивый ю српъ судбине наше покоси! Я самь много у любови претрпіо, а и сада трпимъ, но велимъ, благо онымъ залюблѣнымъ, кои любовь свою цѣломудрено и чисто проведу, као што самь я съ ньомъ у мало време, до разстанка нашега провео.“

Маргарита. „То особито похвалюємъ, ал' што велишъ, мени друга нетреба, нити ћу се я игда съ другомъ женити, хмъ! то се ты противъ закона єстественогъ по нѣкомъ начину ополчавашъ, но чувайсе (мало осмеяваюћисе) да непосрнешъ, ако оно согласно твоіой вольи ніе. — Можешъ се не женити, али цѣломудрено, и безъ сваке кадгодъ са женскимъ поломъ смѣсе, животъ провести, мо-

рао бы си путъ у Аравійске оне пустинѣ окренути, и тамо гди себи пештеру какву нађи, пакъ ту одъ свѣта одлученъ живити, а не ићи у Грецію, гди су жене и девойке такве, да ће таковогъ хероя съ єднымъ само погледомъ побѣдити.“

Велимиръ. (насмеєсе) „И зато башъ тамо идемъ, да ту моє хероичество покажемъ! Лагко є у пустиняма воздржаніе имати, али дайте вы мени таквогъ светца и воздржателя, кои ће посреди пространогъ свѣта светость свою сохранити.“

Маргарита. Е! добро — пакъ коя ти є полза одтуда, што се нећешъ нигда женити, и што ћешъ цѣломудрено, коє невѣруємъ, преживити?“

Велимиръ. „Тако оћу; на то имамъ волю, и томъ самъ завѣтъ учиніо, а што Вы невѣруєте да ћу я цѣломудрено преживити, ако ону, коіой самъ моє срдце поклоніо, ненађемъ, сатимъ доказуєте, да ово ніє мало дѣло, и зато се я веселимъ. — На свѣту нема већега, по момъ мнѣнію, за човека блага, одъ честне и непорочне совѣсти. — Ово є оваково сокровиште, коє му срдце до гроба ублажава, и коє га сладкомъ надеждомъ и преко гроба пита.“

Маргарита. „Већь ако ти само твоє єстество у томъ помаже.“ —

Велимиръ. Єстество мени ништа одрекло ніє, я самъ у цѣломъ момъ составу са свима онима, коя човека совршена чине, обдаренъ, нити самъ чега лишенъ. Но изъ саме чисте и искрене любови къ моіой хоћу ангелскій животъ мой на земльи да проведемъ. И самъ ми є Вышньій, кои свачіе срдце познає, свидѣтель, да самъ я до овога часа,

као одъ майке рођенъ, чистъ! Но оставимосе тога разговора, ето намъ Господинъ иде.“

То рекавшій изиђе наполѣ, и ню саму остави у соби. Она мысляше у себи: садъ шта знамъ чинити; овай младиѣь благородно у себи срдце има, но неудобосклонимо види ми се быти; у нѣму є духъ мужественный, онъ є чудно одъ нѣкогъ запоєнъ, али ништа, прокушаћу я опетъ моє счастіє, само, да єданпутъ дома доћемо. Онъ, ако буде сирома, говораше у себи, лако ће за рукомъ доћи; я ћу му се обећати, да ћу га срећна учиняти, само, да бы заостати хотѣо, но то ми ніе мило, што га нѣка симпатія у отечество вуче! Велимиръ съ галіе гледи широко море, и нестрпѣливо очекує, да му се острови и тврда земля єданпутъ появе. Онъ ни найманѣ о разговору съ Госпоіомъ немысляше, нити нѣно намѣреніе изъ рѣчій оны съ памећу досегнути могаше. Нѣгове се мысли само о томъ бавляу, како ће онъ изъ Родоса далѣ шествовати, како ће се паштити да бы до пролећа у отечество стигао, како ће родителѣ своє тражити, или ће се у Аѳонъ Теофилу найпре свратити, єдно да бы нѣга и старца Єремію видіо, а друго изъ мале нѣке надежде, да бы се што о Босильки извѣстити могао, єсу ли сирѣчь изъ Георгіе трговцы онііи што Теофилу одговорили. Међу тимъ изъ далека падну му у очи нѣкіи црни облацы, на кое Капетанъ одъ галіе повикне: „но хвала Богу! ено се види Родосъ! сутра ћемо зоромъ тамо стићи.“ Велимиръ се обрадує, „я самъ, вели, помысліо, да су оно облацы, а оно се планине црну, стрчи къ Госпои у собу, и каже іой: „Мамице! да видите планине, благо Вама, Вы сте сутра већъ у Вашемъ отечеству, алъ кадъ ћу я у момъ быти!“ Она на

нѣга бацы очи, и никакво движеніе у срдцу непокаже, изиђе и гледи, а ништа неговори. Велимиръ іой каже: „зашто сте невесели, да Вамъ ніе што зло?“ „Проћи ме се“ рекне му, пакъ се сиђе опетъ у собу. Велимиръ за њомъ уђе, и пыта ю, да се што на нѣга не срди.

Маргарита. „Срдимъ се на сама себе.“

Велимиръ. О! молимъ Васъ, заръ се може човекъ и на сама себе срдити?“

Маргарита. Те много путій!“ —

Велимиръ. „О Боже мой! кадъ бы требало, да сте найвеселіи, то се Вы невесели и безъ волѣ показуєте, а видите! како я, кои самъ толико одъ мога отечества удалѣнъ!

Другій данъ рано устане Велимиръ, обучесе, пакъ изиђе на галію, стане и гледи, како се одъ востока предъ исхођенѣ сунца небо пурпурно учинило, како зрацы нѣгови іоштъ исподъ хоризонта косо у Атмосфери облаке просецаю, и коєкаква изображенія очима представляю: овде као нѣке чрезвычайно высоке испупчилесе горе, онде лепе равнице и шуме, гдигди као нѣкогъ звѣра или подобіе и самогъ човека изобразую, овде боя бакарна, онде плаветникаста, гдигди жута и крвава. . Велимиръ сатимъ увеселяваюћисе, ето му Господина, запаліо лулу, доће и стане кодъ нѣга. Сунце текъ што є дивну главу свою надъ хоризонтъ дигло было. „Но! Велимире!“ рекне Господинъ, „видишъ, како се сунце чини; као да изъ мора исходи! о! како є то лепо гледати! садъ да си поета, имао бы си лепу матерію за стихове! Дедъ, бы ли што могао? „зашто небы,“ одговори Вели-

миръ. „Е, ал' я оћу одъ єданпутъ;“ „одъ єданпутъ, одъ єданпутъ,“ одговори Велимиръ, и овако почне:

„Багряношарна одъ востока заря
Се намъ вѣщаєтъ дневнаго царя
Иже исходитъ съ великолѣпіємъ
на хоризонту.

„Како вся звѣзди предъ ньимъ изчезаютъ!
Горди єго зрацы тму разгоняютъ,
Всю вселеную онъ занимаетъ,
вся одъ сна движетъ.

„Птицы по гори утреннуютъ съ пѣсанми,
Въ дубравахъ звѣри съ превелики слонми,
Риби и кити въ глубинахъ морскихъ
день ощущаютъ.

„Садъ землѣдѣлацъ съ одморними члени
Плугъ изгоняетъ на своя ньиви;
После покоя труди пріємля
зной съ чела таретъ.

„Всякій художникъ въ своєму дѣлу
Занимается, а пастири въ фрулу
Стадо по росной травицы слѣдуя
звукъ тихій даютъ.

„Коль єго лучи сутъ превиспренніи!
И досязаютъ ока въ магновеніи
Нашую землю, юже творятъ плодну
Теплотомъ своіомъ.

Господинъ. Но сынко! знашъ ли што! Ако се хоћешъ рѣшити, да кодъ насъ у Родосу заостанешъ, ево имашъ у мени отца! Я ћу се о твоіой срећи постарати.

Велимиръ. (са учтивосћу). Я Вамъ усрдно на любови Вашой Господине захвалуємъ; али остати врло бы се тежко рѣшити могао, будући да ме желя у отечество моє вуче.

Господинъ. „Е, отечество! — Некъ ти буде отечество оно, гди ти се срећа, да можешъ поштено живити, появи. Отечество є наше цѣо свѣтъ.“

Велимиръ. „Вы истину говорите, али одъ самога є єстества намъ у срдце усађено, да є намъ мѣсто роћеня миліе, него макаръ коє друго на свѣту. Скотъ є безсловесанъ, пакъ видимо да онамо тежи и иде, гди є се родіо; а камо ли човекъ, словесна и умна тварь! кои любовь къ сладкимъ родительима, и пріятельство сроднима и современимъ своимъ, съ коима є прву часть живота провео, чувствує и мысли.“

Господинъ. „Добро! али гди є твоє отечество, гди ли су ти твои родитељи? Тко зна, како кажешъ, єсу ли и живи.“

Велимиръ. „Можно, да ћу баръ одъ сродства кога годъ жива наћи.“

Господинъ. „Како стои та земля Сербія, гди си се ти родіо? Има ли ту какве трговине, и єли земля родна?

Велимиръ. Што се трговине тиче, немамъ шта толико похвалити; будући да є народъ подъ турскимъ зломъ пренебрегнутъ и запуштенъ, но земля є иначе изрядногъ у себи качества! Она свакій плодъ изобилно производи. Она лежи поредъ

Бугарске къ западу. Одъ запада граничи съ Босномъ и Херцеговиномъ, одъ юга съ Македоніомъ, а одъ сѣвера съ рѣкомъ Савомъ, коя ю дѣли одъ Срема. Преко нѣ тече Морава и многе друге манѣ воде. Сава одъ сѣверне стране при Бѣограду, знатномъ у томъ Кралѣвству граду, съ Дунавомъ се састае, и нѣку часть ове земль опасуюћи у црно се море слива. Она є на югу, и одъ юга, мало къ востоку, брдовита. У горама различите садржава руде, ков се не ископаваю. По ньой є свуда шума, као посађена, и гдигди тихо узвышени, и увеселителни холмићи, између кои прекрасне и плодоносне равнице, и са изобилномъ пашомъ леже дубраве. Воздухъ є у ньой чистъ и здравъ. Она има лепы ованца, говеда и много свиня, лепы коня, много зверя, особито дивльи свиня, пчела, и свакоякогъ рода, до излишности, воћа и винограда. . Жительи нѣни сами су Србльи, сви восточногъ вѣроисповѣданія. Народъ храбаръ, на свако дѣло хитаръ и способанъ, но много є пренебрегнутъ! Одкако су подъ турско подпали иго, непросвѣщтенъ и много суевѣранъ. Богъ бы се смиловао, да ій кадгодъ кои одъ оближньи христіянски царева избави, и подъ свое крило пріими. Сербія є се у прво време звала *Горня Миссія*; по томъ, кадъ є нашъ народъ, кои по свидѣтелству исторія одъ Яфета, наймлађетъ Ноева сына происходи, изъ Азіе, у време *Ираклія* Императора, у ту се землю поселіо, назовесе Сербія. Одкуда цѣлый народъ нашъ то име себи присвои и задржи. . Мы смо имали у прва времена, докъ ніе Турчинъ изъ Азіе у Европу нагрнуо, свое собствене Кралѣве и Деспоте, и съ првима се у Европи народима счисливали. Но будући како годъ што сва овогъ свѣта промѣни доцнеже, изгубе наши свою славу и про-

падну, као и многіи други народи, подъ махомеданскій ярамъ!“

Господинъ. „Я самъ у исторіяма налазіо, да є тай народъ у нѣко време врло храбаръ и у оружію славанъ быо! Они су много и съ грчески царевы воєвали. Пише за нѣкогъ *Милутина*, Краля вашегъ, да є грческогъ Императора у оно време тако надбіо, да є овай морао миръ одъ нѣга искати, и у залогъ мира єдинородну свою кћерь, именомъ *Симониду*, Милутину дати, кою потомъ Краль себи за жену узме. Но нѣкій *Стефанъ Душанъ* одъ свію є найсилніи у оно време быо. За нѣга пишу, да є цѣлый грческій Имперіумъ обвладао быо, и себе за Императора крунисати дао. Онъ є Кралѣвство своє много разпространіо быо. Я имамъ о томъ исторію, могу ти, докъ дома стигнемо, показати. Но како садъ тай народъ стои? ели све Турчинъ обвладао?“

Велимиръ. (уздане) „Све заиста, што су годъ имали, изгубе. И последныій нашъ *Георгіе Деспотъ* прѣње у Сремъ, и себе подъ милостивѣйшегъ Императора Римскогъ съ нѣкомъ часћу народа препоручи, а осталіи остану подъ Турчиномъ.“

Они овако у разговору време проводећи внезапу дигнесе буря! Море се тако бесно волновати почне, да се таласи на подобіе каквы планина учине! Они галію часъ горе, рекао бы у облакъ бацыше ю, дигну; а часъ у бездне, кое измећу ньи зіяю, тако низвргну, рекао бы о саму ће землю ударити, и тамо водомъ вѣчито се покрити! Овде страа великій претрпе; али буря ова ніе дуго траяла, време се утиша и проспесе киша. Сутрадань буду у Родосу, и у истый данъ порано іоште

стигну у варошь свою, коя одъ мора нешто удалѣна, подъ єдномъ планиномъ бяше. Варошь ова ніе тако велика, но врло лепа, и по вкусу естетическомъ сазидана виђашесе. Имађаше и єданъ великій монастиръ. Овай є Господинъ ту између првы быо; онъ є имао и грађанско нѣко на себи достоинство, и быо є Докторъ.

Велимиръ се при нѣму за нѣколико дана позадржи, и како годъ у родительскомъ дому, у любови и великомъ пріятельству поживи. Онъ намѣраваше кодъ њи време до пролеђа, кое се већь приближаваше, провести; али подозрѣвши Госпое худо съ њимъ намѣреніе, немогаше. — Нѣне ласкателне, изъ медоточны уста истичуће рѣчи, нѣно милостиво къ нѣму наклоненіе и велика обѣћања никаково дѣйствіе у срдцу овогъ юноше произвести нису могла. Онъ іой єданпутъ каже, да є она любведостойна, и да онъ ню са сыновњимъ почитаніемъ люби и чествуе, да є онъ у њой све добродѣтељи съ высокимъ разумомъ сачетане признао, и да се чуди, одкуда се у њой таково нешто худо, коему се онъ за животъ склонити неможе, появи. Она є на то узданула и рекла: „Любезный сыне мой! Ты іошть немашъ право о човеку понятіе. Мы можемо насъ съ добрымъ наукама до великогъ совршенства довести, съ њима наше срдце облагонаравити, духъ, или ти разумъ, увеличати и просветити, да онъ управъ познае, шта є красно, шта є благопріятно и шта є оно, у чему наше право блаженство быти видисе, сирѣчь добродѣтель; ништа манѣ при свему тому мы се нигда неможемо, докъ смо у овомъ на земльи тѣлу, до таковога совршенства довести, да се у нама какова нибудъ слабость и погрѣшка кадгодъ

непояви! Ты се чудишъ, да си у мени, єдной жени, ову быти примѣтіо, а не чудишсе, што се найславніи не свѣту люди ове страсти избавити нису могли! Я мою слабость, продужи, признаємъ; мой разумъ мени у совѣсти моіой говори, и живомъ боіомъ ми страстъ ову, каква є ружна, описує; но всує! Пристрастна воля противъ нѣга воює, и као да право нѣко своє захтевати има, да іой разумъ кадшто, као соцарственицы у єдномъ предѣлу, то єсть тѣлу, мало попусти и дозволи. А чрезъ ова-кова, мой Велимире! човекъ у болѣ чувство дооди; болѣ себе познавати учи, и сатимъ къ савршенству приспѣва. Извини дакле мою погрѣшку разумомъ, и добротомъ твоіомъ! Опомениисе да си и самъ любіо! знай, да ніє моє съ тобомъ намѣреніє крайнѣгъ осуѣеня было. Я самъ истина мыслила, и желила, да ты кодъ насъ останешъ, и была самъ у надежди, да ће моє срдце оне пріятности, коє є у теби нашло, уживати; да ћу се я съ тобомъ любови, али непорочне, наслађавати, съ тобомъ се дичити, и ты кодъ мене свака блага изобиловати; но видимъ, да самъ у надежди преварена! — Може быти, да ћешъ се ты люто каяти, што садъ ону срећу одбацуешъ, кою другіи съ великимъ трудомъ и редко находе, и коя тебе у твомъ отечеству, знамъ, нечека; али касно разкаяніе, већа жалость.

Велимиръ пресѣче молчаніе: Све є то истина! и не само да мене такова срећа може быти, као што кажете, у момъ отечеству нечека, но іошште Богъ зна, каква ме зла, докъ донде дођемъ, чекаю! Али, велимъ, я самъ се патньи привикао, и о! колико є лакше бѣдства, по претрпѣню многому сносити! Но простите Вы мени, добра моя

мати! и милостива благодѣтельнице! Простите, и у мѣсто гнѣва благословите оногъ, кога сте любили, и кому сте довольно добра сотворили! При томъ полюби ю, и рекне: вѣруйте мамице! момъ искреномъ срдцу, да докъ самь живъ, буди гди было, нећу на Васъ заборавити. Она гледи на нѣга, како іой умилно говори, како іой се учтиво поклони, како се любко на ню осмеява и како му лепе очи већь у сузи пливати починю; ударе и ньой сузе, пригрли га съ неисказаномъ милошћу къ прсима своима, и полюби: иди! Богъ да ти срећанъ путъ даруе. Желимъ, да те твоя родительница скорымъ временомъ у обятіяма своима види; да ій живе и на миру све нађешъ и застанешъ. Иди! я остаемъ за тобомъ сѣтовати. Сатимъ спустисе на креветъ, и остане плачући. Велимиръ изиће и смотри Господина у башти, захвали му на свему, и опростисе. Овай му извади изъ џепа неколико дуката на путъ. . Текъ што се онъ изъ вароши на єдно два саата удали, алъ ето му єдногъ човека за ньимъ, носи торбу на леђи; єси ли ты Велимиръ? упыта га; кои си кодъ Господина Христифора Теодорита было. Єсамъ, одговори Велимиръ, и зашто? Госпоя нѣгова, вели, поздравила те любезно и послала ти овай даръ; она ти є была преправила на путъ, но заборавила, жели ти по иляду путій срећанъ путъ. Велимиръ узме торбу, захвали и човека одпусти: погледа унутра, алъ два пара лепы новы кошуля, нѣколико марама, єданъ златанъ саатъ, два колача, у єдномъ папирићу десетъ дуката, и єдна врло лепа, на еллинске стихове кньига, коя є савъ осталый даръ нѣму удвоявала. Онъ уздане и у срдцу свомъ благодарность почувствуе къ Богу, кои му странствующу оваковымъ начиномъ чрезъ добре люде благопоспѣша-

ва. . Тай данъ дође къ нѣкимъ, поредъ мора магазинима, кои не далеко одъ єдне вароши вићахусе. Одавде две галіе, ту стоварене, праздне у островъ *Косъ* полазаху; на кое се Велимиръ навезе, и у овай островъ дође. Они съ галіомъ неприступе къ вароши нѣкой, коя се близу поредъ мора вићаше, но зауставе се поредъ брега спрама єдне шуме. Изиђу сви на брегъ, и као полупіяни одъ мореплаванія, разговараюћисе међу собомъ, како имъ се чини, да се земля подъ њима гибка, и као да се миче и иде. Алъ ето ти єдногъ изъ галіе, гди се найпосле извуче! Зачудисе Велимиръ, кадъ га види, одкудъ овай садъ опетъ овде! Опомене-се да га є іоштъ у Египту видіо, и по томъ у Родосу, да га є истимъ начиномъ, кадъ су изъ галіе излазили, спазіо, а цѣлымъ моремъ ни єданпутъ се међ' дружствомъ указао ніе! Човекъ среднѣгъ возраста, около 45 година вѣкомъ, мало кудраве косе, и оштрогъ погледа, у лицу врло ружанъ, одъ богиња савъ рапавъ, носа дугогъ и сувогъ. Алъине на нѣму старе, но не сасвимъ просте, онъ се чињаше меланхолическогъ темперамента быти, єрбо одъ дружства све се удаляваше, ни съ кимъ неговораше, замышлѣнъ стане мало на страну. Велимиръ хоћаше му приступити, и штогодъ проговорити, ал' се неусуди. Овай примѣти волю нѣгову, и самъ му се яви: Велимире! ако те не мрзи, рече, айдемо у ту варошь у цркву! ніе далеко, а данасъ є света неделя. Онъ є ово гречески чисто изговоріо.

Велимиръ. Айде! небранимъ, но молимъ, како є име твое? Овай на нѣга превали очи, а заръ ми ни име незнашъ? Мени є име *Критонъ*. Велимиръ. Одкута бы те знао, кадъ те цѣлымъ мо-

ремъ, одкако путуємо, нисамъ видіо, докъ ниси садъ изъ галіе изишао; морао си вальда гди у будаку за све време спавати, шта ли си радіо, кадъ се съ осталыма указивао ниси; но ако ме очи невараю, чини ми се, да смо іошть у Египту заедно были.

Критонъ. Заиста смо были! и по тому у Родосъ заедно дошли: но моя є наравь таква, да я немилуємъ съ людма, кое добро непознаємъ, у разговоре ступати. А разсуди и самъ, какви су матрози. — Ходећи имъ тако сретне ій єданъ момакъ одъ галіе, кои се већь изъ вароши вратіо бяше, пакъ се осмене на Критона, и рекне: „Море чувайсе, да се коя у вароши не залюби у тебе! На кое овай изврати очи на нѣга: „шибе, не режи, кадъ ти на репъ нестаємъ!“ Е, видишъ брате! поганіе; зато се я ныій клонимъ, рекне Велимиру, тако су ме ономадъ у вече напакостили, кадъ си ты спавао. Међу тимъ дођу у варошь, и управо у цркву оду. Кадъ одстое свету службу, и изиђу наполѣ, трговацъ нѣкій позове ій обоицу на ручакъ. При ручку Велимиръ се съ осталымъ при столу разговара, а овай све ћути, пакъ єде, као да никогъ ту и нема. Рекне домаћинъ Велимиру: „Зашто се твой другъ неразговара, но све ћути?“ „Има право (осмеяваюћисе), одговори Велимиръ, онъ се философически влада; философи и на другомъ мѣсту слабо говоре, а при єлу ни мало, єрбо се боє, да неостану гладни. . Међу тимъ у разговору нешто дође Велимиру рећи, као што наши у пословицы кажу: „волимъ данасъ печена врабца, него сутра найлепшега зеца.“ У истый паръ овай, како є было чашу къ устма да піе, принео, прсне съ виномъ. То се да и прочима на смей. Вели-

миръ погледи на нѣга, чему се смеяти има. Домаћинъ пыта, шта то значи, што є рекао; мора быти, вели, нешто смешно. Велимиръ каже шта значи, и да ніє ништа смешно, но чудимсе, рече, шта се има смеяти, кадъ ніе ни разумео, шта самъ я рекао. Онда овай окрене србски: како се не бы смеяо, кадъ некажешъ пословицу, као што Србльи кажу. Не веле ли они: „волимъ данасъ печена врабца, него сутра дроплю.“ Одкуда ти зецъ у паметъ доће? или си хтео одъ пословице стихъ направити.

Велимиръ. (са удивленѣмъ). О, частный те крстъ убіо! Та ты си ћаво! Тко бы се надао, да ты србски знашъ.

Критонъ. То ніе никакво чудо.

Велимиръ. Заиста є чудо.

Критонъ. Іоштъ треба найпре да знашъ, што є то чудо, и може ли оно одъ людій быти.

Велимиръ. Е! ако ћемо се мы метафизически разговарати, то ни я невѣруємъ, но моя є рѣчь другогъ смысла.

Критонъ. Невѣруєшъ? Я ћу ти показати, да ћешъ вѣровати.

Велимиръ. Инди ты себи противословишъ.

Критонъ. Не! я само пробирамъ такве младе философе.

Велимиръ. Дакле има чудо на свѣту?

Критонъ. Има! да како.

Велимиръ. А можешъ ты мени то показати?

Критонъ. Я самь познавао човека, кои ми є такве тайне, коє самь я у мени имао, све исказао.

Велимиръ. Я бы радъ тога човека видити, бы ли онъ знао моє тайне исказати?

Критонъ. Ха! ха! ха! Онда бы си и нѣму рекао, да є ђаво.

Велимиръ. А молимъ те, одкуда ты српски научи, и гди си се родіо?

Критонъ. Опетъ онъ! Одкудъ српски научи; толикій народъ Српскій просутъ по свѣту, пакъ да я, кои се одъ детинства ковкудъ скитамъ, нѣовъ єзыкъ не научимъ! Велимиръ слегне раменима, пакъ окрене съ домаћиномъ другій разговоръ; а овай ти намъ устане, пакъ ни съ Богомъ остайте! оде. Велимиръ и осталіи мысляху да є онъ изишао мало на полѣ, но овай се више неповрати. Устане и Велимиръ, захвали на дочеку, опростисе и оде къ галіи. Пыта за нѣга, нема га! Тражи га по галіи, нигди ни гласа ни трага! Отишао є тай већъ, рекне єданъ. Синоћь га, вели, они ђаволи разсрдише; шалили се ту коєшта съ нѣимъ, а онъ се разсрди, пакъ оде чакъ у онай буџакъ, те леже. На то другій: та нисамъ му ништа друго рекао, само самъ га запытао, єли кадгодъ у животу милостницу имао. Велимиръ, смеюћисе, ала сте и вы врагови, рекне имъ; тужіо ми се сирома, да сте га и ономадъ у вече напаствовали. Е, ономадъ! зна онъ, шта є ономадъ, шта ли є юче, рекне єданъ; та до синоћь нитко за нѣга ніе ни знао, гди є быо. Синоћь, вели, седимъ я у куйни поредъ ватре самъ, ал' почу, гди се нешто у буџаку мешколи! Кои є врагъ! мыслимъ у себи; кадъ оно се одиже, пакъ управъ мени! подиђу ме мрави, и у страху повичемъ, тко си; а онъ мени: „не вичи! вели, видишъ, да самъ я, као да бы я нѣга позна-

вао. Дође, и седе поредъ ватре, стои му коса разбарушена, а очи му се набуриле, као да є исподъ каце ия вадіо. Седи поредъ ватре, и све часъ по часъ миголи съ раменима, пакъ кадъ што учини но! — но! Пытамъ га, шта му є. Каже, да му недаду мира. — Кукавацъ, Богъ зна, кадъ є се преобукао.

Велимиръ. Колико вы нѣга гледате, да сте га чули, како се самномъ при ручку препирао, и како философически говори.

Момцы. Быће то одъ нѣга! На то другій: та за кога се то разговарате, за оногъ рапавогъ? Та онъ мало пре узе торбу, и нѣке књиге, кое є изъ вароши донео, мету у ню, пакъ некудъ преко шуме оде. . Я му велимъ, куда идешъ, а онъ ћути пустый, као да є оловомъ заливенъ, ни рѣчи ми не одговори: Иди, мыслимъ у себи, онда те видіо, кадъ и моя леђа. Но штета, могасмо се іоштъ съ ньимъ насмеяти.

Велимиръ. Све на страну, но одкудъ онъ зна србски? Я самъ се зачудіо, кадъ самъ га при трапези говорити чуо.

Момцы. Како небы знао? кадъ є то протува светска; кудъ тай ніе прошао. Каже синоћь, како є быо у Цариграду, и іоштъ онамо далѣ коекудъ. . Велимиръ жаляше, што му се тако измаче, те га неиспыта, куда є ходіо, и гди є се родіо. Четвртый данъ одавде кренусе, и у островъ *Самъ*, да ту нѣко марморно каменѣ и вино товаре, поћу. Велимиръ є съ овымъ дружствомъ врло лепо путовао; онъ є се знао съ ньима паметно обходити, и у разговору ньима мало снисходити; и они су нѣга сви любили и за паметна младића почитова-

ли. По нѣколико дана около полноћи стигну у предреченный островъ. Сутра данъ Велимиръ разуме, да ће се они ту подуго бавити; опростисе съ њима, и оде у нѣку варошь. Изиђе на велику градску піяцу, гледи множество народа„ гди се єдно мимо друго тиска, и што кому треба, купує. Случайно пође поредъ нѣке велике и стародревне цркве: чує у њой дивно пѣніє; свратисе изъ любопытства, да види, како є у нутри. Кадъ тамо, алъ онай рапавый стао съ леве стране предъ олтаромъ! Велимиръ погледа на нѣга, но онъ се удивіо, стои, и никуда се неокреће. Намысли пазити на нѣга, докъ се служба сврши, врло желяше съ њимъ састатисе. Овай човекъ, мысляше Велимиръ у себи, као да се погодіо, свудъ предамномъ иђи, гди годъ я, ту и онъ; баръ да ми є знати, тко є и одкуда є. Мало затимъ смотри га, да у олтаръ уђе. Кадъ се служба сврши, изгледа га, да бы изишао, єсть, нема га! Приступи къ олтару, нема га ни тамо! Пыта, незна нитко да му каже, као да у землю пропаде. . Чудисе Велимиръ овомъ послу. Запыта за какву меяну, гди бы за новце ручати могао; упуте га у єдну такову. Онъ уђе, и текъ што седне, алъ ето ти одъ некудъ два младића, кои такође спроћу нѣга сѣдну, и ручати заиште. Запытаю овіи Велимира, одкуда є; на кое онъ каже имъ, да є изъ Греціе, и да є быо у Египту, пакъ садъ у Цариградъ намѣрава, но ако бы ми, придода, какову прилику казати могли. О, съ драге волѣ! рекну ови, но валя причекати. Велимиръ замоли ій, те му нађу сигурно и добро конакъ-мѣсто, да бы у безопасности, докъ се прилика не нађе, време пробавити могао. Ово бяше кодъ нѣкогъ, на край вароши, старца меанціе. Да му се соба лепа и чиста; но каже му старацъ, да

му не буде противно, што ће іошть єданъ гость ту быти. Зашто? рекне Велимеръ, само [нек]ъ є добаръ човекъ. Већь зато се нестарай! одговори старацъ, я неваляле люде на конакъ непріимамъ. Велимиръ изиђе мало, проћесе по вароши, и на време дође ту. Вечера са старцемъ и са нѣговомъ фамиліомъ, пакъ уђе у свою собу, и легне спавати. Кадъ у нѣко доба, тргнесе иза сна на нѣкій шумъ, чує, гди нѣко у собу дође! Погледи, али старацъ тихо напредъ съ фенѣромъ иде, и другій нѣкій острагу га слѣдує. Ево ти, вели му, любезный мой! креветъ, свуцысе, пакъ спокойно, какао у своемъ дому спавай. Ево имашъ іошть єдногъ госта, но ништа се небой; онъ є єданъ честанъ и разуманъ младиђь, онъ є самномъ вечерао, и я самъ га изъ нѣговогъ разговора таквогъ быти примѣтіо. И сотимъ оде. Овай се почне свлачити, а Велимиръ изъ кревета лагано погледи, зачудисе, кадъ види и овде рапавогъ Критона! Коя га хала садъ овде донесе, мысляше у себи; проговоріо бы му, но вели, разбиђу санъ, ако се съ ньимъ у разговоръ уведемъ. Остави га до сутра. А овай ти намъ лепо примакне столицу къ кревету, метне на ню свећу, пакъ узме єдну кньигу, и почне у себи читати. Велимира подкраде санъ, и заспи. Кадъ у ютру тргнесе, о! свануло. Погледи, алъ му друга нема. Одма обучесе, изиђе и пыта старца за нѣга. Онъ є, вели, већь отишао. А куда? запыта. Тко зна, одговори старацъ; онъ мени поштено плати, пакъ оде. Ово є Велимиру врло тежко было. Изиђе по вароши, мотри га, и коєкогъ пыта; но нитко му за нѣга казати неможе. Каже потомъ старцу за нѣга, како га є іошть у Египту виђао, потомъ у Родосъ островъ съ ньимъ дошао, одтудъ овамо и т. д. Чудисе старацъ; онъ є, ве-

ли, къ мени юче дошао, но я самъ га онома̀дъ іо̀ште у вароши смотріо. Истина, да є чуданъ човекъ, у великій се разговоръ упустити може, продужи старацъ, я самъ га, право да ти кажемъ, за философа признао. Велимиръ, као да є Богъ зна што штетовао, за овымъ, што му се тако измаче, жаляше. . После неколико дана онъ у овомъ мѣсту пребываюћи, учини съ нѣкомъ честномъ и богатомъ фамиліомъ познанство. Господинъ нѣкій, трговачкогъ реда човекъ, случайно натрефи га, и позна, да є наученъ, пріими га у свой домъ, да му нѣгова три сынчића поучава. Велимиръ болѣ счастіє себи захтевати ніє могао, него што му є при овомъ Господину было. Онъ самъ у себи говораше, хвала Богу! видимъ, да већь моя судбина измени другій періодъ мога живота; она самномъ лепо поступати поче: но могу ли я игда макаръ какво счастіє на свѣту безъ горести уживати, кадъ помыслимъ, гди є сада она сирота; Богъ зна, шта се она пати! Кадъ бы знао, да іой є добро, као мени, макаръ бы гди была, я бы се утѣшіо. Ахъ! ніє могуће, да ћу се я игда на момъ срдцу спокоити, нигда неће време рану на нѣму залечити моћи; оно бы то учинило пре, кадъ бы се я баръ о нѣной смрти извѣстити могао! — Ядни родитељи! како ли є Вама! да ли сте Вы већь за насъ заборавили. Мени є садъ, продужаваше у себи, кодъ овы Божіи людій врло добро, но я ово добро уживати не могу, нити ћу при њима заостати. . Онъ, колико бы се годъ у овакове у вече, кадъ легне, мысли погрузіо, ситъ бы се исплакао. Онъ преко данъ у веселомъ съ людма и са свои младићи, кое поучаваше, сообраштенію нешто бы се поутѣшіо, но у вече, докъ бы самъ у свою собу спавати ушао, одма бы га скорбне мысли напопале,

кое бы му до полъ ноћи сладкій санъ одгонпле. Рѣдка є ноћь нѣму была, у кою бы се онъ безъ суза упустіо. Онъ признаваше, да му є на срдцу лакше, кадъ се коекудъ пати, него кадъ добро живи. Онъ, кадъ бы се иза сна пробудіо, тѣшіо бы се са суетнымъ воображеніемъ: мысліо бы све, о! кадъ бы я отишао у Аѳонъ, пакъ кадъ бы ми Господинъ Теофилъ показао какво изъ Георгіе одъ оны трговаца писмо, да су они Босильку мою нашли, и да є она у овомъ, и овомъ мѣсту: шта бы я онда чиніо! Я бы, чини ми се, на крилима любве тамо одлетіо. Пакъ кадъ бы ю видіо! — Ахъ! у каквомъ бы се смуштенію душа моя онда нашла! Како ли бы ми было, кадъ бы ю у отечество потомъ одвео, нѣногъ родитеља, и милу браћу у животу іоштъ застао! — Кадъ бы потомъ сви заедно у Сремъ прешли, и мое родителѣ у животу нашли! О, како бы то моіой мамицы было! — Но о! суетне мысли! уздишући рекао бы у себи. Вы само позлеђуете болю мою! О слепо счастіе! Ты си само ума мога породъ, ты се изъ суетны огорченога мога срдца мыслій раћашъ, и као сапунный у воздуху пузиръ у єданъ ма' исчезнешъ! — Ова-ко бы овай страдателный юноша съ мыслима, и у себи разговоромъ по толико часова провео. Онъ, како є было чувствителна срдца, да ніе съ наукомъ запоєнъ было, морао бы подъ оваковымъ бременомъ пасти.

Єдно ютро онъ се іоштъ у постельи овако у мысли пуштенъ, бавляше, алъ ето ти му нѣгова три любезна ученика лагано отворе собу, и мислећи, да онъ спава, тихо къ кревету приступе. Онъ се осмене на ньи: неспавамъ я, вели имъ, већь давно; но како сте вы то уранили? То вашъ обы-

чай нiє. Овiи пуни радости, као да имъ се Богъ зна, какво добро приключило, знате ли, рекну му, кудъ смо се мы данасъ оправили? Но айдете одма, облачитесе! и Вы морате съ нама иħи. Господаръ Папа насъ послао, да Васъ зовемо: иħи ħемо данасъ сви у островъ, само ħе Госпоя мамица дома остати; пакъ ħемо се тамо, може быти, два три месеца бавити: зашто веħь настає летня радня. О, само устайте! да видите, каквый є красный данъ пролѣтный. Понеħемо и папагая, да намъ тамо пева; бре! заглунуħе ти уши, рекне другiй, одъ пояня птица и безъ твогъ папагая. . Велимиръ устаюħи, а єл' то далеко? запыта. Нiє далеко, одговоре они, найлакше да возе момцы, до подне тамо смо. Велимиръ се обуче, и сиħесе доле у ньiову собу. Господинъ, (осмеяваюħисе): а да те нису тiи пробудили? рекне; зашто самь имъ казао, да те небуде, єрбо си доцне легао? А не! я самь веħь буданъ бiо, одговори Велимиръ. Навалили цѣло ютро, рекне Господинъ, то є радость, да веħь незнаду, шта да чине; сложище тамо кньиге, тай єданъ (за наймлаħегъ) нехте ни подручковати, ал' самь му казао, да му до подне ништа недамъ єсти. Садъ ħемо таки иħи, послао самь люде, да веħь у име Бога радити почну. О! видиħешъ сынко! како є тамо лепо, веселе природе пріятности, кудъ годъ погледишъ. Я имамъ обычай преко лета найвыше тамо пребывати. Потомъ попiю каφу, пакъ се сви у єдну лаħицу спрему. Они су лагано ишли, и пре подне тамо стигну. Овай є островъ малый и обытаванъ само одъ пастира и баштована, кои нашой принадлеже вароши, али много съ нѣга преко године плода снесемо. . Овай Господинъ лепа своя овде имаħаше добра, велике винограде, одкудъ суво грожђе пра-

ве, и найлепше у цѣломъ Архипелагу црво вино добываю. Велике воћняке маслинкій, лимунова и поморанцій, съ коима лепу трговину воде. Простране ливаде, свою шуму, по коіой су найвыше липе посаћене. Имаћаше многе пчелне кошнице, єдну велику пустару, гди му стока пасе. Лепо сазиданъ подъ нѣкомъ каменитомъ горомъ домъ. Поредъ дома одъ самы мраморны плоча направљна чесма, коя богату, и као кристалъ чисту изъ себе, на две одъ бела мрамора лавске главе, воду излива. Надъ овомъ прекрасный чардакъ начинѣнъ, около кога велики ораси посаћени. Одъ дома мало далѣ великій исподъ землѣ подрумъ, пунъ вина и прекрасногъ зейтина.

Велимиръ усмотри наспрамъ себе єдну одъ самогъ плаветногъ камена врло поузвышену главицу; узме се съ Димитріемъ, найстаріимъ своимъ ученикомъ, кои већъ нѣговы бяше година, и узпенѣсе на ту. Одавде цѣлый овай предѣлъ видити се могаше! Они седну овде, и около себе гледаю, како се цѣла природа понављяше, како се печална зима измицаше, и на мѣсто нѣно пріятно пролѣће тихо наступаше; како на дрвима тисящеобразно лишће, нѣко се развило, и онако нѣжно жутозеленикасту на себи бою издає, нѣко пакъ іоште у пупи преплетено набубрило видисе. Овде умилный славуй сладкогласному косу одпѣва; онде зебе и сѣнице прелетаюћи по гранама цвркућу. Овде малый царићъ са своимъ танкимъ яснымъ гласомъ чисто се усилує друге надпѣвати, онде шева одъ осталы удалѣна надъ цвѣтнымъ ливадама себе у чистый воздухъ восхићава и просте кодъ оваца пастире съ пѣсмомъ утренює. Како се млади ягањчићи около матере утркую, и новопришедши

на овай свѣтъ у невинномъ свомъ животу веселе; како се несташни ярићи по прлюшама надскакую, и како се свако животно радосћу движе, и као изъ каквогъ затвора изшедше о пролећу се весе-ли. Море свудъ у наоколо островићъ овай опа-сало: преко нѣга поточићи у накрстъ, као какве геометрическе фигуре поправили. . Велимиръ се опомене, како є некадъ у време овако изъ Рудни-ка у овомъ подобно мѣсто съ нѣговомъ любезномъ, нѣномъ браћомъ, и сладкимъ родителѣмъ изишао! Онъ се замысли и уздане. Пыта га Димитріе о уз-року, и у истый ма' запроси га, шта є се онолико дуго съ нѣговымъ отцемъ и матеромъ прошлога вечера разговарао; я самъ, вели му, быо дремо-ванъ, нисамъ могао саслушати. Ахъ! не пытай ме, одговори Велимиръ, чрезъ честократно казиванѣ радостъ се умалява, а жалостъ се напротивъ уве-личава, и понавля. А шта є се Вамъ тако жалост-но приключило? запыта овай.

Велимиръ. То бы дуго было казивати.

Димитріе. Видите, какве су ове лепе естества пріятности, и каковый є чистъ овде воздухъ, кои насъ овеява, пакъ сте опетъ безъ волѣ, а были сте доброгъ ютросъ расположенія, чисто садъ и мени сатимъ, што сте невесели, нѣку частъ уве-селенія одузимате!

Велимиръ. Любезный мой! може ли и у цар-скимъ палатама подъ златотканима завѣсама весео быти онай, кога што на срдцу мучи и гризе?

Димитріе. Али шта бы то было, молимъ Васъ? не одрецыте ме участника Ваше тайне быти! — Я Васъ сожалуємъ.

Велимиръ. И єсамъ сожаленія достоянъ; я се кадшто у дружству покажемъ весео, но шта я у мени трпимъ, то іоштъ нитко управо незна. Я самъ синоћъ Господину Папи мою повѣсть одъ части изговоріо, и онъ се чуди; а нисамъ му ни полакъ, као што є, казао.

Димитріе. Та я самъ мало начуо, да сте Вы заробљени были: како є то дакле было?

Велимиръ. Што самъ я заробљенъ био, то є ништа. Я самъ се робства помоћу Божіомъ избавіо, но мое жалости нигда!

Димитріе. Немойте ме неизвѣстіемъ толико мучити!

Велимиръ. Казаћу ти, но при теби некъ заостане. Я самъ се родіо чакъ иза Македоніе у єдномъ царству, ако си чуо, коє се зове Сербія; оно лежи поредъ Бугарске. Мой є отацъ био кодъ нѣкогъ Графа надзиратель добара. И будући да Турцы, кадъ су у Европу съ тимъ намѣреніемъ нагрнули, да сва христіянска царства себи покоре, освое Сербію. — Нашега народа нѣка частъ съ последњимъ Деспотомъ (будући да су Деспоти после Кралѣва съ нѣкомъ часћу ове землѣ управляли) исподъ турскогъ зла избѣгне, и у Цесарску страну, у државу нѣку, коя се съ нашимъ Кралѣвствомъ граничи, именомъ Сремъ пресели. По маломъ времену оде и мой отацъ тамо, одведе мою матерь и старіегъ брата, а мене заостави за нѣко време кодъ Графа у Руднику, гди є онъ обитавао, да се учимъ. Овай є Графъ имао подобнымъ начиномъ овакова польска добра, гди смо мы єданпутъ у пролеће, као садъ, обитавати изишли. Господинъ є овай између остале дѣце имао єдну мла

ду кћерь; она є была толико красна и добра, колико є могуће на овомъ свѣту быти. Она є имала поредъ своє лепоте сва остала свойства благородна, особито оштроуміє, и я се у ню залюбимъ! — Она є любовь мою заръ на већу мени жалость са своіомъ къ мени наклоностћу увеличила, и мене равнымъ начиномъ возлюбила была! — Добрый нѣнъ отацъ, кои є мене такође отечески миловао, покаже себе нашой невинной любови благонаклонна. Онъ свой отеческій благословъ къ сочетанію нашему небы было ни одрекао, но єстъ! Бавећисе мы єдно лѣто на предреченномъ добру, наићу на насъ однекудъ у вече Турцы. Господина нашегъ убію, домъ запале, а мене и Босильку (ахъ! тако іой є име было!) ухвате и заробе. Зато ми тежко паде, те самъ уздануо, будући да самъ себи онай предѣлъ, кои є овомъ подобанъ, вообразіо.

Димитріє. Казуйте! молимъ далѣ, кудъ су Васъ однели, и гди є она сада?

Велимиръ. Е, мой брате! гди є; да знамъ гди є, небы ми се ни плакало! Донесу насъ у Бугарску, у єдну поредъ црногъ мора варошь, и ту ню продаду некудъ у Азію, а мене у Цариградъ! Я потомъ побѣгнемъ, но као дѣте кудъ самъ знао! У Сремъ за родительима ићи, усудити се нисамъ смео. Дођемъ у Аѳонску Гору, и ту самъ се при нѣкомъ, вѣчитогъ воспоминанія достойномъ мужу неколико мѣсецій учіо. Одъ овудъ ме случаємъ ухвате пустаіє; и однесу на море. За овима на скоро удари потера, те ій похватаю, и мене избаве. Съ коимъ потомъ дођемъ у Египетъ, изъ Египта, по нѣкомъ времену, достанемъ прилику, и дођемъ у островъ Родосъ. Изъ Родоса у Косъ, и изъ Коса овамо у Самъ. Я самъ се у младо моє

време много напатіо; но хвала Богу! я самъ већь сва моя бѣдства до данасъ избѣгао, али тугу мою на срдцу до гроба ћу носити! Помысли садъ, любезный мой! како мени мора быти! Отъ родителя се може быти вѣчито разстао, и оне, коя є мое срдце плѣнила, купно съ моимъ счастіемъ лишіо; како ли є моимъ бѣднымъ родительима было, кадъ су за мене чули, а чути су морали.

Димитріє. Хмъ! хмъ! хмъ! А єли іошть тко кромѣ тай Графъ онда погинуо?

Велимиръ. Погинуо є и нашъ учитель, кои є насъ у двору учіо, а шта є се съ осталымъ потомъ учинило, ништа чути нисамь могао.

Димитріє. Єл' имао кога сына тай Господинъ?

Велимиръ. Онъ є имао два прекрасна сына, кои су онда нашегъ возраста были.

Димитріє. Проклети люди! Пакъ мыслите ли кадъ Ваше родителѣ тражити?

Велимиръ. Я самъ у томъ намѣренію, ал' Богъ зна, како ће іошть быти.

Димитріє. О! каква бы ньина радость была, кадъ бы Васъ видили! Колико има већь тому година?

Велимиръ. Ово є већь трећа година. Мой брате! какву бы радость, кажешъ, имали, кадъ бы мене видили мои родительи; а какву бы я, кадъ бы ню видити могао! Я да знамъ, да є умрла, прежће бы се утѣшіо, но овако све мыслимъ, Богъ зна сирота, шта садъ пати.

Димитріє. Єл' имала матерь?

Велимиръ. Умрла є сирота башъ предъ наше паденіе, благо њој, што ніе жалостъ ову дочекала. Но немој молимъ те! овај нашъ разговоръ никомъ казивати. Господинъ све остало моє житіе зна, али што се моє любови тиче, нисамъ му ништа говоріо. Само самъ теби, као момъ врстнику, исповѣдіо.

Димитріе. О, како бы я то говоріо! Но немојте се тако печали подвргавати! Богъ, кои є Васъ одъ толикогъ зла избавляо, неће Васъ ни унапредакъ оставити. Може онъ Васъ онаковымъ начиномъ утѣшити, кои мы нигда нашимъ умомъ постигнули небы. Шта се путій безъ надежде радостъ случити може. . Сатимъ устану, и пођу; кадъ ал' Велимиръ угледа одавде на южной страни опетъ нѣкій малый островъ, кои врло узано, на подобіе каквогъ канала, море одъ овогъ острова деляше: оно се виђаше одъ саме камене горе бити; гдигди поузвышени брегови, и гдикоє по њима дрво видисе. Запыта друга, каквый є то островъ, на коє му онъ каже, да є тамо пустиня, да ништа нема, кромѣ синѣгъ камена, сасвимъ безплоданъ, онъ се, вели, дѣли ено, као што видите, съ узанымъ моремъ одъ овогъ острова. Онъ є узанъ, ал' толико дугачакъ, да га цѣлый данъ човекъ уздужъ обиђи неможе. Видите ли ону планину (показующи рукомъ) што се єдва види, и као облакъ очима се представля, подъ њомъ има нѣкій стародревный градъ: до половине є порушенъ, а одъ полакъ читавъ є и садъ. Стѣне су му чисто зелене, и велика изъ њи дрва израстла. Прости люди држесе тогъ мнѣнія, да онде нѣкіи зли духови пребываю; нѣкіи казую, и са заклетвомъ потврђаваю, да су коешта привиђавали, ал' я то вѣровати не-

могу. Има ій у нашой вароши, кои су тамо одлазили, но у ону часть града, коя є іошть у цѣлости, за животъ нитко ни у подне ући несме. Кодъ насъ се и таковы делія налазило, кои су се за новце покушавали ноћомъ отиће, и, шта є тамо, испытати; єрбо казую, да се ноћомъ нешто появлює; свеће многе гору, тиха нѣка музика свира, и шта тамо я знамъ: али ни близу нису смели доћи. А я судимъ, да се то мнѣніе у простима родило одтуда, будући да є ту мѣсто за галіе врло погибелно: многа є онде ребра своя поломила, зашто є онде каменъ многій, пакъ єдно галія насрне на каменъ, друго на много є мѣста вода између камениты оны гора, кое су се изъ мора изпупчиле, стегнута, неможе ни на єдну страну да се разліе, слѣдователно брза мора быти, на коіой се галія заукти, и на єданпутъ о предъ собомъ стоећу стѣну лупи, дакле мора да се разбіе. А они сва та зла приписую ономъ мѣсту и граду.

Велимиръ. Али ніе иначе запрећено тамо преће?

Димитріе. О, ніе! зашто бы было запрећено, кадъ тамо ништа нема, кромѣ гдикои звѣръ наће се. Има онамо за онимъ брегомъ (указуюћи рукомъ) нѣке лепе равнице, и неколико чобански колиба, будући да се доста добре између брегова паше находи. . Велимиръ ово саслушавши зажели тамо отиће, и опытомъ своимъ то волшебно мѣсто видити и искусити. Онъ ћути, никомъ неказуе. . После неколико дана єданпутъ врло рано устане, и управъ на то узано море доће. Онъ имаћаше при себи два пиштоля пуна, и єданъ великій мачъ, кои є одъ истогъ Господина, при комъ се садъ находіо, на поклонъ добыо. Текъ што онъ

седне на брегъ и гледи, како бы се ту превезти могао, ал' ето ти му єдногъ на чамцу одъ оне стране човека, кои се крозъ ютреню маглу єдва виђаше. Овай се мало ниже одъ Велимира извезе; Велимиръ устане, и управъ къ нѣму дође. Онъ є было пастиръ. Велимиръ га замоли, да га на другу страну пребацы. Причекай, рекне му, докъ се вратимъ. Велимиръ ту седећи нестрпѣљиво на нѣга изгледаше, ал' ето ти му одъ некудъ Димитрія! самъ заметуосе съ пушкомъ, низъ єдно овде лежеће брдашце спуштасе. Хоћаше Велимиръ да му се уклони, но неможе. Осмеяваюћисе на Велимира: одкудъ Вы ту, запыта; я Васъ тражимъ, да идемо у ловъ, а Вы сте пре мене уранили. Велимиръ мысли, како ће сада заметути свой трагъ; вознамѣри, да му каже своє предпріятіє, мысляше у себи: Богъ зна, шта се мени тамо може приключити, пакъ нитко за мене небы ни знао. Знашъ шта є, рекне му, я самъ науміо данасъ у овай островъ прећи, и у самый онай градъ, за кои си ми казивао, ићи, оно волшебство изслѣдити, шта є и како є, и може ли што таково на свѣту быти. Другіи се, како кажешъ, за новце покушавали, а я изъ самогъ любопытства идемъ, єрбо немогу суєвѣріє трпити. Я моє намѣреніє нисамъ хтео никомъ казати, но будући небы сте за мене, гди самъ, знали, и може быти, да бы сте се што бринули, зато башъ добро, те си дошао. Я овде на нѣкогъ пастира, кои ће таки доћи, да ме превезе, изгледамъ.

Димитріє. Говорите ли Вы то истину?

Велимиръ. Безъ сваке сумнѣ. Но ты кажи Господину Папи, да самъ се я овде съ нѣкима пастирима познао, и прохлађеня ради къ њима отишао, пакъ, ако до два или до три дана я недо-

ђемъ, изговарай ме, да самь се при ньима задржао, да небы какву сумню о мени имали.

Димитріє. Дакле у самый градъ намѣравашъ уђи!

Велимиръ. Я ћу счастіє моє прокушати; найпосле незнамъ, како ће быти.

Димитріє. Ахъ! оставите се тога! како бы сте се Вы на такову погибель рѣшавали.

Велимиръ. Дакле и ты се по мнѣнію просты водишъ!

Димитріє. Не! молимъ Васъ! я съ моіомъ памећу постигнути, шта є тамо и како є, немогу, но довольно є то, да су у истомъ граду неколико и животъ оставили! коє Вамъ ономадъ у разговору, као мимоходъ, нисамь ни казао. Вѣруйте Вы мени, да онде нешто мора быти, хотя мы таково што быти не вѣруємо, будући здравомъ разуму сходно ніє. При свему тому, кадъ стварь какову многіи и согласно потврђаваю, не можемо ни мы мыслити, да се они у свему вараю. Можно, да ніє башъ онако, као што кажу, єрбо наравно є людма такову стварь преко уста увеличавати; али што годъ мора быти. Я заиста за цѣлу нашу варошь небы се усудіо тамо ићи, Боже сохрани! Међу тимъ ето ти имъ пастира; но! хвала Богу! єдва те дочека, рекне Велимиръ. Димитріє га ухвати: та не чините тога! за Бога Васъ молимъ. Я Васъ не пуштамъ, макаръ се овде чупали.

Видећи Велимиръ, да овомъ зато тежко пада, придомысли се и рекне му: Не! не! любезный мой! Я се само съ тобомъ шалимъ, како бы самь я тамо ишао; но радъ самь се мало проћи и провиди-

ти, како овай островићъ лежи. Да смо явили Господину Папи, могао бы и ты самномъ ићи. Но быће време и тому. Кадъ се вратишъ, кажи за мене да ћу я кодъ пастира быти. Полюбисе съ ньимъ, здраствуй добрый мой! рекне му, и сатимъ седне на чамацъ. Овай му съ брега срећанъ путъ жели. Но пазите! вели му, не будите продрзльиви! да Васъ смѣлость Ваша на какво зло не навуче. Нисамь вреданъ Васъ совѣтовати, но само братски Васъ опоминѣнъ. Кадъ га пастиръ извезе, плати му, пакъ се заузме самъ преко острова. Данъ є већъ яко угреяо быо. Гледи около себе, синьій каменъ свуда! Гдигди измећу камениты брегова тихе шумарице зеленесе; гдигди бистри преко каменя поточићи шуште, и гдикоя птичица одъ врућине у сѣнама листвены дрва притерана цвркуће. Заболу га ноге, и захте му се сѣсти. Види предъ собомъ узвышенъ єданъ оглавакъ, попенће се, да бы ту одмараюћисе съ высине около себе предѣлъ сгледати могао. Овде бяше древно нѣко и порушено зданіе, седне на єданъ каменъ. Наспрамъ нѣга по равницы лежаше велико єзеро, у коє се многіи съ ове горе поточићи, као живи, кривудаюћи, сливаху; сунце се у нѣму огледати чиняше. Стадо оваца, и нѣка говеда около белесе. Нѣгове очи увеселенія на далеко искаху, и умъ са собомъ на нове предмете отвоћаху; а єдна ужасно велика змія изъ нѣке исподъ зида рупе лагано къ нѣму вучесе! Она є тако по голомъ камену пузила, да ю Велимиръ ни осетіо небы, но срећомъ камичакъ єданъ, поредъ кога є се вукла, свали, кои о другій куцне, и Велимира опомене. Онъ се тргне, бацы очи, и савъ претрне, кадъ ю види, колика є велика, и како є страшно на нѣга уста отворила была! Она съ два новека у дужи-

ну бяше, и около трбу'а съ едногъ у дебльину; глава іой се спроћу сунца блисташе, и садъ свѣтлоплаветну, садъ чисто зелену бою около главе и ниже издаваше, и по великой глави, као какве сяйне шльоке приливахусе, и као да круну има чињашесе. Єзыкъ є имала дугачакъ, заоштрлятъ и црвенъ; зуби танки као игле, и чисто бели; очи чисто црвене, и около очію жуто на подобіе златне бурме. Она, кадъ є спазила, да овай осѣти, три пута є главу съ до полакъ тѣла горе дигла, и видила се усилявати, да на нѣга скочи, но одъ великогъ трбуха ніе могла. Велимиръ будући да се ніе у тай ма' кадъ ю є смотріо, у присутству духа застао, зато га є страхъ и збуніо быо; не знаћаше, шта ће да чини; онъ є викнуо и на ноге скочіо, но савъ є дрктао. Потомъ доће къ себи, ободрисе, тргне иза пояса мачъ, и како ю удари по глави, таки іой круна спадне. Съ овымъ у такову ярость ю постави, да є съ репомъ све о каменѣ тукла, и мназови крви одъ нѣга су текли; но видећи себе на вышшемъ мѣсту одъ нѣ быти, макне ю и другій путъ, и бащъ по трбуу, како се мало исправила была; проспе іой се сва утроба, но о каменъ вр'ъ мача поквари. Она већь изнемогне, клоне, и изблює у ярости нѣку белу матерію. После Велимиръ мысли у себи: я толико по Египту ходи, гди су страшни крокодили, и нигди на оваку напасть не наиђо. Захвали небу на милостивомъ избавленію, и спустисе доле къ пастирима. Кадъ ал' ето ти му єдно дѣте изъ нѣке шумице на путъ искрсну. Ово имаћаше у єдной руцы штапићъ, а у другой на леђи торбу држаше. Кудъ идешъ? упыта га. Идемъ, вели, отцу Зосиму, носимъ му хлѣба. А гди є онъ? рекне Велимиръ; ели далеко? и тко є тай отацъ Зосимъ? Онъ є пустиньикъ,

одговори дѣте, ніе далеко, подъ овомъ планиномъ у єдной пештери. . Велимиръ се сдружи съ овымъ и управъ тамо пође. Текъ што они предъ врата пештере дођу, а киша се спусти. Онъ запыта дѣте, хоће ли нѣму слободно быти унутра ићи. Причекай мало, вели му, на врати! да запытамъ старца, и сатимъ уђе. Велимиръ крозъ врата провири, види старца, гди поредъ мале ватре седи. Онъ имаћаше на себи црне альине, и мало просѣду велику браду, и съ ножемъ нѣке мале крстиће и поскурнике резаше. Дѣте му се маши къ руцы, и нешто му лагано проговори, на кое онъ: некъ уђе слободно, одговори. Дѣте врата отвори, и Велимира зовне. Онъ се старцу поклони, и приступи му къ руцы. Одкуда си сынко? упыта га. Я самъ изъ далека отацъ, одговори Велимиръ, но одъ нѣко време наодимсе у Паѳери (за нѣку варошицу у Саму), пакъ самъ изишао мало у овай островићъ прођисе. Понуди га сѣсти, и рекне дѣтету, да мало болѣ ватру стакне. Потомъ изнесе му у єдномъ лончићу куваны шльива и хлѣба, ето сынко! вели му, съ другимъ те немамъ чимъ дочекати. Текъ што онъ седне съ дѣтетомъ єсти, ал' ето ти имъ внезапу у собу єдне грдне и бркате людине, два пиштоля за поясомъ, дуга пушка о рамену, и крававъ ножъ у руцы! Покисао, савъ у голой води. Добро вече, отацъ! плаовито рекне, пакъ торбу, кою на леђима носаше, у буџакъ спусти. Ужасъ на дѣцу нападне, но старацъ ни найманѣ смущеніе на себи не покаже. Гледи Велимиръ, и мысли у себи: какавъ є овай за волю Божію, заръ ни Херхулесъ ніе страшніи быо! Гледай, вели, отче! што за вечеру, я ћу садъ доћи; и сатимъ изиђе. Старацъ мане главомъ, поћути, пакъ рекне дѣтету, да погледи у торбу, єли што донео, єрбо, ве-

ли, я му немамъ шта дати, кромѣ хлѣба и сувы шльива. Дѣте се маши у торбу, и врисне, кадъ упази у њой нѣке одъ людій главе! Устане старацъ самъ, и принесе торбу къ вратима, кадъ тамо, алъ петъ глава човечіи, коє обріяне и голе быяу, само по єданъ праменъ (перчинъ) косе на вр'у имаѣау! Мете ій опетъ у торбу, и остави на своє мѣсто, пакъ седне кодъ ватре, и вртеѣи главомъ, рекне: Проклетый човекъ! шта є учиніо. Велимиръ уплашенъ, а тко є то? запыта. Тко є, видишъ тко є, мой сынко! убійца! А да неѣе онъ нама што чинити? рекне Велимиръ. Неѣе онъ нама ништа, одговори старацъ, не бойсе ты! кадъ си кодъ мене. Тай истый, вели, зимусъ негди, како годъ садъ къ мени доѣе: я съ чимъ самъ могао, сатимъ самъ га дочекао, и видеѣи, одъ коє є сфере човекъ, нити га пытамъ, одкуда є, ни тко є. Уѣемъ съ њимъ у разговоръ великій, поноѣи веѣъ превалило было. Онъ мене запыта, одкуда самъ я, и єсамъ ли давно овде. Кажемъ му, да самъ изъ монастира нѣкогъ овде близу, и да веѣъ тридесетъ и петъ година, како се овде у пустињи выше него у монастиру находимъ. Єси ли, вели ми, ты правый свештеникъ, кои можешъ литургію служити; єсамъ, да како, одговоримъ му я. Онда онъ на то: седамъ година, вели, како се исповѣдіо нисамъ, хоѣу да ме исповѣдишъ. Богъ нека ти грѣхе одпусти! Исповѣди ми се лѣпо, што є годъ у животу чиніо, и я му очитамъ разрѣшителну молитву. Потомъ пытамъ га, одкуда є и како є; но не хте ми се точно изяснити. Онда я посовѣтуємъ га, и поучимъ, да бы престао невалялымъ човекомъ быти. Потврдимъ моє поученіє са светымъ писмомъ, опишемъ му, колико самъ болѣ могао, како за добродѣтель на другомъ свѣту награду, тако и за

скаредне пороке страшну ону казнь, коя уготована све злодѣе чека, и изъ кое ій смрть избавити неће. Кажемъ му, да Богъ све види, и да є онъ праведный свію наши дѣла на овомъ свѣту судія, и да є нѣгова милость съ правдомъ союжена, нити ће кому преко правде милостивъ быти. Опоменемъ га, да є нашъ на овомъ свѣту животъ кратакъ, и да оной вѣчности, у кою се преселити морамо, конца быти неће, да ће се тамо праведни сладкимъ покоємъ наслађавати, а беззаконицы до вѣка мучити, и проча овакова: онъ мене слушаући доће тобожъ у разкаяніе и завѣшта ми се, да выше нигда законе Божіе преступити неће, да ће се поболшати, и будућій остатакъ живота честно и добродѣтельно провести. Но садъ видимъ, да су мои совѣти нѣму само дотле на срдцу се задржавали, докъ су му моє рѣчи іошть у ушима звечале. Мой сынко! бѣдна є стварь човека, кои є већь у невалялству оматоріо, у кому се зло у крвь претворило, и у нѣму запекло, на путъ извести, и исправити га. Ето видишъ! онъ є негди несрећникъ Турке потукао. Ахъ окаянный! у сожаленію рекне: Я самь се у мени радовао, да самь га, као блудна сына, на путъ спасенія извео, а онъ опетъ као што є и быо! Онъ ево већь другій путъ кодъ мене долази, но, ако ми іошть єданпутъ тако доће, бегаћу одма у монастиръ. Бѣдный човекъ! жалостна му майка, коя га є родила! На то ето ти нѣга, запртіо се съ єдномъ великомъ чутуромъ, но, отацъ! повиче, имашъ ли што за вечеру?

Старацъ. Имамъ! ето нека ти дѣте мало сувы шльива къ ватри пристави, и хлѣба, я ти другo немамъ шта.

Пустаія. Сувы шльива? Яо! како ћу се я за шльивама вина напити!

Старацъ. Я ти садъ печена ћурка не донесо, ниси ни то заслужіо.

Пустаія. Како нисамъ заслужіо, кадъ мало главу нисамъ изгубіо!

Старацъ. Камо та срећа за тебе!

Пустаія. Та ты се нешто сердишъ?

Старацъ. Ніе сердимсе, но именомъ те Божіимъ заклинћмъ, иди одъ мене, и носи ону твою торбу, коя ми є страшнія него смрть; ил' ако нећешъ, идемъ я съ дћцомъ, єръ немогу очима таквогъ човека гледати! Узми и покупи све, што годъ кодъ мене нађешъ, пакъ иди, да те предамномъ не гледимъ. Грозный човече! или болћ да рекнемъ, єдно чудовиште! коє само ликъ човеческій на себи носишъ, како се небоишъ, да земля подъ тобомъ не пропадне, или да те громъ изъ ведра неба не удари. . Сатимъ уђе у другу малу собицу.

Пустаія. (къ Велимиру). Валя да є старацъ завиривао у мою торбу, кадъ се тако срди. Отче! та оди, да те найпре извћстимъ о момъ дћлу, повиче на старца, пакъ узме сомунъ, отреже велику крижку хлћба, и почне поредъ ватре пржити. Хмъ! рекне Велимиру, чудни су ти стари люди, они и не пытаю, шта є и како є, но таки псую. . На то изиђе старацъ: тако се завћтъ предъ Богомъ храни? То є постоянство? То є плодъ оногъ могъ поученія? Како си зимусъ говоріо? Како си се Богу предамномъ завћштао? срамъ те буди! Знай! да ће те ова моя суза предъ самымъ Богомъ сапрети!

Пустаія. Ал' у чему самъ я завћтъ мой преступіо, за волю Божію?

Старацъ. Како у чему! шта ти є оно, у торби?

Пустаія. Ха! ха! ха! кажемъ я, да є онъ завиривао у торбу. Мой старино! свакій онай по деветъ живота да є имао, вредно є было да погине, а то я знамъ, и Богъ мой! кои ће ми судити! Съ Богомъ! нећу ти выше досађивати. Узме торбу и оде. . Велимиръ поведе садъ разговоръ са старцемъ: добро воистину отче! те си смео таквомъ човеку онако говорити, я самъ се све грозіо у себи, да га у ярость непоставишъ! Боже мой! придода, каква є совѣстъ у таквогъ човека, како се може тако озвѣрообразити и до толикогъ бѣшенства доћи, да човека убіє! Мой сынко! одговори скарацъ, Богъ є човека само съ разумомъ одъ други животиня у разлику метуо. Разумъ онай, у комъ се чрезъ добро воспитаніє зарана благоустрои, тай позна себе, позна дужности свое, позна Бога, и дѣла нѣгова, позна добродѣтель и конацъ, за кои є произведенъ на овай свѣтъ, слѣдовательно зачне одма сва дѣда своя благородно управляти, и у свачемъ разуму сходно поступати. А у комъ се разумъ овай изъ почетка пренебрегне, воспитаніє му се добро неда, постане горій, него безсловесный скотъ, као што тога видишъ. Добро, отацъ! рекне Велимиръ, ал' ево не може свакій добро воспитанъ быти! добро воспитаніє изискує, да се до великогъ совршенства човекъ доведе; а къ тому се изискує наука, кою свакій получити неможе. Свакій на свѣту, придода старацъ, може се толико научити, и изъ малена воспитати, да буде добаръ, благонараванъ, правъ, трудолюбивъ и честанъ човекъ, ако и неможе великій философъ, или славный астрономъ постати; небесный є промысао тако лепо и милостиво за насъ устроіо, да оно, што є обштенуждно, учиніо є, да свакій

имати може. Сирома добродѣтеланъ може быти, као и богатъ, немоћный као и силный, простъ као и философъ; но све одъ воспитанія завыси. Мой сынко! три права и главна средства, по момъ разсуђеню, я признаемъ, съ коима бы се обште међу люде благополучіе увести могло. Прво, изъ малена дѣцу добро воспитати: ово є дужностъ родительска. Второ, да свако обштество дѣцы своіой кадъ мало одрасту, изберу добре и разумне учителѣ, кои бы ій далѣмъ совршенству руководили. Треће, научене, благонаравне и за обштій родъ человеческій ревниве люде за свештенике. Гди є годъ ово уведено, онай народъ цвѣта, и друге превосходи. Дѣцу изъ малена треба морално обучавати, да буду благообразна, учтива, старіимъ своимъ повина и послушна. Кадъ већь мало одрасту, и нуждно буде, далѣгъ совршенства ради ньи у обштенародня училишта послати, изискуєсе, да родительи добро око отворе, коме ће свою дѣцу, као драгоцѣнніѣйше своє благо, на науку и воспитаніе вручити; сирѣчь онаковымъ людма, кои су сами преко своє науке благонаравни, честни, човеколюбиво, благоревньиви, и за воспитаніе дѣце способни. А не као нѣкій (кадъ смо у разговоръ ушли) што бяше неко време у Крети у єдной вароши, Льота Даскало звaосе, кои бы поганый обычай имао, собраной у училишту граћанской дѣчицы, кадъ се разсрди, матерь изрикомъ псовати! То є ружно; тай ли є за воспитаніе поштены родителя дѣце! но выше су родительи криви, зашто таквогъ простака, кои є свѣта моралногъ чужъ, кои нигди ніе быо, ништа видіо, съ благонаравнима сообраштеніе ніе имао, и чувства своя ніе благообразіо, за наставника своіой дѣцы пріимаю. Онъ бы се тако лудо гнѣвомъ разярити могао, да косу на

глави себи чупа, и зубима шкрипи, пакъ кукавно дѣте повали, и онако у ярости нити гледи, куда ће ни колико ће ударити! Оно є свако предъ њимъ не као предъ учителѣмъ, но као предъ тираномъ дрктало! То се дакле зове воспитаніе? — Истина човекъ є човекъ, неможе ангелско у себи срдце, да се никадъ не разсрди, имати, али свакій, кои годъ свету ову на себе дужность пріими, ваља да помысли, да оне єстественне у дѣцы погрешке помало прашта, и лепымъ начиномъ све полагано њіова млада и удобосклонима срца къ добру скланя, и къ совршенству доводи. Да себе у срдитости умѣри, и, башъ кадъ сама нужда изискуе, да помало, али не изъ лютости, но као родитель кротко за исправленіе њіово казни: а не тирански невину и неискусну юность, коя у себи никакво іошъ совршенство нема, тући, мучити и съ коєкаквымъ срамнымъ рѣчма злословити и псовати! Како ће тако дѣте благонаравно постати, како ли ће волю къ науки имати; кадъ му є црнъій предъ очима, него убійца. Треба дѣцы и на темпераментъ, кои є каквогъ, позорствовати: има дѣце одъ природе страшльиве, съ коима већъ не треба тако строго, као съ оныма, коя су мало несташне нарави, поступати. И треба имъ кадшто чрезъ лѣпе и благонаравне приповедке, коє младежъ радо слуша, волю и вкусъ къ науки отворити. . Ни у єдномъ, по момъ разсуђеню, званію неможе човекъ толику обштеству причинити ползу, као у учительскомъ и свештеническомъ, само кадъ кои одъ овы дужность свою точно и благоревньиво испунява. Добри учителъи и свештеницы већу него родителъи честь заслужую; родителъи за єданъ само по єстеству дарованый дѣцы своіой животъ, а ови за њіове разумне у науки труде, съ коима

имъ животъ облагонараве, и у савршенство доводе, такову заслужую. Научени и добродѣтелни свештеницы особито, кои одъ єстества даръ краснорѣчія имаю, да народъ словомъ къ добродѣтельи ободрити, пороке имъ грозно и живо описати, и нѣга съ поученіяма благоображавати могу; ништа друго нису, него столпови, на коима є обште у роду човеческомъ благополучіе основано и утврђено. Добро отче; но такови люди добру мора ли бы одъ обштества плату имати, да ни у чемъ оскудость не трпе, и да нису попеченіяма о своме животу обложени, но све стараніе ньово о томъ да буде, како ће поученія, кое изъ светогъ писма, кое изъ други моралны кньига почерпавати, сочинявати и себе у томъ упражнявати. То є истина, придода старацъ, и свако бы обштество у состоянію было, свештенике свое добро награђавати. . И тако далѣ Велимиръ съ овымъ Божіимъ човекомъ у оваковомъ разговору велику часть ноћи проведе, и сутра данъ захвали му на любови, опростисе и оде. Онъ усмотри ону исту планину, подъ коіомъ су му градъ казивали, и упутисе управъ тамо. Кадъ већь дође близу, чуе, гди нѣко са сикиромъ у шуми лупа; на гласъ приступи ближе, и види єдногъ човека, гди сече дрва. Дође къ нѣму и запыта га, каквый є то градъ, и има ли кои у нѣму; ты валя да си изъ далека, рекне овай, кадъ за тай градъ іошће чуо ниси? Казивали су ми коєшта, придода Велимиръ, ал' я то не могу веровати. Яо, мой брате! страшно є то мѣсто; ту се нѣкіи духови ноћномъ появлюю, свеће гору и нешто лупа! нитко у нѣга ни у по подне ући несме! многіи су већь изъ любопытства ту животъ свой оставили. Велимиръ се осмене и рекне: а я самъ дошао одъ чуда искусити, ели то истина. Можешъ поиздале-

ка! одговори овай, но близу не иди, ако ти є животъ міо; я іоштъ мало, пакъ таки бегамъ, да ме мракъ овде не застане. Велимиръ овога остави и приступи граду; мотри га свудъ наоколо, єдна страна, како годъ што му є Димитріє казивао, порушена, но друга съ неколико прозора и съ нѣкимъ узвышенымъ кулама іоштъ се у цѣлости види. Стѣне зелене древность и запуштеніе показую; по њима дрва израстла, и одъ виняжны лоза повитняцы се ухватили; єдна кула повысока на южну страну къ мору окренута; на њой три стаклена прозора. Около града зидъ великій, но на много мѣста срушенъ, трава зелена свудъ унаоколо, єданъ бистаръ изъ самогъ града поточићъ преко авліе тихо савіясе. Тишина, нигди се нитко, као у поноћи, нечуе, само гдикоя по гранама птичица цвркуће. Велимиръ угледа башъ спроћу оне велике куле єдно брдашце, попенѣсе тамо, да бы одатле, ако што буде, болѣ видити могао, науми ту преноћити. Онъ се спусти на зелену траву, да мало проспава, да бы ноћомъ болѣ стражу чувати могао.

Кадъ се пробуди, сунце већъ сѣло бяше, и мракъ по дубрава између планина црнисе! ни птице се выше чути немогаху; найдублѣ ћутанѣ свуда владаше: само гдикои у трави попацъ цвркуће, и преко каменя поточићи тихо жуборе. Мало потомъ родисе месецъ, обуче у свою слабу свѣтлость све предмете; само долове, до коій допрети не могаше, у црной остави одежди. Ужасно представи му се позориште! спроћу месеца сѣнка одъ предмета разна привићеня изображаваше, особито нѣму у оваковомъ мѣсту изъ самогъ предразсуђеня то се чинити могло. Мысли дакле, шта ће садъ; но шта є ту є, рекне, чекаћу овде и даћу

добро позоръ, хоћу ли што онаково, као што су ми казивали, чути и видити. Онъ не смѣяше ни съ мѣста своѓъ устати. Седећи загледисе наспрамъ себе у море, како се, одбіяюћи одъ себе месечне зраке, чисто као жеравица, учинило бяше, и ова-ко црвено лакимъ ветрићемъ колебаюћисе, рекао бы, да пламеномъ по свѣта гори. . Ал' на єдан-путъ нѣка труба почусе! Тргнесе у себе, и бацы око на кулу. О, има шта и видити, гору тамо свe-ће! затимъ мало засвира опетъ труба, а за њомъ тиха музика, и узъ музику єдва се чує танкій нѣ-кій гласъ. Велимиръ на то тако да позоръ, да чи-сто у себи не дисаше, само да бы болѣ саслуша-ти могао. Нѣму страа срдце већма и већма обу-зимаше, почне га ладный зной пробіяти, и коса му се на глави дизати. Онъ съ стрепећомъ рукомъ извади изъ џепа саатъ, спроћу месеца види, да є полакъ дванаєстъ. Садъ у себи рекне: Но, Вели-мире! што ћешъ садъ? Ты ниси оваково што вѣ-ровати могао, но садъ си принуђенъ вѣровати; некъ ти помогне садъ твоя философія. Одсадъ но-ва понятія о овомъ свѣту имати морашъ и съ про-стима єдноѓъ мнѣнія, што се овоѓъ тиче, држати-се! — Затимъ опетъ опомене га разумъ, да ніє могуће, да су овде безтѣлесни какови духови. О-бодри себе, и текъ што устане, съ намѣреніємъ сићисе къ зиду ближе, ал' нешто одтудъ тако страшно затутњи, и загрми, да се земля подъ њимъ потресе! а онъ ти намъ опетъ седне: заи-ста страшна виђеня, говораше у себи: дай да се то бѣга. У тай ма' смотри, да съ врха куле, на коіой се мало спрамъ месеца лима светляше, сле-ти нешто бело и дугачко, одъ кога варнице поле-те, и смотасе крозъ прозоръ у собе; како ово у-лети, свеће се на єданпутъ угасе, и све се утиша.

Опъ мане главомъ и мысли у себи шта бы то было; я немогу такове ствари нипошто моимъ разумомъ вѣровати. Та шта нису до данасъ паметни люди прокопали и изнашли: како се дакле одъ толико мудры Философа, кои бы што и сврху овы стварій написали, ненађе, но само простый народъ по устима разноси, кои съ никаковымъ доводима потврдити незна, само толико, да є видіо! Ево видимъ садъ и я, али опетъ не вѣруємъ; како ли бы вѣровати могао, кадъ здравомъ разуму сходно ніе, да бы таково што быти могло! Какви бы другіи духови (продужи у себи) на овомъ свѣту быти могли, кромѣ людій? Зашто ли бы Богъ, кои є све, што є годъ на овомъ свѣту, човеческомъ уму подложіо, башъ таково нешто одъ нѣга сакріо? О! шта бы садъ мой Господинъ Теофилъ овде рекао! А кадъ невѣруєшъ, пыта самъ себе, зашто си се мало пре тако уплашіо быо? Зашто самъ се уплашіо! Како се нећу уплашити, кадъ самъ изъ малена іоштъ међу простымъ и суєвѣрнымъ народомъ растіо, гди самъ имао прилику често о онаковимъ стварма слушати, гди малой дѣцы (наопако) онакве плашнѣ казую и живо описую, пакъ се оно већъ у крвь мою обратило и претворило, коє садъ ни съ наукомъ немогу да истерамъ, зашто є природа яча него наука, а страа є се у мени уприродіо! но я знамъ шта ћу чинити, рекне опетъ у себи; чекаћу овако и сутра на ноћь, знамъ, да ми сутра већь неће тако страшно се, као садъ првый путъ, учинити, а прекосутра іоштъ манѣ; єръ и одъ обычая много завыси, пакъ онда идемъ управъ унутра. — При овомъ поћути мало и о сбывшемъ му се дѣлу далѣ разсуђаваюћи отвори му се срдце къ жельи, да се мало приближи томъ мѣсту, и послуша, оће ли што садъ чути. Онъ подаспе

своя два пиштоля, узме мачъ у руку, и лагано низъ брегъ спустисе къ граду! Нигди никога, тишина свудъ; месецъ крозъ густе одъ дрва гране освѣтляваше зелене и црне града стѣне. Вода изъ єдне у граду чесме преко камичака текући шапуташе. Онъ се узъ нѣкій мало порушеный зидъ узпужа, ода по нѣму, као бедемомъ, гледи около сесе и слуша. Кадъ ал' на єданпутъ нешто се поредъ зида бело миче! коє мало помало почне се исправляти. Онъ то видећи лагано све на прстима уступаше натрагъ, и скочи са зида наполѣ, пакъ се склони за єданъ трнякъ и одтуда гледи къ зиду. На то єданъ старацъ съ беломъ брадомъ набури главу преко зида, погледи на обе стране око себе и стане. Велимиръ рекне у себи: овай мене съ очима тражи, вальда ме є како спазіо.

Узме дакле пиштоль у руку, запне га лагано, пакъ ћути. А старацъ почне стењати и на зидъ се пужати! Помысли Велимиръ у себи: та да є овай духъ какавъ безтѣлесный, онъ бы узлетіо, небы се онако мучіо, и као човекъ стеняо. Но то є нѣкій старый ороспоглія. . Коєкако попенѣсе на зидъ, высокъ човекъ, танакъ, у белимъ альинама; имаћаше у руцы єданъ дугачакъ штапъ. Онъ погледи около себе, пакъ зидомъ лагано оде, и Велимиру испредъ очію изчезне. Садъ већь Велимиръ прећашньій страа у себи не осећаше, рѣшисе за цело унутра ићи! Онъ клекне на колѣна, обрати съ найтопліимъ срдцемъ очи на небо: Отче свеблагій! Создателю свію тварій! кои си човека съ разумомъ обдаріо, и у овомъ драгоцѣнномъ дару величайшу благостъ твою на нѣга изліо, кои си нѣму ненаситну за истиномъ жељъ у срдце усадіо, и кои гледишъ на овай красный твой свѣтъ,

као на єдну малу каплю воде: Ты познаєшъ срдце моє, да самъ я изъ саме къ истини любови у ово, мени страшно мѣсто дошао; Ты си мой животъ до данасъ чрезъ толике погибели сохраніо; Твоя є мене мишица до овогъ часа милостиво заступала; страа мене опоминѣ, да я и садъ животъ мой Теби препоручимъ! вѣра моя, и упованіе моє на Тебе єсть тврдо и непоколебимо; я животъ мой Теби препоручуємъ и у име Твоє у овай градъ идемъ! Ако є Твоя, о Отче! света воля, да я маловременно мога живота теченіе данасъ овде савршимъ, пріими духъ мой и упокои га съ праведнима у безконечной той вѣчности. Ако ли савршенства мога ради животъ мой сохранищъ ми, съ чувствителнѣйшимъ ево моимъ срдцемъ завѣштавамъ Ти се, да ћу се съ крайньимъ моимъ попеченіемъ трудити, колико ми годъ моя човеческа слабость допусти, благоговѣйно и добродѣтелно провести га. То изрекне, пакъ устане и управъ у градъ пође. Како уђе у авлію, смотри крозъ сумрачакъ єдногъ великогъ човека, кои насредъ авліе стояше! извади ножъ, пакъ све ближе къ нѣму; тко си? повикне. Овай ћути, ништа неодговара, приступи іоштъ ближе; кадъ тамо, ал' єдна велика одъ камена штатуа бяше. Онда онъ упутисе у ходникъ, слуша при свакомъ кораку, но нико се нечуе. Изъ долнѣга ходника нађе степене, кои на горню часть дома воде. Ногу предъ ногу узпенѣсе и узъ ове, дође у єданъ пространъ и дугачакъ ходникъ, и упази крозъ єданъ прозоръ свећу, приближисе тамо и завири, види у єдной соби низъ дуваръ обешено кандило, и у нѣму тихо зейтинъ гори. Извируе, да бы кога спазити могао, но нема никога. Дай, помысли у себи, да чекамъ овде, докъ се не сване, хода лагано по ходнику, и

самъ се себи чуди, гди є допао, шта ли ће то бити. Ал' зашкрипе єдна унутра врата, стане нѣко по соби ходити и запалесе свеће. Но, шта ће бити, садъ ће быти, рекне у себи; само, вели, да се у присутству духа налазимъ, и да се изъ почетка не сбунимъ. На то отворесе и у ходнику врата, и ето ти оногъ старца! Онъ држаше у єдной руки велику одъ воска жуту свећу, а у другой голый мачъ. Превали на Велимира исподъ намргођена чела страшне очи и съ умѣренымъ, али величественнымъ гласомъ повикне: „Тко си ты, бѣдный юноше, и шта си толико согрѣшіо, да те є небо у ово мѣсто доћи осудило?“ — Велимиръ безъ најманѣгъ у себи смуштенія благонебрежльиво приступи нѣму; съ тихимъ но слободнымъ гласомъ на вопросъ нѣговъ: „Право си рекао, да самъ бѣдный юноша, но не зато, што самъ се овде доћи усудіо, єрбо самъ изъ саме любови къ истини, а не изъ каквогъ злогъ намѣренія овамо дошао; многіи су ми коєшта за овай градъ казивали; оћу да видимъ, тко овде обитава, и зашто се издаєте за оне, кои нисте?

Старацъ. Кои нисмо? — Разярисе, рекао бы, изъ коже ће излетити, и хотя да є бео као овца, но пунъ крѣпости и живости виђашесе; онъ лупи єдномъ ногомъ о сподъ, пакъ Велимиру го мачъ у прси упре: „Бѣдный сыне! нашто те є твоє лакомыслієи топлота юношеске твоє крви дрзновена сотворила, да животъ изгубишъ? Море! колико ме стара, ћелава и морштинама већь увѣнчана гледишъ, знай, да се петъ стотина таковы младића не боимъ! знай, да є она сила кодъ мене, о коіой ты кукавче! ни понятія немашъ! —

Велимиръ. (опетъ умѣренымъ гласомъ) „Знай и ты! да ту, гди си твой мачъ наслоніо, єданъ сло-

бодный духъ и добродѣтелно срдце обитава! и примѣчавашъ ли ты, да се я такове силе не боимъ. Немой ты мени съ човеческомъ силомъ досадити, а я се твое волшебне ни мало не страшимъ! Я знамъ и тврдо вѣруемъ, да ты ниси ђаво, нити другo какво духовно (волшебно) вештество, но човекъ, као што самь и самъ. Ако ти дакле совѣсть твоя допушта, едномъ невинномъ юноши животъ одузети, можешъ. (старацъ мачъ спусти доле) Но узми се на умъ, каковый ћешъ одговоръ предъ вѣчнымъ Судіомъ давати, како ли ће те совѣстъ, ако иоле човечества у себи имашъ, гристи и мучити, кадъ помыслишъ, да си на устію гроба стоећи животъ отузео ономъ, кои е текъ живити почео, и кои е счастіе имао, зарана съ добродѣтелію се познати. Ево ти мой животъ! я самь нѣга, као чисту жертву на олтаръ вѣчне истине принео; ербо бы за ню, за кою е и добродѣтелный Сократъ, погинуо. О, мой старино! како е блага смрть, макаръ у комъ случаю она была, ономъ, кои чисту и непорочну совѣсть у себи осећа, кои е правый христіянинъ и тврдо вѣруе, да изъ овога живота у другій прелази, у комъ ће съ радосћу оно жнѣти, што е са сузама у овомъ сѣяо. А я теби опетъ кажемъ, да я нисамь изъ худогъ намѣренія овамо дошао, но изъ любови къ вѣчной истини и изъ усрдія и ревности къ роду човеческому; зашто немогу суевѣрія трпити; а сатимъ признаемъ, да самомъ Богу служимъ. Зашто бы ми дакле животъ узео? При свему тому знай, да мене законъ естественный опоминѣ, животъ мой, колико могу, заштитавати, и до велике га нужде не оставити. И ово е (указиваюћи свой мачъ) обрана нѣгова. Не мысли ты! да ћу се я, као една страшљива и слабомоћна жена, теби одма подати! Я чествуемъ ту твою

сѣдину, али што ты кажешъ, да се ты петъ стотина оваковы не боишъ, придодаваюћи, да волшебну при себи силу имашъ, много си рекао! Но я теби кажемъ, кадъ ты небы у потаи дружства свога имао, пакъ кадъ бы се я озвѣрообразіо, и силу мою употребіо, на петорицу тако, као што си ты, прокушао бы срећу. Али некъ не дира кои мене, я ни на кога руке дићи нећу.

Старацъ. Юноше! побудителна твоя бесѣда и лепо о добродѣтельи умствованѣ обрѣтоше кодъ мене ту благодать, да ти животъ опростимъ, а понайвыше на цвѣтъ твоє младости взираюћи, нећу ти никакво зло учинити, само те молимъ, тепайсе одавде! иди, и носи главу, докъ ти є іоштъ на раменима, и докъ те мои союзницы, кои се намолити не могу, осетили нису! Мала є твоя сила спроћу моє, другоячіє су деліє ту срећу кушали, пакъ су се посрамили, а ты си іоштъ дериште. Но иди! реко ти, употреби добрый мой совѣтъ на ползу свою.

Велимиръ. Добрый старино! мене є доста труда стало, докъ самъ я овамо дошао, нисамъ радъ, да ми они базплодни буду; я ићи нећу, докъ ме годъ о бытію твомъ не извѣстишъ, тко си, кога іоштъ имашъ, и шта овде чините! —

Старацъ. Поштеди! велимъ ти, крясный животъ свой!

Велимиръ. И тако ми є несносанъ.

Старацъ. Дакле си ты изъ каквогъ очаянія овамо дошао?

Велимиръ. То я знамъ.

Старацъ. И не вѣруєшъ моє волшебство?

Велимиръ. Никоимъ начиномъ.

Старацъ. А знашъ ли, да ћу ти садъ чудеса показати?

Велимиръ. (осменесе) Можешъ, ако си добаръ физикусъ, али оно неће быти чудеса, коме се узрокъ, зашто онако быва, наћи може. Чудо бы было, кадъ бы се што преко закона естествены учинити могло; а такова чудеса, коя бы ты мени показао, могла бы служити за простый и неискусный народъ; а не за оне, кои су благодатнымъ науке светомъ озарени. Я то све знамъ, добрый старино! не гледай ме, што самъ я овако младъ, ты ћешъ искусити у мени, ако ме твое тайне удостоишъ, оно човечество и постояну вѣрностъ, коя се рѣдко и кодъ стары наћи може. . На то старацъ осменесе, пакъ га рукомъ по рамену удари: Право имашъ, любезный мой сыне! садъ те познаемъ, коимъ духомъ дишешъ; заиста еси слободанъ дечко! Видимъ, да си нѣка одраслъ древны — но некъ стои; оди замномъ, не бойсе ништа! тврду ти вѣру задаемъ! еръ оваквый мени треба. . Узме га за руку, уведе га у едну велику салу, седне съ њимъ на канабе: кажи ми садъ, сынко! рекне му, гди си се родіо, и како си овде доћи смео, и еси ли правый Гркъ?

Велимиръ. Отче! право да ти кажемъ, я самъ Гркъ съ толико, што гречески говоримъ, а мое право колѣно одъ Славена происходи. Чуо си мыслимъ, за ону частъ Славенскогъ народа, коя е у време Ираклія Императора поредъ црногъ мора одъ Македоніе до Дунава у Миссіи, или садашньой Сербіи населилосе.

Старацъ. (са удивленѣмъ) Дакле ты си Србинъ?

Велимиръ. Правый и отцемъ и матеромъ.

Старацъ. Иди не говори човече! На то повуче за єданъ низъ дуваръ висећій каишъ, и чакъ у трећой соби зазвони; ето ти имъ два здрава и высока момка, запыта ій старацъ, єсу ли прочи устали; устали су, одговоре ови. . Садъ старацъ узме Велимира за руку и крозъ друге собе уведе га у найкрайню єдну. Кадъ тамо, ал' єдна прекрасна дѣвица седи поредъ стола, и спрамъ свеће нешто одъ памука плете. Ово є моя унука, указуюћи старацъ, и у истый ма' рекне іой, да се попашти за ручакъ, єрбо смо, вели, добыли госта. Текъ што ова у другу собу оде, ал' ето ти єдногъ здравогъ до єдно четрдесеть година мужа, ово ми є сынъ и отацъ те девойчице што садъ изиће. Велимиръ се овомъ поклони и учтиво поздрави се. А знашъ ли, одкуда є, придода старацъ къ сыну; чакъ изъ Сербіе и правый Србинъ. О, шта самъ радіо съ ньимъ, и немого га, Богъ га видіо! уплашити. Небы быо правый Србинъ, одговори смеюћисе сынъ, кадъ бы се одъ єдиога старца уплашіо! Радуємъ се, вели, да си одъ наше горе листъ. Ты вальда ниси нигда у Црной-Гори быо. Нисамь, одговори Велимиръ, а желіо самъ и тамо се проћи. На то они: то є найлакше, моћи ћешъ съ нама! Велимиръ се чуди, одкудъ да онъ овде на Србље нагази, и неисказану радость у себи осети. Овде се садъ међ' ньима отвори разговоръ; пытаю Велимира, како є ту дошао; на кое мимогредъ имъ каже, како є быо заробљнъ, како изъ робства избѣгао, потомъ како є пустаіяма у руке пао, како су га у Египетъ одвели и проча. Хоћешъ ли се ты, рекну му, рѣшити на то, да кодъ насъ останешъ, и будући да се мы нећемо дуго овде бавити, моћи ћешъ съ нама у Црну-Гору ићи, пакъ

ако ти се тамо не допадне, наше ће старанѣ быти, у Сербію те послати. Велимиръ на то: Извѣстите ме о цѣломъ Вашемъ станю, како се Вы овде наодите, єсте ли у безопасности, и да нів коме ово Ваше усамленѣ на вредъ; ако є то, остати нећу, али Вы ни найманѣ о мени сумнѣ немайте, да бы самь я Васъ гди одкріо. Онда старацъ устане и тури са своіомъ штакомъ єдну гвоздену на прозору таблу, и заповѣди свећу изнети; укажесе данъ, сунце се текъ изъ великолѣпногъ своегъ чертога дигло бяше. Велимиръ приступи къ прозору, види море, кое съ ове стране до самы градски стѣна допираше. Ево ти имъ девойке съ кафомъ, мете на столъ и опетъ изиће. Они узму кафу пити. Заиста морамъ се чудити сынко! рекле старый, твоіой пристрастной жельи и смѣлости, да дођешъ у овай градъ! овде су многіи ту срећу кушали, али имъ нів по жельи испало. Видишъ сынко! мы ћемо теби нашу тайну одкрити, али буди у добродѣтельи твоіой постоянъ, и завѣтъ твой не преступи, мы смо прави Србльи, као и самъ што си, изъ Црне-Горе, ако си кадъ за мѣсто *Никшићи* чуо. Изъ истогъ мѣста я и моя два сродника наймимосе єдномъ на галію, и дођемо у єданъ малый у Архипелагу островъ, трговацъ намъ, послова своій ради, намѣри подуго ту време пробавити, исплати дакле насъ и одпусти. Мы онда за добру плату станемо на другу галію. Ова полазаше у єданъ близу Хіоса островићъ. Нашъ Капетанъ на галіи играюћисе съ нѣкомъ Таліанкомъ єдну читаву ноћь картій, пренебрегне мало дужность свою, те мы изгубимо правый путъ, на то дигнесе на мору буря, и по дугомъ съ нама бореню не далеко одавде кораблѣкрушенѣ претрпимо! Одъ насъ тридесетъ и шестъ людій само се насъ петорица из-

бавимо. Я сирѣчь, мой сродникъ и іоштъ троица, и доѣмо у овай запуштеный градъ. Она троица оду, а я рекнемъ момъ сроднику, да останемо и потражимо, нећемо ли што у разбієной лађи наћи, како што смо и нашли, многе ствари изъ воде извукли и овде пренели. После тога бавећи намъ се овде, и очекиваюћи лађу какву, на коіой бы, што смо имали, изнети могли, случай намъ одкріе у граду овомъ нѣко сокровиште, коє мы покупимо и однесемо. После много година доће намъ у пameть, іоштъ єданпутъ ово мѣсто посѣтити, и небы ли се іоштъ што у земльи наћи могло, потражити. Заузмемосе на галіи и доѣмо. Я будући да се у минералогіи доста добро разумѣвамъ, познамъ на води овой, коя изъ града тече, да мора быти у земльи каква руда, почнемо копати и заиста нађемо гвожће, а поредъ тогъ кадкадъ помало и злата; те се мы добро помогнемо. Видићешъ колико смо у подруму землю подъ брегъ изрили и ископали; али она жица престає выше, одъ нѣко време ни трудъ се намъ не плаћа; зато велимъ, мало ћемо се овде и бавити. Я самъ намѣранъ одовудъ у Єрусалимъ на поклоненіе светимъ мѣстамъ ићи; а *Міятъ* ће (за сына) съ осталыма дому вратити се; съ коима, ако хоћешъ, можешъ и ты. Мы овде одкако смо, премда никому никаквый вредъ чинили нисмо, ништа манѣ неколико путій одъ оближньи жителя будемо узнемиривани. Што ћемо да радимо! нисмо ради были отићи, и оно, што смо мы нашли, другомъ оставити; за поплашити дакле просте люде и пастире, кои се туда находе, да не бы смѣли граду приступити, измыслимо коекаква страшилишта, кадкадъ ноћомъ између 11 и 12 саатій упалимо на оной великой кули кандило и свеће, засвирамо у трубу, ударимо у добоше, лупамо

и плашимо, као што си морао ноћасъ чути и видити. Имамо на подобіе змаја прилику справљну, кою у исто време на прозоръ спустимо и горе дигнемо. Показаћемо ти, како є то направљно. То многіи, кадъ су видили, зачну мњніе, да овде какови духови пребываю, и назову мѣсто волшебно: усели имъ се таковый страа у срдце, да ни даньомъ, а камо ли ноћомъ не смеду къ граду приступити. Чули смо, да говоре и то, да су нѣкіи овде погинули, али Богъ ми є свидѣтель у томъ, да то ніе истина, но само се люди прости надлагую, ванъ да є кои одъ страа умро; мы, истину да кажемъ, ни на кога руке дигли нисмо, Боже сохрани! но да су многіи, кадъ су мене съ брадомъ на прозору смотрили, тако бѣгали, да самъ се и самъ смеяти морао. Нѣкіи су се (придода Міятъ) тужили, да имъ овце и козе млеко пресуше, како се овамо къ граду прибли́же. Да! и то су говорили, рекне старацъ, а я бы имъ данасъ очевидно такову траву показати могао, коя се овде око града находи, да докъ овца, коза или буди крава, одъ такове шкодльиве траве пасе, одма ће млеко пресушити; єрбо се я и у травама добро разумевамъ. Но што имъ драго одсадъ, кадъ мы већь одемо. Чудо заиста, рекне Велимиръ, да сте се смели овде задржавати! И колико има, како сте већь овде? Има томе, одговори старацъ, скоро петнаєстъ година, али нисмо непрестанно овде были, мысмо и одлазили и долазили. А што велишъ, како смо се смели овде задржавати; зашто не бы? мы имамо таковы седамъ момака, да не знашъ кои є одъ кога страшніи; свакій одъ ньи, гди погледи съ пушкомъ, не погрѣши, а барута и олова имамо доста; поредъ тога до крайнѣ какве нужде удобнѣйшій за избећи крозъ землю путъ имамо. Пакъ гди Вамъ

є тай сродникъ? вопроси Велимиръ. Онъ доле съ людма ради, рекне старацъ. . Садъ самъ те сынко! извѣстіо о нашемъ станю, садъ видишъ, да ово наше усамленѣ никому на вредъ нієе, само толико, што се прости люди плаше. Имате ли дакле, рекне Велимиръ, какву прилику за Єрусалимъ? О! зато є найлакше, одговори старацъ. Потомъ каже Велимиру, како є онъ у своє младо време по Италіи пролазіо, како є нѣкомъ приликомъ у єдной вароши у школу ходіо и проча нѣговогъ живота приключенія и знамените случаєве, коє Велимиръ слушаюћи га, и на нѣга гледаюћи, чисто у восхићенѣ доће и чудесный му се нѣкій старацъ учини. Онъ се виђаше врло старъ быти, али изъ бесѣде и цѣлогъ нѣговогъ движенія пунъ крѣпости и живости: запыта га, колико има година, и како є могао тако до дубоке старости здравлѣ и крѣпостъ свою сохранити, и єли кадгодъ болестанъ быо. Єсамъ, одговори смеюћисе старацъ, кадъ самъ се нѣколико путій у дружству преваріо и опіо: а за другу ти болесть ево већъ 72 године іошъ незнамъ. Зашто бы быо болестанъ? на здравой самъ земльи и одъ здравы родителя роћенъ, а живіо самъ тако умѣрено, што се єла и пића тиче, да нигда не памтимъ, кадъ самъ одъ трапезе сасвимъ ситъ устао, него што ме є, као што ти кажемъ, неколико путій дружство навукло, те самъ мѣру у пићу преступіо, али самъ се завѣштао, да я ни за чіи атаръ оно, што мени шкоди, чинити нећу. До двадесетъ осме мога возраста године, докъ се оженіо нисамъ, никакву смѣсу са женскимъ поломъ имао нисамъ. На време самъ свагда легао, на време устаяо; у послу себе непрестанно, али умѣрено, занимао: спокойна духа, и задоволянъ са своимъ счастіемъ свагда быо. А особито, мой сынко!

здрава є и клима подъ коіомъ Црна-Гора лежи. Поведу потомъ разговоръ на пытанѣ Велимирово и о Црногорцыма; каже *Манойло* (старацъ) како су они єдни одъ свію прочи Србаля у незавысимости одъ Турчина заостали, каква є кодъ ньи любовь и међусобно согласіє, приповѣди му и то, како су на ньи толико путій турскій царъ и паше съ оружіємъ устаяли, и како ій нигда покорити нису могли. На коє рекне Велимиръ: Богъ зна отацъ! како ће и они найпосле проћи. Заиста добро, сыне! рекне старацъ, гди є годъ слога и међусобна любовь, ту є и Божій благословъ. Мы се нисмо Турака ни досадъ бояли, а одъ сада іоштъ манѣ, єрбо є насъ пре нѣколико година великій царъ Петаръ руссійскій подъ заштиту свою узео. Мой сыне! каквы онде древны и благородны фамилія србски има, кои су изъ Сербіє, Босне и Ерцеговине исподъ Турчина тамо прибѣгли. Само кадъ бы се кодъ насъ наука каква увела, каквы добры и хитры глава тамо има! но тко ће ньима то да докаже; они сву свою славу у оружію полажу. Истина, да є и ово неотложно и нуждно, али сила и крѣпость тѣлесна безъ просвештенія и науке, нѣкимъ начиномъ, као тѣло безъ душе быва. Я ньима кажемъ, кадъ бы они и полакъ съ перомъ и главомъ, као съ мачемъ и пушкомъ знали, много бы болѣ за ньи было. Примѣре имамо одъ други благоцвѣтући и поштены народа. . Єли каквогъ качества та земля? запыта Велимиръ. На коє старацъ: жито имъ слабо роди, будући є каменъ: то добываю съ други страна, но имаю винограде, много воћа, у изобилію меда и велико скотоводство, и сатимъ помало трговину воде. Опетъ Велимиръ: а какво имъ є правленіє, чуємъ, да су духовной власти подчинѣни? Видишъ сыне! како є: то є

Княжество на нѣке Жупаніе разделѣно; надъ свакомъ Жупаніомъ имамо поставлѣногъ управителя мирскогъ човека, кое мы Войводама зовемо. Надъ овима имамо єдногъ такође мирскогъ човека, кога Губернаторомъ именуємо. Овай надъ осталима истина управля, али мы нѣга, као єдногъ врховнѣйшегъ Войводу взирамо, а началство и княжеско достоинство Владики оддаємо. Одовудъ дакле слѣдує, да сви одъ Владике завысимо. Има єдна близу насъ варошица, коя се *Иѣгушъ* именує; овде себи Владике, Губернаторе и остале своє поглаваре у собранію избирамо. Кодъ насъ є то узаконѣно, да свакій мужскогъ пола оружіе имати мора, и у нужди безъ свакогъ изятія єданъ како другій за отечество своє вооружати се. У великой потреби до петдесетъ иляда добры юнака може изићи. Но и єстество є насъ высокимъ и каменитимъ горама опасало.

Велимиръ намѣри съ Міятомъ одовудъ у Црну-Гору. Онъ бавећисе при њима єдно вече при трапези рекне старацъ: „Море дѣцо! зашто не изићете у ту аду? кажу слуге, да су вићали дивльи коза. Мой є Міятъ, вели, имао тай обычай съ пушкомъ кудъ изићи, а садъ се нешто мануо. Заключе дакле сутра за цѣло ићи. Кадъ ту ноћь изменисе време; найпре грмлявина, да се чисто земля потресе, а потомъ ветаръ са страшномъ олуіомъ, рекао бы, изъ корена ће дрва однети! Начну мунѣ сѣвати и громови ужасно пуцати. Міятъ, кои съ Велимиромъ у єдной соби спаваше, тргнесе иза сна, устане и прозоре затвори. Ао, мой Велимире! рекне: неће одъ нашегъ лова ништа быти. Бре, дай мира! одговори овай, кадъ садъ нисамь гди на мору. Заиста! придода Міятъ, тежко

бы онима садъ было, кое бы ова буря ухватила; ходи мало, вели, къ прозору, да одъ чуда послушашъ, како море таласима у брегове удараюћи уи. Велимиръ приступи и у истый ма'мунѣ сину, спроћу кои ужасно на мору позориште види! Онъ уздане и рекне: заиста не могу довольно Богу благодарити, што ме ни єданпутъ у цѣломъ момъ мореплаванію такова буря ухватила ніе; єсамъ неколико путій страа претрпіо, али спроћу овога ништа є оно было. . Затворе опетъ прозоре и легну. Проспесе силна киша и ветаръ мало попрестане, на єданпутъ рикне топъ! скочу ови изъ постелѣ, баце око на море, ал' єдна мала галія съ упалѣнымъ машалама по издалека на мору часъ горе на таласима, као на какву высоку планину хитисе, часъ доле у бездну пропадне, и по неколико минутій иза таласа не видисе; садъ на єдну страну, а садъ на другу на води бацасе и са ужасномъ буріомъ сирота 'рвесе, люди у послѣднемъ већь очаянію изъ топова на помоћь кога зову, но тко ће имъ садъ помоћи! Богъ милостивый нека имъ помогне! рекне Міятъ, а мы имъ садъ помоћи не можемо; да нису, вели, близу горе, не бы имъ ништа было, ал' ако о какву стѣну лупе, ту ће имъ гробъ быти. . Сутра данъ киша єднако падаше. Они при ручку разговараюћисе, како су єдну галію на мору у найвећой оной бури гледали, алъ зазвони у ходнику звонце! стрчи єданъ одъ слугу', и донесе имъ гласъ, да се нѣкій човекъ унутра захтева. То мора быти каковый познатъ, рекне старацъ, кадъ є онъ знао, гди треба за звонце повући! Устане самъ, сиђесе доле; и ето ти га съ єднымъ у собу; сви му се срадую и полюбесе съ ньимъ. Изъ разговора Велимиръ разуме, да є ньіовъ познаникъ, и да годину дана кодъ ньи ніе было.

Онъ будући савъ мокаръ, даду му друге альине, те се преобуче. Ту имамъ, рекне имъ, у торби єдну кньигу, и она є сва мокра, но гледайте, да се осуши. Велимиръ првый за кньигу похити, гледи ю и премеће листове. Шта ю гледишъ, рекне странный, ако незнашъ аравійски, бадава ю гледашъ, но болѣ подай слуги, некъ ю носи къ ватри осушити. Узме слуга, однесе, осуши ю и опетъ донесе. Велимиръ нестрпѣливъ радъ бы знати, какве се матеріе и у аравійскимъ налазе кньигама: седећи имъ іоштъ при трапези, пыта странногъ, шта у ньой пише, на коє овай, узевши кньигу у руку рекне: ову самь я кньигу у Персіи одъ нѣкій попова украо, при коима самь се єдно два месеца дана учіо, и небы ю, вели, садъ за сто дуката дао. Алъ о чему є, молимъ Васъ? рекне Велимиръ. О тому, одговори овай, да ти могу изъ нѣ сва цѣлогъ твогъ живота приключенія и досадъ, и коя ће ти се сбыти одъ садъ, казати. То є дакле рожданикъ, одговори Велимиръ, знамъ, да се такове будалаштине и кодъ ньи наоде.

Странный. Будалаштине? Ако ты за будалаштину држишъ, я ћу ти цѣло твоє до данасъ житіе изъ нѣ казати.

Велимиръ. Е! моє до данасъ житіе знамъ я и самъ, но радъ бы знати, шта ће ме унапредакъ срести.

Странный Оно, што ће тебе у напредакъ срести, не бы ти радъ изъ два узрока казати. Єдно што ћешъ у твомъ животу іоштъ нѣка претрпити, коя ніе добро напредъ знати; друго о добромъ счастію изъ далека напредъ извѣстіе умалява радость, єрбо бы си ю донде све помало, као у су-

мньи уживао, падъ кадъ бы ти се счастіе сбыло‘ ни пола радости не бы осетіо.

Велимиръ. Я таково што вѣровати не могу, єрбо бы правомъ христіянскомъ уму и непристойно было. Зашто да є свакомъ у рођеню іоштъ опредѣлено, каковый ће кои быти, шта ће патити, колико ли ће у чему срећанъ быти, одтудъ бы слѣдовало, да се свакій на свою судбу ослони, пакъ нити да се у благонаравію исправля, и у совршенство доводи, нити предосторожанъ да буде, да у какву напастъ не падне, нити бы найпосле волю имао, о своимъ счастію промышлявати, него бы се на свою себи іоштъ напредъ опредѣлену судбу ослоніо, пакъ како было, да было; коє є сасвимъ противно здравомъ разуму, противъ правди Божіой, противъ самомъ нѣговомъ о човеку намѣренію! Но то су суєтна и луда човеческа измышленія. Надрляю тако коєшта и напишу, пакъ простый народъ вараю, и у суєвѣріе већма, него што є, низводе.

Страный. Дакле ты не вѣруєшъ овомъ?

Велимиръ. Боже сохрани! Іоштъ кадъ бы то вѣровао! ванъ да бы ми се овай умъ одузео.

Странный. Ал’ ако ти я што погодимъ?

Велимиръ. Е! та Богъ ме, изъ много коєшта што є тамо написано, ніе чудо никакво, ако се штогодъ подудари и догоди; єръ є онай, кои є то писао, на то и позорствовао, да онакова пише, коя су сходна и коя наравно валя да се, ако не єдномъ а оно другомъ, приключе, и ако не све, а оно баръ штогодъ; пакъ ће му првый рећи, да лаже, а другій ће са заклетвомъ потврђавати, да є истина, и тврђе ће сирома простакъ вѣровати, него Бога,

зашто, ко што милує, лако и вѣрує. Докле годъ благодатна Христовогъ свѣта луча досязава, родъ се човеческій изъ таме и суєвѣрія избавля, и у совршенство долази и много є дошао; а гди она засіяла ніє, ту народи и садъ као у помрчини леже.

Странный. А христіяна нема, кои се у суєвѣрію находе?

Велимиръ. Има по несрећи оны', кои нису подъ блаженымъ христіянскимъ царевыма, него подъ Турчиномъ, гди се народъ пренебрегава, гди се наука и просвештеніе не уводи, и гди єданъ другогъ само по имену, и нѣкимъ церемоніяма христіянином быти, познає, а одъ Христове сладке и спасителне науке нигда ништа и не чує! Свештеникъ му Еванђеліе велегласно очита, а изтолковати му незна: а како ће знати, кадъ се ніе сирома имао гди учити. Зато су они сожаленя достойни. Али, гди су христіянска царства, онде су народи просвештени и облагонаравлѣни, честни, праведни и трудолюбиви; не требаю тамо рожданика, нити коєкакова персійски и египетски попова луда и суетна измышленія, но Бога чистымъ разумомъ и благоображенымъ срдцемъ славе, пакъ се труде, раде и поштено живе.

Странный. Я то све допуштамъ, но шта ћешъ ты мени одговорити, ако я теби штогодъ одовудъ таково кажемъ, кое ты морашъ вѣровати?

Велимиръ. Нека, де да те чуємъ!

Странный. (премеће листове) Теби є право име Велимиръ! Єли? Єсть. У комъ си се месецу родіо? то ми є нуждно знати, али ми право кажи!

Велимиръ. Нећу ти заиста ни лагати, я самъ се родіо 13 Юлія, ето ти и данъ!

Странный. То є у знаку небесномъ лавъ. Чекай дакле, садъ ћу ти наћи. А, ево! Родисе младенацъ мужкога пола. Но колико имашъ година?

Велимиръ. А заръ и то морамъ казати?

Странный. Морамъ лѣто оно знати и планету, коя є оне године царствовала.

Велимиръ. Я самъ садъ у осамнаєстой години.

Странный. Добро! садъ ће быти. Родисе младенацъ мужкогъ пола; быће стаса лепа и повысока, красны и чисты образа; имаће очи велике и граорасте, косу мало смеђу, а обрве црне, гласъ ясанъ, разума оштра, духа бодра, срдца добра и милостива. Єл' да погађамъ?

Велимиръ. Е! то бы знала и моя покойна баба! Гледи на мене, пакъ ми каже, каковый самъ. Само кадъ бы я аравійски знао, видіо бы, пише ли тако тамо.

Странный. Но! но! но! Чекай мало! како су ти млади люди ватрени и нестрпљьиви; има овде што и выше: у 14-ой години оће пострадати, одъ родителя се удалити и далеко свѣтъ проћи.

Ово Велимира садъ внимателка учини. Но далѣ, рекне му.

Странный. (чита лагано у себи, пакъ се осмене) Пише ти и то, да ћешъ за нѣкимъ врло тужити и жалити, и да ћешъ одъ нѣкогъ старца добро пріимлѣнъ и поученъ быти. Велимиръ се чисто смути у себи. Но далѣ, рекне му.

Странный. Быт'ће ти нешто таково на папиру написано, што ће те у велико удивленіе бацыти. Но чини ми се, да ће быти на дрвету, а не на папиру, добро не разумемъ, зашто има єдно дрво, кое папиръ зову. А! на дрвету, єрбо тако долази на овомъ єзыку, изрезано, а ово є дрвету сходно, и у истый паръ нестаће ти єдногъ малогъ, али теби драгоцѣнѣйшегъ дара, кои ћешъ потомъ одъ єдногъ непознатогъ Арапина заєдно съ нѣкимъ златнымъ новцыма у дальной земльи добыти. . На то Велимиръ тако се зачуди, да клоне са столице на землю! — Сви се збуне! Старацъ брзо му нѣку воду поднесе подъ носъ и уміе га, те мало дође къ себи. Савъ пребледіо! слабимъ гласомъ: не бойтесе! рекне имъ; ніе мени ништа, само самъ внезапу удивленѣмъ пораженъ, одкудъ да тай мое тайне, кое нико іоштъ не зна, овде све искаже! Иди! аратосъ ти твоє кньиге! рекне срдитъ старацъ Манойло, како самъ се уплашіо за дѣте.

Странный. Простите ми! Захтевао є знати, а я нисамъ знао да ће до тогъ доћи.

Велимиръ. Одсадъ дакле другоячіе и самъ морамъ мыслити. Садъ видимъ, да и философія ніе ништа у себи, и да човекъ бадава умъ свой на высоко возводи. Я нисамъ вѣровао, да може чудо на овомъ свѣту быти, но садъ вѣруємъ. Некъ ми одсадъ каже философъ, да не може што преко закона єстественны быти, и да узрокъ свачему, зашто онако быва, има. Камо узрокъ овомъ, каковый ли є овде у одношенію разума на стварь союзъ? Онъ мени одъ слова до слова све, као што є было, знати казати!! То є много! — Я самъ се и онда, кадъ су се мени такова догодила, чудіо, али овомъ, докъ самъ живъ, нећу се моћи довольно начудити.

Странный. А іошть ти нисамь све ни казао!

Велимиръ. Иди съ Богомъ, немой ми ни казивати. Ти си ђаво, а ниси човекъ! Зашто дакле човекъ толико за истиномъ жедни, кадъ ю нигда постићи не може! Я бы желіо одъ Бога, да или ми обрати умъ, да другоячіе мыслимъ, или ми измени ово срдце, да нисамь овако чувствителанъ.

Странный. Дакле моя кньига не лаже?

Велимиръ. Я те морамъ за ту кньигу молити, да одъ чуда іошть коме дамъ, нека ми ю чита.

Странный. А єл' истина, што самь ти казао?

Велимиръ. Та како ніе човече, кадъ самь четрнайсте године одъ Турака зароблѣнъ, кодъ нѣкога старца Радослава єдно лѣто, као кодъ отца, поживіо, и одъ нѣга довольно поученъ быо. У исто време, кадъ самь подъ єднымъ дрветомъ спавао и пробудіосе, на дрвету оно є изрезано было, коє самь я пре нежели што ћу лећи мысліо и творити науміо; коє нико, кромѣ Богъ и я знао ніе. Онда ми є и овогъ прстена нестало было, за коимъ самь врло жаліо. Потомъ ми у Египту овай истый прстенъ мой, на коме су ова два слова: *Б.* и *О.* изрезана, нѣкій Арапинъ, кога нигда дотле видіо нисамь, у єдной бурмутицы купно съ 12 дуката даде; а то си ми исто ты садъ казао. — Я ћу заиста одсадъ съ простима єдногъ мнѣнія быти и выше ньима него ученима вѣровати. Странный се на то насмеє: Видишъ, како бы се собласнити могао! Я самъ съ тобомъ овде садъ само єдну шалу изиграо, али може ти на ползу служити. Ты кажешъ, каквый овде у отношенію ума на стварь союзъ има, и повѣровао си за нешто преєстественно, и као чудо, али то ніе истина.

Философія право има у свему, имай ты и одсадъ права разсуђеня, како ти твой здравый разумъ доноси, и люби истину, као што си любіо; а я ћу ти садъ доказати, да я изъ ове кньиге нисамь теби ништа казао, нит' є то могло быти, но я самь знао съ друге стране сва та приключенія, коя су се теби догодила. — Єси л' ты познавао нѣкогъ Критона? ружанъ човекъ и богинявъ, кои є съ тобомъ изъ Родоса у Самъ дошао, и кога си ты іоштъ, каже, у Египту виђао. Єсамь, одговори Велимиръ. На то странный: Онай цѣло твоє житіе зна, а ніе ти се хотео казати! Онъ є видишъ великій врагъ, скитница овогъ свѣта: Онъ є родомъ изъ Патмоса, но гди тай ніе быо! Самномъ се познає одъ давна, човекъ доста наученъ, али за себе немарльивъ. Я се одономадъ случайно съ њиме састанемъ; каже ми, да є быо у Египту. У разговору приповђди ми твоя страданя, одкуда си, како си быо заробљенъ и проча. А одкуда є онъ то знао, послушайте ме: Кадъ си ты іоштъ изъ Цариграда изъ робства побѣгао, и у Бугарской на пустаіе наишао, опоминѣшъ ли се нѣкогъ Арнаутъ - Марка, кои се у ономъ дружству онда наодіо; човекъ црнъ, маленъ и подебео, кога си ты почесто опоминяо, да се остави пустаилука, и да буде поштенъ човекъ, придодаваюћи му, да онъ има такове у себи способности, съ коима бы могао срећанъ постати, будући да є знао писати, и добро се у мореплаванію разумевао, быо бы добаръ матрозъ? Опоминѣмъ се, како небы, одговори Велимиръ, само казуй! Тай є истый, придода странный, садъ у Египту! Онъ случайно нађесе негди съ Критономъ у исто време, кадъ си и ты тамо у нѣкой поредъ Нила вароши быо, и имао є велику желю съ тобомъ се онде састати, но будући у онай ма' ніе мо-

гао, а ты потомъ на скоро одатле одешъ. Кадъ си ты дакле одъ пустаія побѣгао, и къ ономъ старцу кодъ оваца дошао, тебе су они дуго тражили, и нису те наћи могли. Арнаутъ-Марко изиште се одъ ньи подъ видомъ тебе тражити, увѣраваюћи ій, да ће те наћи и везана ньима донети, а у себи съ намѣреніємъ, да съ тобомъ кудъ побѣгне. Они лукавству нѣговомъ несећаюћисе одпусте га. Овай случайно натрапа на тебе у шуми и нађе те, да спавашъ. Ніе те хотео будити, но седне мало кодъ тебе; а ты у сну почнешъ говорити: „Я или морамъ ићи тражити родителѣ, или ићи гди учитисе.“ Овай онда, кадъ саслуша речи ове, изъ шале изреже ти на дрвету, да ты бадава тражишъ родителѣ, но болѣ да се идешъ учити; пакъ онда скине ти и прстенъ съ руке, и сотимъ одступи мало одъ тебе, да види, шта ћешъ, кадъ се пробудишъ, чинити. На то внезапу ето ти му троица одъ дружства, кои бы те, да се онъ ту ніе догодіо, нашли, а може быти и убили; но онъ предвари ій, заговори и оде съ ньима. После већъ у тай паръ ніе се могао одъ ньи умакнути! Кадъ дођу на море, улучи нѣкій способъ и побѣгне; пакъ неимаюћи кудъ, сдружисе съ нѣкимъ морскимъ пустаіяма. Дакле знашъ ли, кадъ су те у Аѳонской Гори ухватили, и у ону адицу, гди є ньи на єдной галіи выше было, доцне донели? Но! знамъ, рекне Велимиръ. Єли, да те є єданъ, пыта странный, измећу осталы' за руку стискао и рекао: Небойсе Велимире! Єсть истина, одговори овай. Оно є было Арнаутъ-Марко, рекне странный, но ты нѣга, вели, ниси могао у помрчини познати. Велимиръ са удивленѣмъ: шта говоришъ човече! Оно є было Арнаутъ-Марко? Дакле є морао и онъ съ оныма на ораницы избѣгнути, кадъ є насъ чета ону ноћь разбила?

Странный. Ха! тако є было. Онъ є сирома хотео и ту теби помоћи, украсти те одъ дружства и у Аѳонъ опетъ однети; али несчастіе є съ вама иначе поступило.

Велимиръ. О, гледай ты! Нанъ како ће молимъ те у Египетъ доћи?

Странный. Лако потомъ. Намѣри се на нѣку трговачку галію, коя є у Египетъ полазила, и наймисе за матроза. Ты дакле кадъ си у Розету донешенъ, ту си нѣколико дана пробавіо, пакъ си предузео путъ къ Даміети, єли?

Велимиръ. Но єсть! само казуй! молимъ те да чуємъ.

Странный. Єданъ данъ, кадъ си путовао, доћи ћешъ у нѣку шуму, у коіой шуми случаємъ буде и Арнаутъ-Марко! Онъ є ту са своимъ Господаромъ, кодъ кога є у службу био стао, дошао био грађу нѣку сѣћи, пакъ кадъ те є видіо, обрадуєсе, но ни ту ти се одъ Господара ніє смео явити, да се ты небы изрекао и у разговору нѣга, да є био међ' пустаіяма, издао, само те є съ очима, кадъ си друмомъ прошао, пропратіо. На то дође му у шуму Арапинъ, кои є кодъ истогъ Господара служіо, донесе имъ ту ручакъ. Арнаутъ-Марко будући съ овымъ у любови, узме га мало на страку, пакъ му извади изъ цепа 12 дуката, коє є био іоштъ у Розети преправіо, да ти на путъ даде, и онай прстенъ, што ти є съ руке скинуо, сложи у бурмутицу, пакъ даде овомъ, и рекне му: „Овуда є садъ башъ єданъ младићъ у таковимъ и таквимъ альинама прошао, име му є Велимиръ, трчи за њимъ и подай му ово, пакъ га поздрави, вели, одъ мене, некъ ме овде и овде (за нѣку варошицу) чека, я

ћу га сутра потражити. Овай црный врагъ узме и оде, но не поступи по налогу оногъ. Онъ кадъ є тебе поиздалека у хладу лежкати спазіо, ніє хотео тамо доћи, но чекао, докле устанешъ и пођешъ. Како си ты дакле устао, и друмомъ пошао, изъ ћаволства претворисе, као да онъ за нѣкомъ Господомъ, коя є такође туда мало пре прошла была, трчи; и тако тебе по имену за у нѣко чудо бацыти те, као мимогредъ за ону Господу запыта, потомъ извади изъ нѣдара бурмутицу и тебн даде, пакъ онда друмомъ мало напредъ отрчи, као да бы онъ за Господомъ оиомъ трчао, а после преко шуме вратисе натрагъ, и каже Арнаутъ-Марку, како є съ тобомъ поступіо, за кое га є онъ и псовао. . Арнаутъ - Марко сутра данъ таки за тобомъ похити, но нигди те наћи ніе могао. Случаємъ потомъ намѣрисе на Критона, и будући да те є, незнамъ гди у Египту съ њимъ вићао, запыта га за тебе; но Критонъ му ніе знао казати, куда си отишао. Онда онъ нѣму у разговору каже повѣсть свою, у коіой и ты будешъ умешанъ; изговори му, како си био заробљнъ, како си избѣгао, како си съ нѣговымъ дружствомъ нѣко време пробавіо, и одъ ньи побѣгао, како ти є оно на дрвету изъ шале изрезао, прстенъ съ руке узео и сва по реду, коя самь ти садъ изговоріо.

Велимиръ. О чуда, шта ми човекъ каза! шта ће далѣ быти, молимъ те?

Странный. Критонъ дакле намѣранъ є био ту шалу съ тобомъ изиграти, кою самь я садъ; сирѣчь да те у удивленѣ и чудо постави, одкудъ да онъ такове о теби тайне зна, но некако се разстанете, и онъ намѣреніе свое не испуни.

Велимиръ. Вражіегъ човека! Гледай ты хитрости нѣгове; зато онъ мени єданпутъ у разго-

вору каже, да бы онъ мени таковогъ човека показати могао, кои бы све моє тайне и цѣло моє житіє казати знао. Гледай ты нѣгова посла! Дакле є онъ тай быо. Пакъ молимъ те, како онъ съ тобомъ у рѣчь за мене уђе, кадъ ты мене ниси ни познавао, одкуда ли онъ знаде, да самь я овде?

Странный. Послушай ме само! Єси ли се ты съ њимъ састаяо у Патери?

Велимиръ. Єсамь га смотріо у цркви, и потомъ самномъ є у єдномъ гостилнику ноћіо, али тамо се случило, да нисамь съ њимъ ни рѣчи проговоріо: докле самь я іоштъ спавао, оде нѣкудъ и нестане га, за коє самь врло жаліо, што му у трагъ ући не мого.

Странный. Но добро! довольно є то, да є онъ потомъ за тебе знао, кодъ кога се ты онде у мѣсту находишъ, оде тамо и пыта, кудъ си ты отишао; каже му дакле єданъ младъ момчићъ, по свой прилицы оногъ Господина, кодъ кога си быо, сынъ, да си у овай островъ дошао. Критонъ дакле, када чує, да ћу и я овамо, опише ми цѣлу твою физіогномію, судећи, да се могу случаємъ съ тобомъ гдѣ састати, и каже ми твоє име, пакъ ми наложи да овако съ тобомъ, ако те гдѣ нађемъ, поступимъ, будући, вели, да є врло као младъ човекъ, на препиранѣ хитаръ, и оће право у свему да има, премда є, вели, праведанъ младићъ, лепо о стварима разсуђава, право мысли и истину говори, но само, каже, валя му мало напркосити и уши угрѣяти. И я, како самь ушао, одма самь те познао.

Велимиръ. (осменесе и мане главомъ) Заиста пређе самь мыслio умрети, него о томъ извѣштенъ быти.

Странный. А не срдишъ се што на мене?

Велимиръ. Боже сохрани! іоштъ да имамъ съ чимъ, бы те обдаріо, єрбо бы то мене, да ме ниси извѣстіо, мучило и узнемиривало. Башъ те є данасъ Богъ на мене нанео.

Странный. Е видишъ! да си слабо у философіи утврђенъ. Истина, да є се ово чудно и сбыло, али знай ты то, да чудо ништа друго ніє, него оно, кадъ бы што преко закона єстественны быти могло; а закони єстественни само се єдномъ Богу повиную; слѣдователно Богъ бы єданъ чудо учинити могао, а другій нитко. Много путій случисе намъ што годъ, чему начини и узроцы не могу да се нађу, пакъ се мучимо и разбіямо главу, тражећи и испытующи, и ако нађемо и случай намъ као садъ овде одкріє, добро, ако ли не, а мы се соблазнявамо, и у суєвѣріє падамо, сирѣчь всуе, или рећи бадава, да є онако, вѣруємо, када ніє онако. Я тебе весма похвалюємъ, да тако іоштъ младъ лепо и право учишъ се мыслити. . Сви при трапези, када све саслушаю, удивесе, єданъ другомъ чашу о чашу куцну „піймо и веселимосе! повикну, пакъ любимо чистымъ срдцемъ, како слободни сынови, Бога и истину, и не плашимо се одъ коєшта, као раби и маловѣри! Кажу потомъ странномъ и приповѣде, како є Велимиръ мужественно у градъ ушо.

Трећій данъ учинисе време, данъ осване прекрасанъ, воздухъ после ветра и кише чистъ, листвена дрва опрана, поточићи се избистрили, море се утишало, птичице на све стране около града пою; небо ведро плаветнисе. Міятъ съ Велимиромъ узму оружіе, и другу потребу, зовну два слуге, те ій у аду іоштъ зоромъ на ораницы преба-

це; кажу имъ, на кое време съ ораницомъ треба да опетъ дођу. Овай островићъ бяше маленъ, и сасвимъ пустъ, но лѣпотомъ своіомъ царской каковой уподобляшесе башти: између поузвышены холмића овде тихе шумарице, као рукомъ сађене, онде зелене ливаде свакояне боѥ цвѣтомъ накићене, одъ коій мирисъ тихимъ съ мора зефирима по чистомъ воздуху разносашесе. Гдикоѥ дрво силный цвѣтъ унѣнчао, бѣлисе као да ѥ снѣгомъ покривено; дивля ружица свуда се румени. Време пролѣтно, башъ кадъ благодатно ѥстество пріятности своѥ раскошно смертнымъ на увеселеніѥ просипа. Они будући обоица любительи одъ лова тай данъ тако се у прелестномъ овомъ предѣлу задоцне и уморе, да се нису натрагъ вратити могли. Имаюћи при себи шта ѥсти, а време будући топло, нису ни марили; науме ту преноћити, а сутра своѥ увеселеніѥ опетъ продужити. Сѣдну дакле на ѥданъ спроћу месечине брегъ, вечераю, и по неколико се путій изъ чутуре прекрасногъ вина Самскогъ напію, пакъ ѥданъ поредъ другога легне. Нашъ Црногорацъ, коиѥ изъ чутуре мало подеблѣ пуштао, а и тако уморанъ, како леже, таки на другій свѣтъ оде! заʼрчи пустый, да се цѣлый островъ разлеже. А Велимиръ се загледао у месецъ, кои іошт сасвимъ совршену свою округлость не имаћаше, како тихо одъ востока по ведромъ небу ходи, како гдигди, кадъ за какавъ малый облачићъ заће, чинисе, да брже ходи, као да бы се усилявао, да у теченію своѥмъ дужность свою не пренебрегне, и свѣтлосћу своіомъ на землю не послужи. Мысли у себи, како да тако мало, као што се очима нашимъ представля, тѣло толико свѣта своіомъ свѣтлосћу напунява! У каковомъ ѥ дакле одъ землѣ наше разстоянію; каква ѥ сила и

мудрость то была, коя є то тако лепо и мудро благоустроила, да онъ точно на своє време исходи, на време своє уштрбе има и проч.; како закони єстественни међусобно согласіє имаю! како садъ месецъ, а сутра сунце, коє є на западной страни у море се утопило, одъ востока опетъ изъ мора изиђе, и путъ свой по плаветности неба тихо предузме! каква разлика међу звездама, нѣке малене, нѣке веће, ове свѣтліе, оне мало тамніе. Како гдикоя, као жива са свога мѣста велику часть неба прелети, и као златну за собомъ жицу повуче, пакъ є нестане. . Сведе потомъ умъ свой на люде, какавъ є разумъ милостивый Творацъ човеку дао, да на нѣму као на крилима чакъ горе узлети-ти! и да онъ ова чудесна Божія светила извиди, разстояніе њіово и величину измѣри, движеніе, теченіе и време промѣне овы дозна! Како онъ, кои є єдно мало и слабо созданѣ, то изнаћи, и умомъ своимъ постигнути може! Заиста є човекъ, рекне у себи, єдно краснѣйше созданѣ, особито ако є управъ, као што треба да буде, и ако сва своя дѣйства сходно своме благородію и на славу Божію управля. . Међутимъ Міятъ промешколисе; ты већь єданъ санъ одспава, рекне му Велимиръ; а и ты си буданъ, вели му овай: я іошть нисамъ ни заспао, придода Велимиръ; гледимъ, како месецъ ходи. Како, заръ не ходи онако, као што є досадъ ходіо? пыта Црногорацъ. Та онако! да како ће, одговори Велимиръ. Е! пакъ шта имашъ гледати? Опетъ Велимиръ: ал' погледай само, како гдигди за какавъ малый облачићъ заће, пакъ опетъ изиђе. Бре, айде съ Богомъ! рекне Црногорацъ, нек' иде, како што му є Богъ заповѣдіо! маримъ я за такве ствари! Но! кадъ те не мрзи, вели, тако у небо гледати, мотри, оће ли се отво-

рити, да ишшемо єдну мерицу дуката, пакъ да насъ Богъ види! Сатимъ опетъ за'рчи. Велимиръ га остави, и поведе своє мысли опетъ првимъ путемъ. Онъ, што далѣ овако у себи мысляше, то већма осећаше, да му срдце у сладкомъ нѣкомъ чувству пливати починѣ. Онъ погледи на небо, пакъ пусти изъ очію сузу радости, и рекне: Пріими, о Отче! и милостивый Создателю нашъ! ову благодарностъ и славу, кою Ти моє срдце садъ чувствує! Сатимъ тихо заспи. Кадъ подобро проспава, тргнесе на єданпутъ, уста му сува, жеданъ; што ће садъ, съ виномъ се жећь не угаси! дай да тражи гди воде. Мысли у себи: садъ самъ свудъ моремъ окруженъ, и да не тражимъ гди какавъ сладакъ источникъ, могао бы кодъ толике силне воде одъ жећи умрети. Міятъ спава, ништа не осећа; а онъ узме ножъ у руку и дугу пушку на раме, пакъ пође мало на страну, гди му є овай казивао, да се сладке воде налази. Месецъ є већь къ западу путешествіє своє управляо, и слабый свой свѣтъ губити почео; звѣзда є гдикоя у поднебесну ону высину исчезавала; одъ востока даница ясно своє лице указала. Гдикоя по шуми птичица съ ютреномъ пѣсмомъ и танкимъ своимъ гласомъ усрдно свію Творцу благодареніе оддавати почела. Текъ што се Велимиръ мало низъ брдашце сиђе, ал' нѣко воздиханіе чує! — Презне мало у себи, заустависе и слуша. О! нѣко овде плаче! седне лагано на землю, пакъ опетъ слуша, шта бы то было? говораше у себи. Окреће уво садъ на єдну садъ на другу страну, да бы му то уздисанѣ лакій зефиръ чрезъ утишаный воздухъ у уши донео. Међутимъ неко проговори. — Онъ садъ пузећи приближисе на гласъ тамо, кадъ алъ єданъ юноша са скоплѣнымъ предъ собомъ рукама у присѣнки мѣсеца низ-

пустіо главу доле, стои и плаче! — Онъ се вића-ше у крайнѣмъ отчаянію и безъ сваке надежде бы-ти! Унилымъ и разслабљнымъ гласомъ пресѣче своє молчаніе, и као да бы ванъ ума быо, самъ по-чне говорити: „Ахъ мени до Бога! рекне; ово е већь трећій данъ, како я всуе на какову помоћь изгледамъ! Заръ є мене небо оставило! — Съ єдне стране страа у пустомъ овомъ мѣсту, съ дру-ге гладь немилостиво мене изможда̀ваю и послѣд-нюю юношеску мою крѣпость изъ жила моій сисаю! — Како є се душа моя у мени запекла! како ме є и смрть заборавила!

Ове речи чувствително Велимирово срдце, ка-ко громъ проћоше! О Боже! возопи, я самь мы-сліо, да самь я самъ бѣданъ на свѣту, но има ій и выше. Я самь дакле у сравненію овога счаст-льивъ. Хоћаше да му се яви, но, вели, внезапу могу га поплашити. Слуша далѣ, и крозъ сумра-чакъ мотри га; ал' овай погледи на небо и рекне: „Сладки мои родитељи! кои сада одтуда на овай свѣтъ, као на єдну звѣзду, гледите, молитесе ми-лостивомъ Богу за ваше любезно чедо! да ме већь єданпутъ пріими! Много є ово, о! много є за ме-не, што я трпимъ!“ Велимиру на то потеку два потока низъ образъ суза! Бѣдный поће мало на страну, стане спроћу мѣсеца: „Дивно свѣтило Бо-жіе! гледећи у мѣсецъ, рекне, докле ће моє сузно око то твоє тихо путешествіе пратити? Коя ли е планета мени за убѣжиште съ овогъ свѣта опре-дѣлена!“ Погледи около себе: красне и прелест-не єстества пріятности! за кога сте вы овде, кадъ нигди никогъ одъ смртны нема, само я; но моє го-рестно и у отчаяніе утопљно срдце може ли кра-соту вашу чувствовати? — На што мени умилне

те птица пѣсме, на што ли тай усладителный одъ цвѣћа мирисъ ономъ, кои се съ душомъ бори, и смрть себи, да га съ овогъ свѣта носи, жели. Велимиръ на то устане, и оћаше му опетъ лагано ближе доћи, али овай га спази, тргнесе и изнемоглымъ гласомъ: Єси ли ты христіянинъ? упыта. Єсамь! одговори Велимиръ, небойсе ништа! Овай онда дигне руку: И я самь христіянинъ, поштеди животъ єдномъ бѣдномъ юноши! премда му є горакъ. Смилуйсе на єдногъ страдалца, кои є одономадъ кораблѣкрушеніе овде претрпіо, и кому є небо ово мѣстанце, да се у нѣму мучи, опредѣлило.

Велимиръ: Не бойсе! О! небойсе одъ мене! я самь теби сострадателанъ. Сатимъ бацы пушку и ножъ у траву, пакъ му приступи ближе. Я самь теби подобанъ, рекне му, дѣли нужду твою самномъ, како съ братомъ своимъ. Я самь ономадъ преко ноћь у найвећой оной олуи єдну галію на мору съ машалама видіо, и топове пуцати чуо. Я сожалуємъ о твомъ страданю, но хвала Богу! да си живъ остао. Буди утѣшенъ, и небойсе ништа! моя є радостъ, да имамъ прилику бѣдномъ помоћи и изъ нужде га избавити. Сматрай одсадъ у мени брата твога!

Бѣдный. Ахъ! каквый то небесный гласъ я чуємъ! какове су то сладке и утѣшителне за мене рѣчи. Да ниси ты каковый Анђелъ, кои си мени одъ Бога на избавленіе посланъ? Велимиръ се заплаче и стисне га за руку: повратисе мало любезный мой! ты си већь избавлѣнъ. Извѣсти ме о твомъ страданю, пакъ да завѣштамо овде срдца наша, да ћемо єданъ другомъ теготу сносити. Я

се радуємъ, да самъ себи подобногъ страдалца нашао, одсадъ ће ми лагше быти бреме мое сносити.

Бѣдный. А и ты штогодъ страдашъ?

Велимиръ. Те много!

Бѣдный. Сѣдимо мало на ову мирисну травицу. Бесѣда твоя, кою си у ово кѣколико рѣчій изговоріо, увѣрава ме, да имашъ благородно у прсима срдце. Суза є изъ твоій любовны очію вѣру мою потврдила. Я ћу теби жалостну повѣстъ мою открити, али она бы дуга была; а гладъ ме є у такву слабостъ низвргнула, да нећу моћи говорити! Трећій данъ, како ништа не єдемъ; но гди обытавашъ? имашъ ли ты штогодъ, да повратимъ мало съ чимъ душу и подкрѣпимъ изсушену мою утробу?

Велимиръ. (узме га за руку) Оди замномъ! о! ходи любезный мой! ево овде на брегу кодъ мога друга имамо млада сира, мало печеня, што намъ є одъ вечере остало, лепогъ хлѣба, и у єдной чутури вина.

Бѣдный. А єли и твой другъ христіянинъ?

Велимиръ. Правый христіянинъ, као и мы, ништа се небой!

Бѣдный. О Боже! кои ме опетъ оставіо ниси!

Велимиръ. А незнашъ ли гди овде сладке водице? я самъ врло жеданъ.

Бѣдный. Ево таки прекрасна вода. Пођу тамо обое. . Данъ се већъ одъ ноћи дѣлити почне; мракъ већма и већма исчезаваше, одъ востока врата се небесна отвора'у; звѣзде све изчезнуле бя'у; кромѣ єдна даница, коя одъ оне стране, одкуда є

небо поруменило, торжественно сунца изхођенѣ очекиваше. . Велимиръ погледи на нѣга, како су му красни образи одъ глади усанули, како му се слаба свѣтлость изъ очію види, но нѣговъ стасъ, ходъ и цѣло тѣла движеніе све му є красно, све благородно и нешто величественно! особито бесѣда, коя тихо, но ясно, као тимпанъ, изъ уста му течаше. На нѣму бяше долня альина дугачка и широка, као што у Персіи носе, а горня зеленъ кафтанъ. Онъ бяше повысокъ и младъ іоштъ безъ наустница. Они лагано у гдикоіой речи разговора доћу къ єдномъ маломъ и бистромъ у трави између каменя извору; Велимиръ се пригне, и напіє се. Да се баремъ и уміємо, рекне бѣдный, пакъ да одслужимо ютреньомъ молитвомъ Богу. Ахъ! могу ли довольно на нѣговой благости за овай счастльивый данъ благодарити?

Велимиръ. Добро велишъ! Башъ самъ и самъ тогъ мнѣнія био. Сѣди мало, те се одмори, докъ се я уміємъ, пакъ ти могу у моимъ рукама водице додати, да се не пригибашъ. Сотимъ засуче руке, скине прстенъ и на єданъ каменъ предъ овога метне, пакъ се почне умивати. Овай се маши, узме прстенъ у руку и гледи! — О! ты чудесный юноше! повикне, одкуда ти овай прстенъ? Велимиръ у тай ма' испираюћи уста не одговори му одма. А овай гледи прстенъ и говори: Да л' є онъ, ил' ме очи моє вараю? На то Велимръ: зашто любезный! Допада ти се тай прстенъ?

Бѣдный. Само те молимъ — но, шта я пытамъ! — Да ниси ты *Велимиръ*? О небо! Полієсе сузама и мало клоне. Потомъ опетъ превали очи на нѣга и тихо: заиста онъ! *Велимире! любезный мой*

Велимире! Еси ли ты, или се є само сладко лице нѣгово воображенѣмъ моимъ на тебе прилѣпило?

Велимиръ овако внезапу удивлѣнъ гледи и не може да проговори; затимъ дође мало къ себи, пређе ближе: тко си ты о странный! како се зовешъ, и одкудъ ты мене познаєшъ?

Бѣдный. Само те молимъ, єси ли онай, за кога те я држимъ?

Велимиръ. Но, єсамъ! шта є? Тко си ты, кои моє име знашъ?

Бѣдный. (као изумрлымъ гласомъ) О благословено небо! кога си ми на избавленіє послало! — *Ахъ! заръ непознавшъ бѣдну твою Босильку? Не видишъ предъ собомъ ону, коя є съ тобомъ заробљена была!* Ово изреченіє Велимира крозъ цѣлый животъ, као какова сила електрическа проће! Онъ савъ претрне, и недвижимъ се за нѣколико магновенія ока учини: „*Босилька! Сладка моя Босилька!*“ Падне на прси нѣне и обоє се безъ чувства, и недвижими учине, само су єдно друго у торжественномъ ћутаню съ топлымъ изъ очію сузама поливали. Затимъ, кадъ мало разумъ опетъ право своє надъ чувствителномъ овомъ страћу добыє, као иза сна Велимиръ умилнымъ гласомъ: ово неколико минутій, коє самъ у обятіяма твоима одпочинуо, быя у ми сладостнѣйше у момъ животу! — Она такође дође мало къ себи, уздане, погледи горе и рекне! О! благодатно небо! У каквомъ се смуштенію душа моя садъ находи! Какову радостъ внезапу и безъ надежде мени посла! — Поврати се мало, добрый мой Велимире! Мы смо срећни!

Велимиръ. Ахъ! остави ме мало! Моє срдце садъ у сладостнѣйшой рѣки пливати починѣ, я се садъ на вр'у могъ счастія находимъ!

Босилька. Будимо великодушни: умѣримо радость нашу, и погледаймо на небо, кое є на насъ благодать ову излило; ништа ніе безъ нѣговогъ промысла!

Велимиръ. Радостъ ме є внезапу разслабила, говорити не могу.

Босилька. Я како самъ узела овай прстенъ у руку и на тебе погледала, као да ми се завѣса нѣка испредъ очію скиде, тако ми изчезну првый твой и странный образъ, учинишъ ми се познатъ, и као да ми тко у уму моємъ проговори: то є Велимиръ! Велимиръ узме прстенъ у руку: О, светый залогъ невине наше іоштъ у дѣтинству любови! О милосрдія Божія! Наша невиностъ и нашъ непорочный животъ побѣдише наша страданя! Босилька извади изъ нѣдара на свиленомъ гайтану прстенъ нѣговъ и рекне: Ево, добрый мой Велимире! и твога прстена, кои самъ я до данасъ, као драгоцѣнѣйше сокровиште моє хранила. Онъ є у нѣдрама на момъ срдцу, кое є свакій минутъ за тебе куцало, до овогъ часа почивао; я самъ се съ ньимъ у мѣсто тебе тѣшила. Узме прстенъ и гледи, слава Богу! рекне, оће л' насъ судбина наша іоштъ сатимъ обдарити, да оно мѣсто посѣтимо, на комъ смо завѣтъ наше любови учинили. Сладки наши родитељи! Како бы садъ вама было, кадъ бы сте насъ видили! Іоштъ може Богъ насъ и сатимъ обдарити, да ћемо баремъ любезногъ нашегъ Владислава и Владимира видити. Я о ньима надежду нисамъ было изгубіо, као о теби.

Босилька. Я се истина начудити не могу Божіемъ промыслу сврху насъ: одкудъ бы суђено, да башъ ты мени на избавленѣ у овомъ пустомъ мѣсту, и у крайнѣмъ момъ очаянію дођешъ. . Међутимъ сунце на оризонтъ изиће, све вр'ове високи дрва позлати, и море се блистати почне: Велимиръ рекне: Свѣтла круно надъ цѣлымъ свѣтомъ! колико си ты данасъ милліонъ милліона смртны посѣтило, али никога тако срећнымъ данасъ ниси, као насъ двоє у овомъ пустомъ острову, поздравило! Они обоє падну на колѣна, и даду небу усрднѣйше благодареніе, пакъ лагано къ Мияту на брегъ пођу. Велимиръ ю исподъ руке узео, и разговарасе съ ньоме. Видишъ, мой любезный Велимире! рекне му, две године већь, како я у мужкимъ альинама идемъ, и нико ме ніе познао да самь дѣвица. Ово є єдно средство было, съ коимъ самь я крозъ толикій свѣтъ цѣломудрено животъ мой сохранити и мене изъ руку' варварски спасти могла. Ты ћешъ се чудити, кадъ се извѣстишъ о моіой хитрости, како самь я избѣгла, шта ли самь пропатила!

Велимиръ. Сладка моя Босилько! сва ћемо мы бѣдства наша одсадъ заборавити; но оћемо ли мы кадгодъ наше родителѣ видити?

Босилька. Молимъ те Велимире! ты се мало болѣ можешъ опоменути, погину ли онда нашъ отацъ, и шта бы одъ браће, остаде ли кои живъ? Я у ономъ стра'у ништа незнамъ, шта бы: само толико, да є намъ отацъ, кадъ є прва пушка пукла, са столице пао, и по томъ, када у ону шуму избѣгосмо, учитель намъ погинуо.

Велимиръ. О, любезна моя! не спомињимо садъ нашу жалость, не огорчаваймо овай сладкій

и счастльивый састанка нашега часъ! Быт'ће време, када ћемо се пространно о томъ разговарати.

Босилька. Ей Боже мой! шта се одъ насъ онда учини! Красный и сладкій животъ нашъ дѣтинства у што се обрати! Ниси дакле ни ты одъ оно доба тамо гдѣ био?

Велимиръ. Нигда выше, како смо се кодъ Варне разстали. О! кудъ самъ ти я ходіо, само докъ ти кажемъ мою повѣстъ. Они овако у разговору дођу къ Міяту, кои іоштъ спаваше. Рекне іой Велимиръ, да се не издає кодъ овогъ, да є девойка, премда є онъ, вели, правый Србинъ изъ Црне-Горе и добаръ човекъ. На то Міятъ пробудисе. Ево, рекне му Велимиръ, нађо могъ друга, кога самъ пре нѣколико година изгубіо био. Онъ є на оной галіи, кою смо ономадъ ноћомъ гледали, кораблѣкрушеніе претрпіо, и у овай островъ избаченъ био. Сирома, рекне Міятъ, сожалуємъ, но хвала Богу! кои му є животъ спасао. Види! придода, има ли што у торби, те му подай єсти, пакъ ћемо га съ нама водити. А кадъ разуме да є Србинъ, буде му мило, и запыта одкуда є, и кудъ є тако ходіо. На кое Велимиръ прихвати рѣчь и каже, да се є родіо у Руднику, и да є био одъ Турака заробљенъ, пакъ да є био у персійску землю однешенъ и одтуда нѣкимъ случаємъ избѣгне. Зато, вели, я садъ съ тобомъ нећу моћи у ловъ ићи, но ты иди самъ, прођисе, пакъ дођи онде, гди ће насъ момцы съ ораницомъ чекати: мы ћемо тамо быти. Овай узе пушку и оде, а Велимиръ съ Босилькомъ остане. Съ каковымъ є онъ ню усрдіемъ овде, чимъ є могао, угостіо, то се разуме. Кадъ мало поруча, єдва є сироту намоли, да се мало подкрепленя ради вина напіе. На то и данъ већь поу-

грее, склонесе у єданъ лепъ подъ листвена дрва хладъ, и почне му она свою повестъ говорити овако: „Како самъ овде кораблѣкрушеніе одономадъ претрпила, оставимо найпосле, а да поведемъ повѣстъ мою, любезный мой! изъ почетка теби говорити. Кадъ самъ се по жалостномъ ономъ кодъ Варне разстанку нашемъ на море навезла, изъ почетка страа и жалостъ, а затимъ на мору воздухъ, кому се я навикла нисамъ была, у такову ме болестъ низвргла, да самъ у галіи полумртва, и изванъ себе лежала, — нити самъ знала, како самъ, ни за колико дана путовала, нити гдѣ су ме потомъ донели! Само то, када самъ єданпутъ, као иза сна тргласе и мало освѣстила, погледимъ, алъ я у нѣкой соби на кревету лежимъ, и лѣкаръ ме за руку држи. Гдѣ самъ я? запытамъ га гречески, єсамъ ли и сада на галіи? Ниси, одговори ми, но како ти є, бы ли што єла? Я му на то никакова одговора недамъ, алъ онъ оде, и донесе ми мало чорбице, те поєдемъ. После тога за неколико дана коєкаквымъ лѣкарствомъ поврати ме, и изъ кревета дигне. Када устанемъ и обучемъ се, изиђемъ на полѣ, видимъ се у нѣкой поредъ мора вароши; кажу ми, да є то Ерменска земля. Ту пробавимъ нѣко време, докле добро изздравимъ, пакъ ме онда донесу у Баязетъ, велику и лепу варошъ. И таки другій данъ изнесу ме на піяцу, гди се роблѣ продає: было є насъ на піяцы коє мужки коє женски на продаю осморо. Я будући мала іоштъ, а къ тому изболела, ни за какову службу нисамъ была способна, неће нитко да ме купи. Предъ саму ноћь ето ти єдне Госпоє; помлада жена около єдно 35 година. Погледи на мене и проговори ми нешто, коє я нисамъ разумѣла. На то єданъ, кои ме є ту чувао, почне самномъ гречески: каже ми, да

ме та Госпоя оће да купи, быће ти, вели, кодъ нѣ добро, она є єдна богата удовица, има іоште две робкинѣ. Слегнемъ раменима, и мыслимъ у себи: што вамъ драго, я гди самъ ту самъ. Ова Госпоя оде, мало потомъ ето ти є опетъ, проговори нѣколико рѣчій съ моимъ чуваромъ, пакъ му извади нешто изъ џепа и мете му у руку, а на мене мане главомъ, да за њомъ идемъ. Я погледимъ на онога. Иди! вели ми, она є за тебе већь платила. Я онда айде предъ њомъ. Шта самъ садъ овде одъ Бога желити могла, кромѣ да бы ми ова Госпоя добра была. Вече є было, дођемъ у нѣнъ дворъ; када уђемъ у домъ, видимъ собе многе, све лепо намештене, чисто и украшено. Уведе ме у собу єдну, у коіой су робкинѣ быле. Одъ овы єдна є гречески добро знала, предаде ме дакле њой, и заповѣди, како у обычаю и други стварій тако и турски да ме поучава. Ове су се две быле у робству већь навикле, и нису ни мало мариле, што су робкинѣ; оне су се видиле у своимъ счастію задовольне быти, имала є свака повседневно одъ Госпоє себи опредѣленый посао; нѣкій путъ бы преле свилу или памукъ, нѣкій путъ бы коєшта плеле, или што са златомъ везле, у комъ послу и мене поучавати стану. Посао имъ є красанъ изъ руку ишао, и Госпоя намъ є велику ползу одовудъ имала. Оне, кадъ бы сѣле за посао, пѣвале бы пусте по читавъ данъ садъ турски, садъ ерменски, а нѣкій путъ и гречески. Доста самъ имъ путій рекла: благо вама! како сте тако веселе и са своіомъ срећомъ задовольне. А да шта знамо, одговориле бы ми: не валя одъ єдногъ зла два правити. Мы смо, веле, робкинѣ, те робкинѣ, изъ ове коже никудъ ни камо: но и насъ сунце грѣє, како и царске кћери, а безъ промысла Божія ништа ніе.

Оне су мене обадве сердечно любиле и тѣшиле, да не скорбимъ и не тужимъ; увѣравале бы ме, да ће мени добро быти, само докле се мало превикнемъ. Но тежко є се после добра злу привикнути. Мени є до душе кодъ те Госпоє добро и было. Она изъ почетка, докле нисамь знала съ њоме говорити, нѣшто хладна ми се показивала, но после съ матерњомъ ме милосћу предусретала. Али какво бы добро быти могло, коє бы ондашню изъ могъ срдца жалость изгладило, и моє печалне мысли одъ мене удалило! Кадкадъ бы се мало и поутѣшила, но како бы помыслила, да самь се одъ браће моє и тебе разстала (а већь родителѣ самь, кои су съ овогъ свѣта отишли, и прежалила была), и да ты, како дѣте іоштъ, Богъ зна, гди си, и шта патишъ, какову ли жалостъ добри твои родительи за тобомъ трпе, то, велимъ, кадъ бы помыслила, одма бы ми се рана на срцу позледила, одма бы ме скорбь гризти почела, пакъ бы рекла у себи: ово тобожъ счастіє мени є на већу мою казнь дано, оно ће бѣдный мой животъ продужити, да се выше у нѣму мучимъ. Вѣруй ми, Велилире! да самь нѣкій путъ одъ Бога желила, да баръ полудимъ, пакъ да незнамъ, и не чувствуємъ жалость мою. Све моє патнѣ и страданя спроћу жалости нису ништа была. Ахъ! доста самъ и самомъ Богу согрешила, у горести на нѣгово правосудіє роптаюћи. — При овомъ изреченію поліє сузама своє образе, и унило поћути. Не скорби срдце моє! рекне іой онъ: Богъ всеблагій зна слабость нашу; суза єдна у разкаянію удобна є нѣга умилостивити; шта човекъ у нужди не погреши! но продужи бесѣду твою, како є далѣ счастіє съ тобомъ поступило? При овой Госпои, рекне она, проведемъ я две године. Ахъ! и ню ми суђено бу-

де оплакати. Она є прѣње мене четири године удова остала. Имала є првогъ мужа, како су ми казивали, старогъ, али весма доброгъ човека. Онъ є њој таково иманѣ после смрти своє оставіо, да є могла са своимъ єднымъ, кога є съ њимъ родила, сыномъ поштено и благородно живити, особито како є лепе послове знала; но избезумисе, наопако по ню! и удасе за нѣкогъ кукавицу човека. Нѣнъ сынъ Исмаилъ, момакъ одъ єдно 19 година, дурнесе, и преко нѣне волѣ оде мећ' Яничаре. Онда нѣкій Омеръ имања ради нѣногъ наврзесе, да ю узме. Ню су многіи нѣни добріи пріятельи совѣтовали, да нипошто за тогъ човека не полази. Єсть, да є човекъ младъ и лепъ быо, али пачерисъ одъ овогъ свѣта, зао и напраситъ, како рисъ, особито за бекрію свуда оглашенъ. Но всує! несрећа ню заслепи, и она найпосле добре совѣте свію презре, и за нѣга пође. Не прође ни два месеца, почне на ню сироту коєшта подозревати, и њој да се съ нѣкимъ преко пута кафеціомъ држи, пребацывати: стане іой претити, и на свакій нѣнъ коракъ позорствовати. Найстарія бы наша робкина доста путій, као изъ сожаленія, рекла, да неће добро међу њима быти. Єдномъ оде овай на путъ и не буде га за неколико дана. Мы єдно вече у нашой послѣнной соби сѣдимо и радимо: Госпоя намъ изложи послове, пакъ оде спавати. Дођу намъ и изъ сосѣдства две дѣвойке, кое нису робкинѣ быле. Радећи пѣвамо и коєшта приповѣдамо тако, да већъ по' ноћи превали. Кадъ ал' вриснe намъ Госпоя у своіой соби, штогодъ игда може! тргнемосе све на то и потрчимо тамо, но куина, крозъ кою се къ њој у собу пролазило, затворена, не могосмо. Истрчимо на полѣ, видимо свећу у соби, погледимо на прозоръ, и мало одъ

иуке нисамъ пала, кадъ самъ истога Омера видила, гди поредъ кревета стои и ножъ Госпои исподъ леве сисе до полакъ у срдцу држи! Три млаза крви изъ нѣ по дувару чакъ прснули! Я, када самъ видила, клонула самъ старіой робиньи како мртва у наручіе. — Хмъ! хмъ! хмъ! вртећи главомъ рекне Велимиръ, варварски люди! грозна и ужасна обычая! онде, гди просвештенія нема, и гди се човекъ небеснымъ науке млекомъ не запои и оддои! у каквой су разлики, када човекъ помысли, европейски народи, кои су благодатнымъ Христове науке свѣтомъ озарени. Шта бы дакле далѣ? Мы робкинѣ побѣгнемо и затворимосе у нашу собу, угасимо свећу, пакъ до саме зоре у бриги и трепету проведемо ноћь. Кадъ у ютру, іоште се ни разсвануло ніе, ал' ето ти нѣга у нашу собу! Смртный страа све насъ нападне, свака смо изъ погледа нѣгова смрть себи очекивале! Но онъ зашште нѣке ключеве и таки оде: покупи све, што є годъ лепше и лепше наћи могао, и знаюћи, да бы му се Исмаилъ за свою матерь осветіо, побѣгне некудъ у Аравію. Тай данъ огласисе свудъ мрзко нѣгово дѣло, и Госпою саране. Она є имала єдногъ брата, старогъ човека, кои садъ доће са своіомъ фамиліомъ у нѣнъ домъ, пріими на себе све нѣно добро, и насъ три останемо и при овомъ у нашемъ станю; али овога Госпоя, зла жена и опака, ни єсти намъ ніе довольно давала, и мы смо за првомъ, премда є Туркина была, као за своіомъ матеромъ плакале. . По нѣкомъ времену ето ти намъ Исмаила. Онъ, пошто се о смрти матере своє извѣсти, подкупи нѣке люде и пошлѣ, да Омера, буди гди нађу, убію и главу му нѣгову донесу. А єсте ли вы што, упыта Велимиръ, за то трпити морале? Нисмо ништа друго, само што

смо на Судъ иђи морале, а када є се невиность наша извидила, одпусте насъ опетъ. Мыслимо потомъ, како ће намъ садъ при овомъ младомъ Господину быти; и онъ є до душе у нѣколико дана добре и благе нарави намъ се показао, были смо рекле: Боже помози! Но по томъ ружно нѣшто у нѣму противъ мене появисе, кое ће мени пакъ за счастіе слѣдовати, а то є было овако! Єдно вече млађа робкиня осмеюєсе нешто на мене; пытамъ ю за узрокъ, казаћу ти, вели ми, но при теби нек' остане, младый Господинъ тебе омиловао! Я, кадъ то чуємъ, уплашимсе, ал' іой опетъ за цѣло не повѣруємъ, мыслећи, да шалу самномъ проводи. Кадъ у ютру, ал' онъ погледи на мене, и као шалу нѣку самномъ поведе. Я као дѣте, тако се застидимъ, да му нисамь у очи погледати смѣла, и цѣлый тай данъ была самъ као убієна. Сакріемъ се найпосле на таванъ, и кадъ се сита исплачемъ, паднемъ на колѣна, и помолимъ се Богу, да ме или какогодъ одовудъ избави, или ми смрть пошлѣ, да невиномъ момъ животу конацъ учинимъ. По томъ заключимъ у себи, да, докле се смркне, бѣгамъ, макаръ таки, велимъ, погинути знала. Но како ћу побѣћи, када чуваю, даньомъ самъ непрестано у послу съ другимъ робкиняма; а у вече, како се смркне, дворъ се пустый затвори, изиђи се не мосе, већъ да бы крила имала, и преко зида излетила. Ал' нужда, кадъ се човекъ у каквой тесноти нађе, чему га научити неће? Нађемъ єдно велико уже, склонимъ га у потайно мѣсто, пакъ чекамъ, докле се смркне, а непрестано се у себи Богу молимъ. Како у вече одъ вечере устанемъ, узмемъ моє уже, у коме самъ сву надежду избавленя могъ положила была, пакъ се попенѣмъ на таванъ. Даньомъ самъ іошть у углю єдномъ рупу

смотрила, гнюрамъ по помрчини до нѣ: текъ што я почнемъ даске одвальивати и рупу већу, да се могу провући, пробіяти, ал' мене тражу. Чуємъ, да се цѣлый дворъ за мене узбуніо, похитимъ, што брже могу, провалимъ кровъ како проћи могу. Онда свежемъ єданъ край ужета за жіоку, пакъ га савіємъ у клупче, и хитимъ га преко зида одъ двора на полѣ. Колико є високо было, и опетъ у ономъ стра'у нити знамъ како самъ се усудила, нити како низъ нѣга спустила. Уже є само до по' зида домашило, но я, кадъ се на край нѣга рукама држећи нађемъ, скочимъ на нѣко моіомъ срећомъ ђубре, и не убіємъ се, пакъ онда бежи! дао Богъ, месецъ іошть изишао нієбыо. Дођемъ къ нѣкой христіянки, кою самъ мало познавала, паднемъ предъ њомъ на колѣна, и за име Христово станемъ ю молити, да ме гдѣ у подрумъ до зоре сакріе; она се сирота заплаче, и рекне ми, да бы нѣна особита радость была, кадъ бы ми бѣдной заступленѣ такво не одрекла, али, вели, за животъ я то чинити не смѣмъ: но ево, рекне ми, даћу ти нѣке мужке альине, преобуцысе, пакъ изъ вароши, куда знашъ, бѣжи! Ноћь є текъ почела, можешъ далеко отићи, а у вароши бы ти бадава себи сигурно прибѣжиште искала; зашто ће Турцы све христіянске домове преметути и тебе тражити. Добрый овай совѣтъ употребимъ на ползу мою, узмемъ мужке альине, и преобучемъ се: даде ми и моє, да понесемъ, и гдигодъ у вароши, да се сутра кодъ нѣ небы напиле, бацымъ. Даде ми потомъ єданъ штапъ и мало хлѣба, пакъ ме сама до на край вароши изведе, и у нѣку ме шуму упути. Иди! рекне ми, ништа се небой! имай вѣру тврду на Бога! Захвалимъ іой на материньой милости, и полюбимъ іой руку, пакъ се управимъ све трчећи

у шуму. У шуми самъ већь была, и до саме зоре заустaвитисе нисамъ смѣла. Найпосле клонемъ да выше ни корачити не могу! На то зора заплави, легнемъ на траву и онако уморна заспимъ. Када се пробудимъ, ал' већь сунце высоко одскочило бяше, захвалимъ Богу на милостивомъ избавленю; гледимъ око себе, гди самъ, грдне планине, дрва подъ ведро небо отишла, ужасне свудъ око мене дубраве зіяю; устанемъ, дођемъ на єданъ изворъ, уміємъ се, пакъ очитамъ ютреню молитву, и поєдемъ мало хлѣба. Онда онако одморна заузмемъ се преко планина далѣ, нити я пазимъ, гди ћу доћи, нити мыслимъ, шта ће одъ мене быти, но онако радосћу восхићена, што ме є Богъ избавіо, идемъ у свѣтъ мыслећи у себи, я нисамъ выше робкиня. Колико самъ путій на небо погледала, толико самъ сузама благодарности себе полила. Єси ли се бояла, рекне Велимиръ, да на какво звѣріе не насрнешъ? Изъ почетка ни найманѣ! кажемъ ти, да самъ у таквомъ расположеню была, да самъ за свакій другій страа заборавила. Чега ли бы се бояти могла, кадъ самъ одъ Бога то желила, да ме само одовудъ избави, да изнесемъ мой честный и цѣломудреный у дѣвству животъ, пакъ ако є нѣгова света воля, некъ попусти на мене макаръ какову смртъ; судила самъ, да бы ми душа у разлученю одъ тѣла благосовѣстна была. О мой Велимире! я самъ сама у себи искусила, каковомъ небесномъ сладосћу надежда на Бога благосовѣстну душу пита! Колико ли є блаженъ свакій смртный, кои тврду вѣру на нѣга има, и кои сва дѣла и предпріятія своя на славу нѣгову управля и совршує, и ништа, што му годъ истинный разумъ у совѣсти каже, да є противъ ономъ врховнѣйшемъ Суштеству, не твори. Таковогъ заиста у

найвећой нужди и печали надежда тѣши, блажи и неоставля. .

То є истина, одговори Велимиръ, и вѣруй ми, да ће намъ патня наша на велику срећу служити. Човекъ, кои у добру и безъ попеченія живи, и кои ништа у животу не трпи, выше путій тако се размази, и у нѣку мекость падне, да при наймањемъ противномъ случаю клоне, и у отчаяніе падне. А на противъ кои изъ детинства трудъ, страа и остале теготе претрпи, ободрисе, и постане великодушанъ, пакъ ако му счастіе каково у жребіе падне, онъ га болѣ него првый уживати зна; ако ли зло му се каково случи, и то лакше него онай, сносити може. Много човекъ чрезъ патнѣ и у совршенство доћи може. Но продужи повѣсть твою, куда ћешъ изъ те пустинѣ доћи? Ту у пустиньи, рекне она, две неделѣ о самомъ дивљемъ воћу проведемъ; доста самъ путій одъ зверія на дрвету преноћити морала. Срећна самъ была, што є лето было. После помыслимъ у себи, дай да се то кудъ сдовудъ иде! мене є Богъ, рекнемъ, робства избавіо, небы ли како могла у отечество прећи. Изиђемъ изъ шуме, и заузмемъ се безъ пута преко нѣки пустара, и то выше ноћомъ него даньомъ, боећисе, да ме опетъ гди не ухвате и не заробе. Найпосле дођемъ на нѣку велику воду, кою потомъ разумемъ, да є Евфратъ и прећемъ у Месопотамію. Толико дана путујући нигди села нити вароши видила нисамъ, докле єданпутъ при захођењу сунца упазимъ нѣка древна и разрушена зданія; ту легнемъ и мирно преноћимъ. Када сване, угледамъ єдну велику варошь, на єдно по' часа далеко, пођемъ тамо; када изиђемъ на великій друмъ, наћемъ нѣке путнике, кои ми кажу, да се та варошь

Едесъ зове. Гладна самь мртва, и будући имала самь нѣшто новца при себи, уђемъ у гостилникъ и поручамъ: а кадъ разумемъ, да є домаћинъ христіянинъ, за одморити ми се останемъ и на конаку. Найпре самь на опрези была и све ми се чинило, да ће ме познати, да самь дѣвойка; но кадъ видимъ, да нитко о томъ и немысли, мало помало, докле се у мужкимъ альинама привикнемъ, и сама позаборавимъ, шта самь; име бы мое казала, када бы ме кои запытао, *Владимиръ*.

Другій данъ по случаю дођу у истый гостилникъ нѣкіи трговцы, изъ коій разговора разумемъ, да се изъ Сиріе за нѣколико дана водомъ єдномъ у средиземно море доћи може. А средиземнымъ моремъ знала самъ, да се лако у Греческу долази. Да ми є се, велимъ у Греческой видити, чинило бы ми се, као да бы у Сербіи была. Наумимъ дакле у Сирію прећи; али ово предпріятіе ніе ми по жељи тада испало; єданъ невѣжа, или ніе ни самъ добро знао, или, коє ће пре быти, ніе моє вопросе, како што треба, разумѣо, покаже ми рукомъ противну момъ намѣреню страну! и я сирота у мѣсто Сиріе препешачимъ цѣлу Ассирію, и преко Тигра рѣке прећемъ у Персію! Гди ти є садъ средиземно море, помыслимъ у себи, пошто се већь касно одъ нѣкогъ у гори козара, да самь у персійской земльи, извѣстимъ. Иди садъ у Грецію. Ово ми є тежко было, што незнаюћи, толикимъ трудомъ одо далѣ, него што самь наумила была, како годъ да ми се само счастіе у томъ противи, да башъ нигда отечество моє не видимъ! Сѣднемъ на землю, исплачемъ се и мало одморимъ, пакъ опетъ устанемъ, и по управленію онога окренемъ путъ мой къ Сирія; но то се ніе смѣло правымъ

путемъ иѣи; заузмемсе преко планина, мыслећи, нећу я у напредакъ никога пытати, но даньомъ сунце, а ноћомъ мѣсецъ за сопутнице себи узимати, и за ньовимъ одомъ слѣдовати. Будући да ови теченіе своє одъ востока къ западу имаю, па кою и греческа земля лежи; то ће ме найболѣ они извѣстити, нити смемъ выше кога пытати, да се не нађе кои, те ме неупути у восточну Индію. Заиста добро си се сетила, рекне Велимиръ, да си тако и найпре поступила. Еле што ћу! одговори она, заръ ми бы суђено, да и Персію видимъ. О! красна є то земля, мой Велимире! плодна и изобиля свачимъ на свѣту. А и народъ є персійскій, колико самъ, као мимогредъ, искусити могла, просвѣштенія и нешто изображенія, него макаръ кои другій у Азіи. Кадъ већъ изиђемъ изъ персійске землѣ, путујући єданъ данъ преко Ассиріе, буде ми врло зло. Што ћу садъ моє неволѣ! Само да ми є у какву варошь или село доћи, помыслимъ. Изиђемъ на великій друмъ и изгледамъ, да бы кога видѣти могла, кои бы ми за найближнѣ показао мѣсто. Ноге су ме већъ сасвимъ издале быле. Алъ ето ти на мою срећу нѣки возара; замолимъ се, те ме узму на кола, и донесу у єдну, поредъ Тигра воде, варошь, и іоштъ ме кодъ нѣкій добры людій намѣсте, гдѣ я две недељ тежко одболуємъ; а ништа друго ніе ми было, но єдну ноћь у горама прозебо; готово у по' лѣта снѣгъ се по планинама забѣли. Но истина є Богъ, Велимире! да ми не бы заръ ни христіяни у нужди веће милосрдіе показали, него што су ми они люди. Они су самномъ турски говорили, но имали су нѣкій свой особитый єзыкъ, а такође и вѣроисповѣданіе, у комъ су се они сунцу кланяли. Када већъ оздравимъ, я имъ лепо на благодѣянію захвалимъ, а они

ме іошть обдаре, и тако на путь одпусте. Мыслимь после у себи, како є у свакому роду и племену добродѣтель благопріятна, и премда насъ закони и исповѣданія раздѣлюю, ништо манѣ ока се обшта быти види, и ню сви законодавцы неотложно препоручую. И човекъ нека є како неваляо, опетъ нѣку радость у себи чувствує, кадъ призна, да є какво добро дѣло сотвориo. Я овде прећемъ Тигръ рѣку, и упутимъ се преко Месопотаміе къ Евфрату, коя Сирію одъ ове землѣ дѣли. Єдва самь чекала, да єданпутъ у Сирію доћемъ, и преко нѣ къ средиземномъ мору поспѣшимъ, као да бы ме тамо готова галія за Грецію чекала, нитъ є моє смртно око предвидити могло, какова ме судба овде очекує! — Упуте ме нѣкіи Аравляни управъ къ Евфрату; рекну ми, да одъ Тавра нѣке планине мало къ западу идемъ. По нѣколико дана укажу ми се сирійске высоке горе! славный Ливанъ, по коєму кедри горде своє главе до облака дигли, гдигди бѣлисе снѣгъ. Хвала Богу, помыслимъ, ево ме већь у Сиріи. Кадъ прећемъ Евфратъ рѣку, доћемъ на єданъ великій друмъ, кои се управо къ сирійскимъ горама управляше. Упутимъ се садъ овымъ; рада бы знати, гди ће ме извести, но нема ко, да ми каже. Кадъ бы кога и смотрила, да за мномъ, или укобъ мени иде, то се несме чекати, нити свакога пытати, но съ друма морамъ се уклонити, пакъ изъ прикрайка гледимъ, єсу ли Турцы или Христіяни; али тко ће ій познати, кадъ имъ є одѣло єднако. Айде тако више поредъ друма, докле уђемъ у велике планине, коє истый друмъ пресѣцаше, мыслимъ у себи, овай друмъ мора у какову велику варошь водити; будући да є широкъ и весма утрвенъ. Идемъ а све се обзиремъ часъ натрагъ, часъ около себе, єрбо

самъ чула, да є опасно туда ићи. На єданпутъ за-'рже конь, тргнемъ се, и натрагъ погледимъ, имамъ шта и видити! цѣла войска Јничара замномъ, пружилисе єданъ за другимъ, да имъ стражньій край ни видѣти нисамъ могла. Они су већъ съ єдногъ пушкомета близу мене были! я сирота, како ій видимъ, онако у стра'у устремимъ се низъ нѣку дубраву, нити самъ гледала, кудъ самъ нагла была, нити осећала, што самъ се сва преко шибльика изгребла. Првый, кои є бьо, повикне, и за мномъ донекле коня ободе; єсть! рекнемъ, немашъ кадъ овамо. Кадъ избѣгнемъ и себе већъ одъ њи у безопасность поставимъ, станемъ за єдно дрво и гледимъ, и мыслимъ до єдно две или три иляде было ій є. Имали су многе црвене баряке, єдва имъ стражньій край исчекамъ. Текъ што ови прођу, и я опетъ къ друму себе управимъ, ал' ето ти за њима други. Онда выше на друмъ изићи нисамъ ни смѣла, но окренемъ преко планина безпутице. Донекле самъ друмъ у очима добро чувала, и по нѣму се управляла, но моє неволѣ по томъ, кадъ друмъ выше видѣти нисамъ могла, а ноћь настане. Опоменемъ се, да су ми казивали, да се страшни зверови туда наоде; мыслимъ гди ћу ноћити; похитимъ што брже могу, да бы гди у полѣ изишла, но всуе. Изићемъ истина изъ оны страшны дубрава, но опетъ дођемъ у нѣке велике шуме, по коима гдикои холмићи вићахусе. И када бы на єданъ изашла у надежди съ нѣга какове поляне или каково село угледати, то бы предъ овымъ лежао другій; и тако ти я цѣла два дана по пустымъ шумама проблудимъ, и страа великій претрпимъ. Чудила самъ се, како самъ првы дана, када самъ побѣгла, много слободнія была, и нисамъ таковый страа, као у тимъ сирійскимъ горама, имала.

Велимиръ слушаюћи ю доће у сожаленіе, наводне му се очи сузама; онъ окрене главу мало на страну, но она то смотри; добрый мой Велимире! рекне му, бесѣда моя тебе на плачъ приводи, и то мени запрештава подробно повѣстъ мою теби казивати! Не! не! рекне Велимиръ, настави само далѣ, да чуємъ, и ништа немой изоставити! На коє она: Трећій данъ рано укажу ми се исподъ брега равнице, преко коій истый онай великій друмъ пружіосе бяше. Видимъ єдно стадо оваца, и текъ што се я нѣму упутимъ, алъ чуємъ нѣкій шумъ одъ воде, ступимъ мало далѣ, и видимъ єдну воденицу, надъ коіомъ съ ужасне высине вода спадаше. Гладна будући пођемъ тамо, смотримъ єдногъ старца, кои при устави іоштъ, како є воду пустіо, стояше. Поздравимъ га и замолимъ се, да ми мало хлѣба даде. Немамъ! рекне ми, но ако можешъ мало причекати, да умѣсимъ єдну погачу. Могу, зашто не, одговоримъ му. Онъ одма засуче рукаве, и разговараюћисе самномъ стане замѣшавати тесто. Пытамъ га, куда тай великій друмъ води; можешъ, рекне ми, њимъ на многе стране. А има ли, велимъ му, ту близу какова варошь; има, како небы было, одвѣшта, кадъ є ту не далеко Алепо! Могу ли, реко, я тамо данасъ доспѣти; іокъ вала! одговори, но сутра можешъ. Одморимъ се дакле ту кодъ нѣга, и мало поєдемъ, пакъ предузмемъ путъ опетъ исподъ шума поредъ великогъ друма. Таманъ што изиђемъ на планину єдну, а сунце теченіє своє совршавати и за горе све већма и већма заходити почне: само єдни кедри послѣднимъ нѣговимъ свѣтомъ врхове своє позлаћаваху. Бацымъ очи на предамномъ лежећу страну, и видимъ єдну велику варошь, но будући да є іоштъ подалеко, судећи, да небы могла за

вида доспѣти, легнемъ ту и преноћимъ. Кадъ се сване, устанемъ и погледимъ, али сунце већъ по Ливану грануло, и опетъ врхове высоки кедрова озарило; данъ прекрасный, воздухъ здравъ и укрепителный, кои чисто човека оживлява, и весела твори. Видимъ подъ нѣкимъ шумама лѣпе винограде и многе воћняке, поћемъ тамо, кадъ ал' у єдной башчи прекрасне кайсіе жутесе као смилъ, одъ коій мирисъ воздухомъ на далеко осетити се могаше; крушне и одъ силна рода гране се поломиле бяху. Зажели ми се коју узбрати, и онако уморна мало уста поквасити; но у истомъ моємъ намѣренію ето ти предъ мене нѣки ловачки паса, залаю и потрче къ мени, на коє изкрсну седамъ Турака! моє жалости садъ! побѣћи се не може. Одъ страа сва пребледимъ! Не бойсе! рекне ми, но айде съ нама. Ту ти се а учинимъ ньіова ловитва. Узму ме двоица и поведу нѣкудъ, а прочіи оду у ловъ. Идемъ съ овима, а ноге подамомъ клецаю, мыслимъ у себи, ћу ли моћи какогодъ побѣћи; кадъ ал' на єдной ливади видимъ нѣке хатове и три Арапина, гди ій провоћаю, и мало далѣ подъ єднымъ великимъ и одъ шуме мало удалѣнымъ растомъ нѣку Господу, гди седе и частесе. Они сви бяху богато одевени, но на єдномъ особито блисташесе злато, и по прсима драгоцѣнно каменѣ. За кога ми рекну ови, да є то Паша изъ Алеппа, но да му учинимъ по пристойности поклоненіе. Кадъ приступимъ ближе, поклонимъ се найпре Паши, а по томъ свима редомъ. Они сви погледе на мене, и пытаю ове, гди су ме нашли, и єсамъ ли Христіянинъ; ови имъ на то одговоре. Онда Паша заповѣди, да ми даду єсти, но жалостно ми єло! мыслимъ, шта ће одъ мене быти. Притворимъ се найпосле, као и да не маримъ, што ме

ухватише, да ме небы строго чували. Пытаю ме, одкуда самъ, на коє рекнемъ имъ, да самъ изъ Єрусалима, но да сада идемъ изъ Орфа. На то они погледаюћи на мене окрену нешто аравійски, коє я нисамъ могла разумети. Кадъ се ту почасте, изиђу мало съ пушкама у ловъ, пролутаю коєкудъ по шуми, пакъ доћу, сѣдну на хатове и оду, а оной двоицы заповѣде да мене доведу. Порано стигнемо у варошъ, гледимъ градъ великій и крѣпакъ, силно людство разны єзыка и Христіяна млого. Уведу ме у гордый Пашинъ дворъ, и идемъ сирота, као овца на кланѣ! Удивимъ се, кадъ бидимъ, колико ту служителя бяше, и како є свако весело и добре волѣ: скупесе око мене, као на какво чудо; отимаюсе, кои ће пре самномъ говорити. Кажу ми, каковый є ту обычай, кои какову службу извршує и проча: увѣраваюћи ме, да ће ми добро быти; онда и я тугу мою мало позаборавимъ. Почнемъ се съ њима слагати, и до душе добро ми буде. Али я самъ у непрестаномъ намѣреню была побѣћи, и за нѣкомъ самъ приликомъ, коя є у Кипръ намѣравала, чекала. Єданъ ме тако увѣштавао, да причекамъ нѣкій карванъ, кои у Кипръ полазаше. Чекай данасъ, чекай сутра, измакнусе два месеца!! Паша имаћаше єдну лѣпу око єдно 16 година кћерь, именомъ *Динасъ*, у ономъ будући возрасту, кадъ срдце природне само даре показивати почне. Она гледећи мене у мужкимъ альинама, зачне къ мени любовь! Изъ почетка знаюћи строгій законъ турскій, любовь є свою потайно у срдцу хранила; но мало, докле іой се ова у такову страсть преобрати, да побѣди свакій страа, доће къ мени, и каже ми, да она мене смртно люби. Иди женска главо! рекнемъ у себи, не лудуй! кадъ не знашъ, да те очи и мужке ове альине ва-

раю. Несмемъ, да іой се кажемъ, но станемъ ю молити и увѣштавати, да ме се окане, и у погибель ме какову не бацы. Но ова ме стане подговарати, да кудъ заєдно побѣгнемо. Што ћу моє неволѣ и съ ньомъ! Кажемъ іой, да я то несмѣмъ чинити ни пошто. Господинъ имаћаше іоштъ два сынчића мала, коє самъ я сваій данъ у учинште кодъ нѣки попова, гди се само господска дѣца уче, водити морала; и кадъ бы ій тамо одвела, морала бы и сама време оно съ њима у училишту одсѣдити, и опетъ ій дома довести. Ту самъ се мало ползовала, како у аравійскомъ єзыку, на комъ се одрастлой дѣцы наука кодъ њи предає, тако и у науки. Єданпутъ, кадъ доведемъ дѣцу дома, узмемъ кньигу и уђемъ у башту, кою Господинъ поредъ двора имаћаше, сѣднемъ подъ єдно дрво у хладъ, и текъ што почнемъ читати, ал' ето ти ми Динасъ доће; я знаюћій строгій турскій у томъ законъ, да се несме за главу са женскимъ поломъ разговарати, уплашимъ се и хтедо да се одтудъ уклонимъ. Не бойсе! рекне ми, я самъ врата баштена затворила, не може нико доћи. Сѣдне кодъ мене и поведе ласкателный самномъ о любови разговоръ. Я незнаюћи кудъ камо, разговарамъ се, а све презамъ, да насъ тко одкудъ не смотри; ал' ето ти намъ одъ нѣкудъ Султане (єдне одъ двана-єстъ, коє є Паша држао, девояка), и кою є онъ одъ свію найвећма любіо! и како ю видимъ, проћу ме мрави, устанемъ, и као невешта мало се удалимъ. Али ова' почне намъ пребацывати, да є насъ загрлѣне ту смотрила, но зато, вели, вы се ништа не бойте! Ако ме пріимите у ваше дружство, я васъ издати нећу. Почну дакле обадве у томъ настоявати, и мене у свою мрежу ловити, увѣраваюћи ме, да се я ништа не боимъ, и да оне

могу самномъ потайну любовъ проводити. Опредѣле време и мѣсто, гди ћемо се састати. Я у оваковомъ обстоятелству шта самъ друго знала мыслити, но да имъ се искажемъ, али у овима до тога ніе дошло. Кадъ єданпутъ у вече доста поздно салете оне мене, да изиђемо опетъ у башту на диванъ мало. Што ћу, никако се одрећи нисамъ могла, дай да имъ учинимъ по вольи. Оне таки завію себи чалме, и навуку на себе мужка цубета, пакъ айде самномъ. Уђемо у башту, мѣсечина као данъ, склонимосе подъ сѣнке нѣки густолиственны дрва, гди су оне іоштъ заранiе частъ нѣку преправиле быле. Сѣднемо ту и тихо разговоръ поведемо. Разговарамъ се, а често нисамъ при себи; мыслећи, шта ће найпосле одъ мене съ њима быти. Да имъ се издамъ, боимъ се прочућесе, да побѣгнемъ, не знамъ како ћу, ако ухвате, страдаћу; као нѣкіи, кое самъ за истый узрокъ страдати гледала. Седећи имъ тако клоцну одъ баште врата! Све тры ужаснуте на ону страну погледимо; кадъ ал' старацъ, кои девойке у двору чува, напредъ, а Господинъ нашъ лагано за њимъ управъ къ нама иду! Господину се голый мачъ у руцы спроћу мѣсеца засветли: онда мы по башти кудъ коя бѣжи, я моіомъ срећомъ погодимъ крозъ нѣкій великій олукъ, кои преко баште на полѣ излазаше, и тако свой животъ спасемъ. Но ту ноћь изъ вароши изиђи нисамъ могла, ухвате ме, и сутра данъ предъ Господина доведу. Да самъ се была уплашила, самъ можешъ знати, но само зато, што му се садъ, да самъ девойка, издати морамъ. Али заключимъ у себи, да се неиздаємъ, докле ме годъ на погубленіе не поведу. Динасъ є предъ отцемъ сузама обливена клечала, а Султана є затворена и на смрть осуђена была, кою пресу-

ду и мени садъ изрекне. Я паднемъ предъ нѣга на колѣна и измолимъ, да ме баръ за три дана у тавницы задржи, а четвртый данъ некъ се изврши нѣгова воля. На ову просбу срећомъ моіомъ онъ се склони. Одведу ме у тавницу и затворе. Я самъ знала за цѣло, да ће ми се животъ опростити, докле мою невиность засведочимъ, и да самъ дѣвойка себе издамъ. Но пытанѣ є, шта ће далѣ са мномъ быти. Кадъ другу ноћь, тргнемъ се иза сна, алъ неко тавницу одздолъ прокопава! Стала самъ у буцакъ и у помрчини слушамъ! — У єданпутъ осетимъ, да се нѣко у другомъ буцаку провуче, и у тавницу уће. Гди си? лагано на мене викне. Я му се у помрчини явимъ, а онъ ме счепа за руку, и крозъ исту рупу, куда є се провукао, спусти ме у нѣкій подрумъ, изъ подрума по томъ изведе ме наполѣ; кадъ тамо, ал' њи троица чекаю. Измећу овы' єданъ, кои наличіе на образу имаћаше, мане рукомъ, да му послѣдуємъ а прочи нѣкудъ оду. Я садъ айде за овымъ. Ухвати ме за руку, и крозъ нѣке тѣсне сокачиће изведе ме до изванъ вароши, даде ми єдно писмо у руку и рекне, да бѣгамъ, што брже могу. Я сирота на вратъ на носъ бѣжи! Дошемъ у єдну шуму. Кадъ се већъ сване, развіемъ писмо и читамъ, коє се овако починѣ: „Любезный мой! Любовь є мене убѣдила, животъ мой за тебе жертвовати! Я самъ люде послала, да те изъ тавнице избаве; ты садъ бежи, куда знашъ! и спомениссе кадгодъ твоє Дине, коя ти съ неразумномъ любовію своіомъ мало животъ одузела ніе!! Но помысли, да те є опетъ спасла, премда ће ю скупо стати, и признай, да она безъ тебе на вѣки несрећна остає! — “ Ово є мене сасвимъ опечалило, даде ми се на жао, и ту се исплачемъ, пакъ онда у име Божіе окренемъ

путъ у Анатолію; будући су нѣкіи у двору знали, да самъ я на средиземно море ићи намѣравала, дакле садъ тамо нисамъ смѣла. По дугомъ времену, труду и стра'у пређемъ цѣлу Анатолію и подъ саму єсень стигнемъ у нѣку на єдномъ Архипелага краю варошь, именомъ Смирну. За презимити ми станемъ кодъ нѣкогъ христіянскогъ закона трговца у службу; и у мѣсто заостати ми до пролећа, годину и по' проведемъ: живила самъ кодъ нѣга какогодъ кодъ родителя. Посао никаковый тежакъ нисамъ имала, само што самъ у дућану продавала. Не бы самъ се толико дуго, макаръ ми како добро было, задржати могла, но будући онъ нѣку свою галію изъ Цариграда шиляти намѣраваше, наумимъ дакле на той галіи у Цариградъ поћи. Али єдва чакъ трећій путъ улучимъ кодъ нѣга то желаніе, да ме на галіи пошлѣ. Я съ неисказаномъ радосћу сѣднемъ на галію, мыслимъ у себи, лако ћу я у Цариграду людій наћи, кои ће мене у отечество мое послати. Кадъ другій данъ ухвати насъ противный вѣтаръ! таковый стра'што смо претрпили, описати ти не могу. Єданъ данъ цѣлый и две ноћи непрестано є ужасна баря насъ терала. Найпосле ни сами матроси знали нису, гди се подъ страшнимъ облацыма на води находимо! докъ у єданпутъ удари намъ галія о єдну камениту стѣну, и сва се раздроби: но дао Богъ, близу єдне аде, те се я, два матроса, и єдно истога Господара служче коєкако спасемо, и у аду испливамо, а прочи се сви подаве! Дванаєстъ дана у той ади проведемо, нигди никога да насъ избави! Живили смо о самимъ смоквама, коє смо изъ галіє добыти могли. Тринаєстый данъ после подне угледамо єдну малу галійцу, на коіой црвене баряке ветаръ колебаше. Притрче къ брегу наши

матрози и стану викати. На кое они чувши окрену управъ къ нами. Боже помози! рекнемо, съ благоволеніемъ на ньи, као на наше избавителѣ гледимо, и съ брега єдва чекамо, да ій видимо, тко су и какови су люди. Но наше и овде жалости! не буду намъ они, за кое смо ій мы држали. Како су се съ галіомъ къ брегу приближили, наши су матрози одма примѣтили, да су они морске пустаіе, кои не само, када кодъ кога што нађу, оплѣне, но іоштъ заробе и на оне галіе, гди се вѣчито радити мора, за новце продаду! Мы смо садъ хотѣли одъ ньи побѣћи, али то є доцне было. Они како къ брегу приступе, искоче на полѣ и пушке на насъ окрену! мы се одма предамо и у галію уђемо. Было є ньи до 22. Одкуда су были, знати нисмо могли. Я самъ доста свѣта прошла, но онаковы людій и оногъ ношива видила нисамъ. Кадъ бы се разговарали, съ великимъ вниманіемъ слушала бы, да бы штогодъ разумѣти могла, но ни рѣчи. Крену галію, и текъ што се мало удалимо, смркнесе. Другій данъ увеземосе у єдно између нѣки планина узко море, ту се зауставимо, ньи 10. изиђу изъ галіе, и оду нѣкудъ у планину, а мы сви у галіи поредъ брега заостанемо. Єсти и пити давали су намъ доста, и нису намъ ни у чему выше тиранства показивали. Кадъ четвртый данъ ето ти намъ одъ оны 10 само двоица, и трећега ранява и већь полумртва носе. Ови кадъ то виде, одма платна дигну, и галію одъ брега одтисну. Три педелѣ дана, мой Велимире! све єднако по мору овамо онамо мутилисмо; обишлисмо, може быти цѣлый Архипелагъ, и то све ноћомъ. Почесто бы запытала матрозе, гди смо садъ, но и они сами свакій путъ нису знали; докле найпосле пре нѣколико дана познамо, да смо близу Патмоса,

гди смо се четири дана бавили; оданде око по' ноћи кренемосе, те насъ одономадъ ужасна она буря и ветаръ ухвати! као што кажешъ, да си одъ нѣкудъ гледао, то смо мы были. По дугомъ бореню удари намъ галія о брегъ, и сва се раздроби; али сви се готово изъ воде спасемо. Мене већь одъ страа полумртву изнесу. Кадъ се сване; ал' моій два друга, єданъ матросъ и служче, нема ій. Они садъ почну подъ онымъ брегомъ свою велику ораницу, кою су поредъ галіе имали, оправляти, да на њой иду. Я видећи њи при послу томъ позабавлѣне, умакнемъ се мало у овай островъ, успенѣмъ се на найвышшій онай брегъ, мотримъ, да бы гди какову варошь или село, куда бы се побѣћи могло, видила, но нигди! Сѣднемъ подъ єдно дрво, и будући толико ноћій сна имала нисамь, заспимъ, као мртва. Кадъ се пробудимъ и погледимъ, ужаснемъ се, кадъ видимъ небо звѣздама посеяно; ноћь вай коє доба! тишина, нигдѣ се ништа нечуе. Нисамъ смѣла никудъ ни корачити, легнемъ опетъ и мыслимъ, да ли су они мене тражили. Међутимъ сванесе, устанемъ, и лагано спустимъ се низъ брегъ, бацымъ очи на оно мѣсто, гди самь ій оставила, нема нигди никога, оправили ораницу и отишли, а мене сироту оставили! Одъ єдне стране радовала самь се, што ме Богъ одъ њи избави, а одъ друге скорбила самь и мыслила, куда ћу садъ. Тко бы се игда надао, да ће благодатно небо тебе на избавленіе моє послати. Ето ти, мой Велимире! цѣла моя у кратко, одъ како смо се разстали, до данасъ повѣсть, Я самь теби само знаменита моя приключенія, као мимогредъ казала, гди самь сирѣчь првый путъ у Азію донешена, гди самь се колико бавила, како ми є было, и како самь изъ єдногъ мѣста у друго бѣ-

гала, кадъ самь се по пустињама скитала и што самь патила. А што самь по оной части свѣта, кою самь обишла, видила, какови су народи, какови њіови обычаи, каковогъ характера, какова су њіова рукодѣлія, производи земни и проча овакова, коя самь искусити и познати могла, биће време, када ћу ти сообштити. Но са истомъ жељомъ я садъ одъ тебе очекуемъ, да ми повѣсть я страданя твоя исповедишъ, особито одкуда те Богъ овде донесе, чему се нигда, докле самь жива, начудити не могу. . Велимиръ пуштенъ у мысли поћути мало; потомъ рекне іой: заиста Босилько! мене є божественна твоя душа тако узхитила, да ти чисто завидимъ; ты си веће у твоимъ паденіяма и претрпѣніяма хороичество и великодушіе показала, него што самь я у моимъ; чудо, да си жива остала! Я се и сама чудимъ, одговори му, али што самь знала чинити, земля тврда, а небо высоко, што наши стари кажу, и у свима моимъ страданіяма найгоре, найужасніе было є за мене ономадашнѣ кораблѣкрушеніе! Вѣруй ми Велилире! кадъ є насъ свирѣпа она буря ноћомъ међу тимъ планинама ухватила, я самь у ономъ стра'у, у мысли и духу момъ као на крилима на небо узлетила тако, да ми се чинило, да є у галіи, кою таласи ужасно садъ на єдну садъ на другу страну колебаю, сама трупина моя безъ душе была. Я се молити нисамь имала кадъ, но само вообразила самь себи, да самь на небу, и да предъ престоломъ всевышнѣгъ Цара клечимъ, нит' самь смѣла мысль мою на море возвратити, нити очи, да страшту око себе погледимъ, отворити; не вѣруемъ, да бы у тай ма' и у таковомъ момъ расположенію и осѣтила, кадъ бы се удавила, како годъ што нисамь осѣтила, кадъ су ме изъ мора, у коему самь се

већь сланомъ водомъ гушила, на брегъ изнели. Велимиръ уздане: бѣдный човекъ! коликимъ є погибелима на овомъ свѣту подвргнутъ, ков нѣгово смртно око не види, докъ у ньи не падне. Блаженъ и преблаженъ свакій смртный! было сирома, было богатъ, было ученъ или простакъ, кои само праведно и добродѣтелно животъ свой проводи, кои тврду вѣру и надежду на Творца своегъ полаже, и кои право своє на овомъ свѣту благополучіє, а на другомъ блаженство на єдной само добродѣтельи оснива. Я ћу теби повѣсть и све мов случаєве такође казати; али оставимо то засадъ на друго време, а гледаймо, кудъ ћемо одовудъ, и како бы се у отечество отићи могло. О! колікій комадъ свѣта насъ одъ нѣга разставля! Я се ово дана овде близу у єдномъ граду съ нѣкіи Црногорцы находимъ. Тай истый мой другъ, кои намѣрава скоро дома полазити, зове ме са собомъ, а отацъ му намѣрава у Єрусалимъ ићи. Но одкудъ се тіи люди ту находе, упыта она, не обитава ли тай островъ одкуда Србскій народъ? Не! рекне Велимиръ, но само єдно изъ нѣколико особа содружество случайно ту дође изъ Црне-Горе, о комъ ћешъ се извѣстити. Но айдмо мы садъ у градъ, нећемо тога ни чекати, пакъ ћемо се договорити, и кадъ бы се пошло, извѣстити. Люди су врло добри, за трошакъ се ніє старати. То ће за насъ добро быти, придода она, мы изъ Црне-Горе сувимъ безбѣдно можемо у Сербію прећи. Сатимъ дођу къ мѣсту наспрамъ града, гди застану момке съ ораницомъ. Они и нечекаюћи Міята превезусе у градъ. Каже Велимиръ у граду, да є овай младићъ (за Босильку) одономадъ ноћомъ кораблѣкрушеніє трпіо, да є нѣму познатъ, и да є и онъ зароблѣнъ было и проч. У вече дође имъ и Міятъ,

каже имъ, да ій є тражіо на острову, и да є на њи исчекивао. После неколико дана старацъ почне се за Єрусалимъ спремати, учини частъ, провеселесе и почасте три четири дана. Міятъ заключи съ осталима ни єданъ данъ после старца у граду се задржавати. Велимиръ се садъ рѣши съ њима у Црну-Гору ићи. Нуждно му буде дакле у Паѳеру, за наћи єдну галію, отићи, зовне и Велимира. Велимиръ и Босилька пођу съ њима. Кадъ кодђу у варошь, стану у єданъ гостолникъ на конакъ. Сутра данъ Велимиръ съ Босилькомъ оде къ своимъ благодѣтельима, и каже Міяту, гди ће быти. Кадъ га виде овіи, зачудесе и сви му се срадую, као да є изъ мртвы' воскресао. Кажу му, како су мыслили, да є већь у ономъ граду погинуо. Нисамь, вели имъ, я у граду ни быо, но бавіо самь се све до данасъ кодъ пастира. Каже имъ по томъ, како є друга у острову нашао и проч. Онъ є, вели, изъ Црне-Горе поредъ Албаніе, имаде већь и своє дружство, съ коимъ одлазити у Црну-Гору намѣрава, будући да самь и я съ њима намысліо, зато дошао самь Васъ као благодѣтелѣ моє посѣтити, на благодѣянію и любови вашой захвалити, последныій путъ съ Богомъ остайте! Вамъ дорећи. Радуємъ се, придода, да самь Васъ све дома застао. Мы смо башъ синоћь дошли, одговоре они, будући да є данасъ неделя, валя намъ у цркву ићи. Пакъ кадъ мыслите полазити, упыта Господинъ, и гди вамъ є то дружство? Мораћемо се кои данъ са галіомъ задржати, а дружство намъ є ту у єдномъ гостилнику на конаку. Кадъ є тако, сынко! да башъ отлазити морашъ, а ты заостани съ твоимъ другомъ кодъ насъ, докле ти се дружство спреми; я самь, вели му, нѣко намѣреніе друго имао съ тобомъ, али знаюћи, какову симпа-

тію имашъ у отечество се повратити, нећу ти волѣ кварити. Велимиръ се поклони, захвали му, и ту седамъ дана, докле є галія за њи оправлѣна была, съ Босилькомъ као гостъ пребуде. Осмый данъ башъ у неделю, кадъ сви опетъ дома дођу, ето ти имъ Міята рано, каже имъ, да є све преправно, но само да се у име Бога дође. Благодѣтель Велимировъ замоли Міята, да баръ при ручку заостану, и после подне кренусе. На кое Міятъ тихо Велимиру: я не бранимъ Велимире! кадъ насъ поштенъ човекъ зауставля, да останемо при ручку, моћи ћемо и у цркву отићи; но айде ты, вели, єданъ часъ, да се съ отцемъ опростишъ. Онъ є синоћь съ нама на галіи дошао, и не може се задржавати. Велимиръ на то одма съ Босилькомъ пођу тамо. Галія имъ бяше мало одъ вароши поудалѣна. Старацъ подупросе на штапъ, изгледа на њи: айдете дѣцо! рекне имъ, кадъ ій види, кренитесе у име Божіе, да васъ баръ очима до некле испратимъ, Богъ зна оћемо ли се кадъ видити. То рекавши заплачесе. Ао, мой отацъ! рекне му Велимиръ, и башъ нећете съ нама? Нећу сынко! я у име Божіе съ дружствомъ моимъ намѣравамъ света мѣста посѣтити; што самъ предъ Богомъ завѣштао, валя да испунимъ: но вы у име Божіе идите! и мене, ако буде нѣгова света воля, после єдне године дана чекайте. На галію су сви дошли и све, што су у граду имали, пренели, и градъ пустъ оставили. Кажу овіи, да су у вароши звани на ручакъ, и да ће болѣ быти, после подне кренутисе. Добро! рекне имъ старацъ, а вы отидите баремъ и у цркву, али я васъ чекати не могу, боимсе, да одъ дружства не заостанемъ: но простите ми, любезна моя дѣцо! простите ми, и немойте на вашегъ старогъ отца заборавити. На то за-

плачусе сви, излюбесе съ њимъ срдечно и опросте, желећи они њму у Єрусалимъ, а онъ њима у отечество свое, срећанъ путъ. Сѣдне съ двоицомъ на єдну ораницу и оде, а ови га съ галіє до за нѣкій брегъ, за кои се изливъ тай мора савіяше, очима испрате. Онда рекне Міятъ осталимъ, да сготове ручакъ и ручаю, мы ћемо, придода, у вароши ручати и после ручка одма ћемо се кренути: идући у варошъ, пыта га Велимиръ, врати ли се старый садъ у градъ, и съ кимъ намѣрава у Єрусалимъ. Што ће выше у градъ, одговори овай, мы смо изъ града ово дана све на галію пренели, и њму овде близу у єдномъ острову дружство за Єрусалимъ нашли; срећомъ, вели, наће нѣке Грке, кои тамо полазе, и онъ сада управъ къ њима оде. Овако у разговору доспѣду у цркву, одстое свету службу, и съ онымъ истимъ Господиномъ оду на ручакъ. У довольномъ при трапези разговору почне Господинъ и Госпоя нѣгова Велимира, да кодъ њи остане, уставляти. Мы смо, веле му, овы дана люде шиляли, те су те свуда по острову тражили, и были смо се уплашили, да ниси у онай градъ, како намъ є Димитріе казивао, отишао, и тамо погинуо: зато смо ти се овако и срадовали, кадъ смо те видили. Но ако се можешъ приволети, да кодъ насъ останешъ, мы ћемо се о твомъ счастію постарати. Ты у нама можешъ твое родителѣ сматрати. Добро, мои благодѣтельи! одговори имъ Велимиръ, я Вамъ за вашу родительску къ мени любовь, кое сте ме выше него што самъ я достоянъ, удостоявали, дужанъ на свагда остаємъ. Ваша сладка имена до смрти мое на момъ срдцу записана остаю, и Ваша любезна лица у воспоминанію момъ представляће се свагда мени предъ очи: али извините добротомъ и разумомъ своимъ єд-

нога сына, кога любовь къ родительима своима силно убеђава, не само счастіе свое, кое бы онъ, на вѣки одъ ньи разлученъ, уживао, одбацыти; но кои и животъ за свое родителѣ жертвовати не мари. Я мое родителѣ — хоћаше рѣчь продужити, али Госпоя пресѣче му и рекне: Красна добродѣтельи! зашто ты страдати морашъ? Добри родительи! како бы Вамъ было, кадъ бы Вамъ Богъ овакогъ сына опетъ повратіо, кадъ га мы као странногъ толико любимо. Повратиће, рекне Господинъ, зато га є Богъ чрезъ толике погибели до данасъ и сохраніо. Єли далеко твое отечество одъ Црне-Горе, запыта. Доста є подалеко, одговори Велимиръ, али се сувымъ и безбѣдно оданде отиђи може. . И тако далѣ у разговору при трапези проведу. Найпосле навали Міятъ да се иде. Господинъ зовне Велимира у другу собу, пыта га, єли какво дружство, съ коимъ полази. Добри су люди, одговори Велимиръ; они се мени обѣћаваю, да ће ме одонудъ и у Сербію о ньіовомъ трошку послати. Но хвала Богу! рекне му, то ми є драго; извади му нѣколико дуката: ево сынко! некъ имашъ мало новца кодъ себе. А ово ћешъ, кадъ већь одете, дати твоме другу. Велимиръ нехоћаше да пріими, изговараюћисе, да му ніе нуждно, и да є онъ нѣму довольно већь добра учиніо. Не! не! сынко! узми ты то, пакъ ћути! Богъ зна кадъ ће мени прилика донети, да я у овакой потреби по могућству мому кога обдаримъ; редки су случаи, да човекъ милостиню, башъ гди треба, учиня. Сатимъ изиђу. Велимиръ захвали любезно, полюбисе са свима у дому, и съ тежкимъ срцемъ одъ честны овы христіяна, као да є съ ньима рођенъ, разстанесе. Поће, и нѣколико путій плачевне свое очи на ньи обрати. Они гледе за ньимъ и као за

сыномъ плачу. Димитріе га у разговору до галіе допрати. Дружство є у преправности нестрпѣливо на ньи изгледало, и момцы су весла и копля, да галію одъ брега отисну, у рукама држали. Міятъ и Босилька полюбесе съ Димитріемъ, пакъ уђу у галію; а Велимиръ іоштъ мало съ њимъ на брегу се позадржи. Напоследакъ загрле єданъ другогъ, поліюсе изъ очію росомъ любве. Съ Богомъ, любезный мой! но о! како тежко пада добрымъ пріятельима на вѣки съ Богомъ рећи! Сатимъ се разстану. Онъ уђе у галію; а овай се врати къ родительима своима.

У галіи бяше и нѣколико странны лица (Грка) кои су у Албанію полазили. Отиснусе таки одъ брега, и кадъ се мало поудале, каже Милица Міятова кћи Велимиру, да є Господинъ, кодъ кога су ручали, у галію дао донети єдну двойку лепа Самскогъ вина, єдно буренце ракіе, єдно печено ягнѣ и нѣколико хлѣбова, и рекао, да є то Велимиру и нѣговомъ другу на путъ дано. О божественны людій! рекне Велимиръ, шта су они то чинили! а нису ми рѣчи о томъ проговорили. Подражанія достойный примѣре! Мало имъ се чинило, што су ми доброту свою у дому показали, него іоштъ потайно потребу мени за путъ донели! Они слѣдуюћу ноћь упливаю у велико море. Нѣколико дана путовали су све Архипелагомъ, по комъ су дивни они и безчислени острови, као кави царски украшени вертогради подъ тихимъ онымъ небомъ поврхность землѣ разнымъ и изряднымъ плодомъ богато покривени, подъ благоразстворенымъ онымъ воздухомъ люди здрави, хитроумни и пуни живости. Жаркій онай у лѣто изъ Африке воздухъ прохладителный са сви страна по мору

зефири разствараю и климу умѣрену и здраву чине. Села и вароши свуда се бѣле, и премда по новомъ вкусу сазидане нису, опетъ взоръ на себе привлаче. Древна и тисућелѣтна зданія, коя су славни они Грчески цареви и Господа зидати давали, стѣне већъ одъ старине црне и зелене, каменъ камену прирастіо, одъ рода въ родъ остаю. Чудне премѣне овога свѣта! у сожалѣнію рекне Велимиръ, да ли се игда мыслити могло, да ће чудесный овай народъ, кои є међ' осталыма као сунце међу звѣздама у оно време свѣтліо, и кои є цѣлый родъ човеческій наукомъ и мудросћу озаріо, овако пасти и уничтоженъ быти! и да ће се кадгодъ славна Греція, мати мудрости, турска варварія назвати! На коє рекне єданъ одъ собесѣдующи: Доћи ће време, у комъ ће се опетъ овай народъ пробудити. Злато некъ стои макаръ колико у земльи, иструнути неће. Они овако у разговору између Крете и острова Циѳере увезусе у средиземно море; овымъ потомъ упливаю у Адріатическо. Време имъ є добро служило, ветаръ су свуда благопоспѣшный имали, путовали су безбѣдно и весело. . На мору колико є годъ, у случаю страшне бурѣ, ужасно и бѣдно, да се описати не може, путовати; толико є напротивъ у доброй погоди и лѣпомъ времену за мореплавателѣ пріятно и весело: море будући, кадъ буря ніе, стои недвижимо, и вода по своемъ єстеству свуда є равна: они дигну вѣтренна платна, пакъ кадъ имъ и малый вѣтаръ са страгъ дуне, лети имъ галія као годъ на крилима, а они стану, и гледе неизмѣрный и равный око себе просторъ безъ найманѣгъ гди предмета, само єдну воду, кою плаветно небо покрива. Донекле тако; а по томъ внезапу съ коегодъ стране зацрнесе планине, кое се

дуго одъ облака разазнати не могу; и све, што имъ се ближе приступа, чинесе као да се изъ мора већма и већма горе уздижу. Кадъ се пакъ поредъ каковогъ острова удари, и у нѣга се човекъ загледи, рекао бы да се съ галіомъ утркує. Овде се црне высоке горе, онде се беле вароши и села; на єданпутъ изчезну какове галіе, кое или мимогредъ или укобъ, иду, на њима црвени баряцы, съ коима се тихи съ мора зефири око высоки катаркій играю; кадъ се сретну, єдна се другой срадує, и съ топови изъ далека єдна другу поздрави, особито іошть, кадъ се догоди весело и шальиво у галіи дружство, при комъ се задремати не може, не бы браніо чрезъ цѣлый животъ по мору одити. Тамо єдни играю, други съ картама време проводе, нѣки пѣваю, други опетъ у тамбуре бію, као да су у сватовима. Даньомъ се кадъ кои мало и стиди, али ноћомъ, кадъ є месечина, шта се одъ њи не чини. Оваково є садъ плаваніе Велимиру и нѣговой любезной путуюћи имъ у Црну-Гору было. Они нису ни осѣтили, како су толикій путъ прешли, и зачудили су се, кадъ имъ се Црногорске планине укажу. Они су нѣкій путъ съ дружствомъ проводили, нѣкій путъ Велимиръ, казиваюћи іой повѣсть свою, другда пакъ читали бы што, или бы разговоръ о лепымъ и полезнымъ стварма имали, и тако другій данъ Дуо'ва у Црну-Гору приспѣду. Подне текъ превалило бяше, врућина велика; приступе съ галіомъ подъ єдну шуму къ брегу; ту стану и ужину справляти почну. Ови двоє искоче на брегъ. Но, хвала Богу, да смо тато мирно дошли; садъ као да смо у милой нашой Сербіи. Зажелили се већь сувомъ земльомъ проћи, поћу мало брегомъ поредъ мора, кои высоки и разгранати растови осѣнява'у. Одовудъ се ве-

лика гора пружила бяше. Ньіовъ є разговоръ садъ быо, како ће у отечество; заключе ту дуго се не задржавати. Онъ ню увѣштаваше, и съ ньоме се совѣтоваше, да се ни овде не издае, но у мужкимъ альинама у Сербію да иде. Кадъ се врате къ галіи, поужинаю, и предъ саму ноћь съ Міятомъ прекo планина у Никшиће нѣгово село пођу: а съ галіомъ, рекне Міятъ, да на нѣко друго мѣсто иду, гди ће имъ се ближе ствари изнети моћи. У планини замркну и преноће. Сутра данъ предъ подне угледаю съ высоке горе Никшиће, и іоштъ єдно на страни мало ближе селце, коє се *Бело-Поље* именує. Ово бяше на нѣкой равницы; съ єдне стране лѣпе шуме зеленесе, съ друге брда съ многима виноградима и воћняцыма. Міятъ имаюћи нѣкій свой у Бѣломъ-Полю посао, рекне овима, да иду у Никшиће, коє имъ рукомъ покаже, и да запытаю за старца Манойла домъ, казаће вамъ и мало дѣте; єрбо, вели, трудно бы за васъ было самномъ овамо заилазити, а я ћу таки доћи. Добро, рекне му Велимиръ, иди ты за своимъ посломъ, мы ћемо те дакле у твомъ дому дочекати. Текъ што овай оде, и Велимиръ съ Босилькомъ къ селу се нѣговомъ упути, алъ пукну нѣке у шуми пушке, и затимъ подвикъ людій: аминъ; аминъ! да се сва у наоколо шума разлеже. Ови двоє на то айде тамо да виде, каково є то весело воскличанје. Е, Бога ти! рекне Босилька, куда ћемо опетъ заилазити; данасъ є праздникъ, а ты знашъ обычай Србскій. — О моя Босилька! та зато айдемо! мы смо се већъ и рода нашегъ зажелили; мени се садъ свакій Србинъ утробный братъ чини. О како я радо гледимъ, када се младежь Србска у коло ухвати, а стари на страни сѣде, пакъ ій гледе, како весело и невинно момцы и дѣвойке

играю; мени се многіи Србски обычаи допадаю. Пођу дакле крозъ шуму, кадъ ал' на єдной поляни скупили се млади момцы, пакъ се надбацую съ рамена камена. Ови двоє стали и изъ шуме гледе ій. На то опетъ пушке мало далѣ у шуми пукну, и гласъ као и найпре: аминъ! аминъ! чую. Велимиръ рекне: то вальда су какви сватови; но да се мы одавде мало уклонимо, може насъ тане изъ пушке сгодити. Изиђу дакле къ онима у поляну, сви ликомъ на њи погледе. Велимиръ ій по обычаю поздрави, и за уђи съ њима у разговоръ, како се зове то село запыта; Бело-Полѣ, одговоре они, (на ове плаовито гледећи). Велимиръ погледа на Босильку, како се, коє одъ врућине, коє одъ стида, гди на ню сви взоръ окренули быя'у, зарумепила; какогодъ она ружица, коя се текъ развіяти почне. Онъ ню тихо ободраваше, да се не стиди; но всуе! єстество само и нѣжность она женска образъ свой не промѣнює. Любкость, коя се понѣни красни и стидљиви образи разливаше, премда у мужкимъ альинама она бяше, возхити срце свію овде у собранію младића. Єданъ постаръ човекъ, кои младиће у надбацываню камена ободраваше, говорећи: „Е мой сынко! кадъ самь я тако и тако твога доба быо, другоячіе є мени таковый каменъ съ рамена летіо.“ Приступи къ Велимиру, и запыта га, одкуда є. Каже му Велимиръ, да є родомъ изъ Сербіе, но да сада изъ Грчке иде. По облику, вели, судећи васъ, валя да сте браћа. Браћа да како! одговори Велимиръ, пакъ притрчи къ ономъ, кои каменъ на раме, да га бацы, дигао бяше. Дадъ, рекне му, да и я єданпутъ бацымъ. Овай му даде. Велимиръ узме, стане на право мѣсто, и угађа къ бѣлеги. А они сви съ укоченымъ на њга очима нестрпѣливо и осмеяваюћисе чека'у

да виде, има ли што и у таковомъ отмѣнномъ юноши снаге. Кадъ ти намъ овай хити, и на нѣколико стопа найболѣгъ ньовогъ надбацы, сви се упрепасте и съ воскликомъ: „право! право! повичу“; Божя вѣра! посрами насъ све! Велимиръ благонебрежльиво и као ни мукаетъ доће, и сѣдне кодъ Босильке. Ето ти му опетъ оногъ старца: А да вы нисте дѣца тогъ Господина, што є скоро изъ Сербіе дошао? Сви на то воспряну и тргнусе. Каковогъ Господина? запытаю. Еда л' има каковый, да є скоро изъ Сербіе дошао? Има, рече, єданъ, али му я имена не знамъ! и ту се у шуми данасъ съ нѣкимъ изъ села старѣшинама части; заръ вы, вели, нисте садъ одъ ньи дошли? Ови двоє погледе єдно на друго, и устану таки. Гди є то, добрый старино! Ето ту, вели, таки! само мало шумомъ пођите! нисте чули, придода, гди оне пушке пуцаю, и аминъ у здравлѣ піюћи, вичу; овіи на то управъ тамо пођу; кадъ ал' подъ єднымъ растомъ на зеленой трави седе ньи шесторица, одъ коій три старца съ белымъ брадама, а два мужа среднѣгъ вѣка, и єданъ у зачелю сѣди, крупанъ човекъ, лепо обученъ, на глави имаћаше фесъ одъ црне кадифе, исподъ кога му просѣде власи по раменима пале бия'у. Предъ ньима трапезникъ по трави застртъ, на нѣму печено ягнѣ, колачи и нѣке одъ бѣлогъ порцелана купе, изъ коій напіяю. Они тихо међу собомъ разговараюсе, а нѣколико млады момака на страни пушке пуне, и на ове, кадъ бы кои купу у руку узео да піе, и по обычаю Србскомъ стао бы наздравляти, позорствова'у, пакъ бы нѣгова она желанія съ радостнымъ узкликомъ: аминъ! аминъ! на многа лѣта! потврдили, а затимъ изъ пушака грували, да се сва шума разлеже . Велимиръ и Босилька стали по из-

далека и гледе. Мучесе у себи, што нема тко да имъ каже, кои є тай Господинъ одъ овы, што є скоро изъ Сербіе дошао! мени су, рекне Велимиръ, казивали, да су многіи одъ Господе изъ Сербіе овамо одъ Турака пребѣгли; неће ли быти кои, кои бы наше фамиліе знао. Што не звасмо, вели, старца, да намъ покаже. А зашто не бы мы предъ ньи изишли? рекне Босилька. Я башъ то одъ тебе и очекуємъ, одговоря Велимирь, да идемо дакле, но немой се онако застидити! као предъ онима. Што годь, вели, буду они тебе пытали, я ћу ньіову речь прихватити. Єрбо видимъ, да ты себи воображавашъ, и на нѣкій начинъ чини ти се, да ће те познати, да си девойка. Приступе дакле ближе. И Велимиръ будући како є на нѣколико коракляи напредъ, ню изоставивши, ступіо быо, установи свой взоръ на оногъ у зачелю Господина, и нечаянно тронутъ буде, кадъ позна Милутина, отца Босилькина, кога су се већь опростили были! — Онъ съ удивленѣмъ руке склопи, и онако у смуштенію вратисе Босильки, но збунѣнъ не зна садъ шта да іой рекне! Она на то презне: Шта є Велимире? Онъ іой бацы руку преко рамена, и унило главу свою на прси нѣне наслони, и ништъ не одговори. Но, шта є? Ахъ! любезна моя Босилько! какову благодать предъ Богомъ обрѣтосмо! Буди великодушна! заплакавши се рекне іой: Ево намъ нечаяне радости — радости, коіой се нисмо надали. О, молимъ те Велимире! не мучи ме неизвѣстіемъ! Ево нашегъ отца, рекне онъ, и твогъ любезногъ родителя, кога смо мы у земльи већь разтлѣна быти мыслили! — Могъ родителя? Велимире! шта ты говоришъ? — Како є садъ овой дѣвицы было, кадъ є то чула, свакій чувствителна срдца, да му се и не каже, може зна-

ти. Она є се у внезапной овой радости смутила, и трипутъ съ великимъ устремленѣмъ изъ обятія Велимировы тргнесе да притрчи, и своимъ родителю око врата падне.“ Али Велимиръ ю єдно крѣпко држећи, друго краснорѣчіємъ своимъ увѣштаваюћи, єдва ю мало себи поврати. Пусти ме, сладкій мой! о пусти ме! да баремъ мало ближе приступимъ и видимъ, єли онъ. Велимиръ съ њоме, држећи ю, лагано приступи. Стану обоє за єдно дрво, и у радости дрктаюћи гледе на нѣга. Сладка моя! разсуди сама, да бы си смрть, може быти, твомъ родителю проузроковала, кадъ бы си му се изненада тако появила! Теби є познато нѣгово милостиво и сасвимъ меко срдце! А шта и треба старомъ човеку, кои є већь као она ябука, коя кадъ добро сазрѣ, найманѣ некъ ю што дирне, таки на землю падне. Но слѣдуй момъ совѣту! Да идемо мы одовудъ, и извѣстимосе одъ оногъ старца, обитава ли онъ овде у селу, када є дошао и проч. Босилька се на то приволи, сиђу се дакле къ онимъ у поляну, но старца ту не застану. Запытаю онде друге, тко бы знао домъ оногъ Господина, што є скоро изъ Сербіе дошао. На коє єданъ: „Я знамъ, ако оћете, могу васъ одвести. Они садъ айде за овимъ. Како се приближе селу, одма смотре мало на страни исподъ шуме єданъ великій и лепъ домъ, кои свуда воћемъ окруженъ виђашесе, и на кои имъ вођа руку пружи, говорећи: „То є домъ, за кои вы пытате! идите, вели, управъ овомъ крозъ воће стазицомъ. Велимиръ му хтеде нешто на напитакъ дати. Но овай: „Божія вѣра! я пріимити нећу!“ и сатимъ оде. Ови двоє уђу у дворъ (авлію), преко когъ малый поточићъ одъ єдне на средъ великогъ двора чесме тихо кривудаше: два грдна на ланцу пса огласе ій;

на ков ето ти имъ єдне младе Госпоѕ, погледи съ врата на ньи, пакъ утрчи унутра. Мало затимъ изиђе друга, крупна и већь у годинама жена, у коіой одма овіи познаду любезну помайку свою, сестру Господинову. Она є съ неотвратнымъ на ньи очима све ближе приступала, и ніе ій познати могла, докъ ю ови двоє заплакавшисе не извѣсте. На коє она съ разширенымъ рукама притрчи: Ахъ! сладка и любезна дѣцо моя! одкудъ вы! Падне имъ око врата; истрче и осталіи изъ соба, учинисе свеобштый одъ радости плачъ и испунисе цѣлый дворъ сузногъ веселя. Владимиръ, млађій сынъ Господиновъ, ни рѣчи проговорити ніе могао. Уведу ій садъ унутра и рекну, да се таки по Господина пошлѣ! Не! не! одговори Господинова сестра, я морамъ сама по нѣга ићи, и нѣга къ овой нечаянной радости мало предуготовити. Међутимъ дайте альине! да се намъ Босилька преобуче. Уведу ю дакле у другу собу, и лепо ю у женско одѣло обуку; нема се ту кадъ пытати, одкуда су и како су дошли. Владимиръ гледи нѣне мужке альине; она га загрли и полюби: сладкій мой брача! подъ тимъ самь я альинама две године твоє име носила. Я како самь ньи првый нутъ обукла, морала самь и име мужко на себе узети. Када Госпоя отрчи по Господина, запытаю овіи за Владислава, гди є и єли живъ. Живъ є, рекну, наново заплакавшисе, и живиће довѣка на лону Авраамову! — Онъ є красный свой на земльи животъ окончао! онъ у хероическомъ своме, ону ужасну ноћь, съ Турцыма боренію, доставши многи рана три недељ на постельи одлежи и духъ свой у наручію бѣдногъ родителя Богу преда. Смрть є нѣгова тиха и сасвимъ лака была, но хвала Богу, рекну, на свему! Господинъ нашъ, кадъ се овамо

преселимо, Владимира ожени, и то є (показиваюħи) нѣгова млада, и сатимъ се, вели, мало поутѣши; а садъ, докле іоштъ васъ види, быħе совршено утѣшенъ. Онъ бы доста путій рекао: Владиславъ ми є юначки баремъ погинуо, и на рукама моима Творцу своєму духъ предао; али, вели, кукавно оно двоє дѣце остаю ми до смрти моє рана на срдцу! свакій мой помысао о њима гризе утробу мою: да су ми предъ очима онда невинный свой животъ изгубили, ни полакъ ми не бы жао было. Кажу имъ, на пытанѣ њіово, како су онда само учитель и два слуге на мѣсту пали, а осталіи су сви невредими остали, кромѣ єдногъ Владислава. Они овако разговараюħисе, ето имъ Господина! съ єдне стране узела га сестра подъ руку, а съ друге єданъ добрый пріятель, води га преко двора. Онъ сузама обливенъ и радосħу разслаблѣнъ єдва иħаше: „Сладка чеда! страдалцы мои! гди сте да васъ видимъ! радостный предмете мой! и сунце, коє ме данасъ огрея!“ — Вы завѣсу жалости моє скидосте, и у новый животъ ме постависте! — На то Босилька и Велимиръ истрче. Онъ, кадъ ій види, дигне руке и потрчи къ њима, но одъ плача зацѣнисе, ни проговорити не могаше! само ій є къ родительскимъ своимъ прсима пригрліо и топлымъ изъ очію сузама кропіо! Потомъ кадъ мало доħе къ себи: „Анħели мои любезни! утѣхо моя сладка! пре самъ се смрти, него овой безнадележдной радости надао.“ Одкудъ васъ Богъ тако нечаянно донесе? а одономадъ самъ, рекне Велимиру, писмо одъ твоій родителя пріиміо; они су сви здрави, я ій до кои данъ, да овамо доħу, очекуємъ; они су веħъ на путу. Пребывали су досадъ у нѣкомъ мѣсту у Славоніи, а за тебе до данасъ нису знали, нити самъ имъ смео писати по-

гибель нашу, и да си ты зароблѣнъ. Мой сынко! сва ми є моя брига и жалость на єдну страну, а ты си ми самъ на єдну био! Хвала Богу! на нѣговомъ милостивомъ овомъ дару, у каковой самъ бриги био, како ћу имъ одговорити! Хвала Богу! рекне Велимиръ, те за мене нису знали! Што є было, было, благодаримо милостивому небу, да є счастіе съ нама тако поступило, и да смо васъ све кромѣ любезногъ нашегъ Владислава изненада ова-ко нашли. Мы кадъ смо Васъ, любезный отацъ! у шуми смотрили, радосћу и удивленѣмъ побѣћени нисмо знали, шта ћемо чинити. Мы смо Васъ познали, и опетъ се одма увѣрити нисмо могли, да сте Вы: єрбо знамо, да сте у ономъ жалостномъ случаю одъ прве пушке са столице пали, мыслили смо, да сте погинули. Ню самъ єдва задржао, да се Вамъ внезапу не явля. Любезна кћери! сладка крви моя! Тата твой шилѣ люде, и тебе коекудъ и сада траже. Трговцыма у Цариградъ пишемъ и шта не чинимъ. Сатимъ уђу унутра. Поставе трапезу и донесу ужину. Овай данъ, рекне Милутинъ, у комъ ме є всеблаго небо овомъ радосћу обдарило, и у комъ я благодати нѣгове данасъ уживамъ, докле самъ живъ, съ цѣломъ моіомъ фамиліомъ сваке године праздновати завѣштавамъ се. Не проће нѣколико дана, ето ти имъ Велимирова родителя и брата Любислава, кои већъ оженѣнъ бяше, они се ту сасвимъ доселе. Кадъ се извѣсте, како є Велимиръ съ Босилькомъ зароблѣнъ био, кудъ су ходили, шта су патили, и како ій є Богъ опетъ избавіо, и невредимо у Црну-Гору донео, и т. д. Кою повѣсть саслушавши добри родителъи, доћу у восхићенѣ, загрлесе срдечно, и излюбе говорећи: „Благословимо любима чеда наша, коя є намъ Богъ као наново даровао! Благосло-

вимо и њіова непорочна срдца светымъ бракомъ, а наша тѣснiимъ пріятельства союзомъ сачетаймо! сама промысао неба ово є хтела да буде. Я Велимира до данасъ одъ моє роѣене дѣце ни у чему разликовао нисамъ, нити га Вы (нѣгови родительи) већма любити можете. А я самъ њи єдно другомъ наклонно быти іоштъ у невинномъ, преѣе нѣколико година дѣтинству искусіо.“ На то ови двоє предъ родителѣ своє на колѣна падну: Овде намъ се счастіє, о любезни наши родительи, зачинѣ! Милутинъ садъ узме руку кћери своє, и даде ю Велимиру говорећи: „Пріими любезный сыне мой! ову руку, и съ њомъ одъ мене свакій блавословъ! пріими и будите обоє счастльиви! потомъ исто вече зовну свештеника и учине ябуку. Сутра данъ съ провоѣенѣмъ нѣколико честны лица одведу ій у цркву, и светымъ бракомъ сачетаю. Кадъ изиѣу, зовну свештеника и нѣколико честны стараца на обѣдъ, и тако своє веселѣ тихо, благоумѣрено и честно проведу. Затимъ на просбу Г. Милутина родительи Велимирови даду себи домъ до нѣговогъ сазидати, и тако ове две честне и благородне фамиліє у маломъ овомъ мѣсту неразлучно су живиле. По нѣкомъ времену обштество Црногорско у собранію своме овогъ Господина на нѣко достоинство позове. Али онъ изъ любови своє къ Босильки и Велимиру у мѣсто себе препоручи нѣга: но будући Велимира тако іоштъ млада засадъ не пріиме, говорећи: да бы онъ макаръ какова вѣжества и способности притяжавао, іоштъ не пристоисе, да єданъ юноша, кои ни бритву на брады ніе имао, занима мѣсто у округу сѣды стараца; но болѣ, реку, нѣговогъ родителя, кога смо искусили, да є мужъ многоважный; кога и прійме.

После две године нѣкій Паша изъ Ерцеговине скупи войску и обсѣдне ово мало Княжество. Црногорцы по уређеню своме сви сложно на оружіе скоче, и сраженіе съ овымъ страшно учине, и нѣга срећно побѣде. У истомъ сраженію Велимиръ къ природномъ своме хероичеству и хитрости, имаюћи довольно искуства, палму свимъ благороднымъ Црне-Горе младићима и юнацыма преотме. Онъ ньи све у удивленѣ бацы и три ране на себи добые. За кое нѣга у првомъ собранію сви согласно за Войводу изберу.

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

ГГ. ПРЕДЧИСЛЕНИЦЫ.

Београдъ.

Благород. ГГ. Георгіе Петровићъ, и Іованъ Филиповићъ, Столоначалницы Княж. Канц., Стонче Иванковићъ, Протоколистъ, Княж. Канц. Никола Христићъ, Архиваръ, Княж. Канц. Димитріе Димитріевићъ, Канцелистъ Княж. Канц.

Благород. ГГ. Александеръ Николаевићъ, І. Симеонъ М. Божићъ II., Столоначалницы Попеч. Вн. Дѣл. Вуле Богдановићъ, Подпоручикъ и Канцелистъ. Миланъ Стойковићъ и Стеванъ Поповићъ, Канцелисте. Илія Вучићъ Перишићъ, Павле Трипковићъ, Іованъ Т. Бабићъ, Владимиръ Спасићъ, Практиканти Попеч. внутр. дѣла. Константинъ Н. Ненадовићъ, Унтерофицыръ, Арсеніе М. Ђорђевићъ, войникъ II. Ротте и преписчицы Попеч. Вн. Дѣла. Атанасіе П. Милойковићъ, Практ. истогъ Попечителства и скупитель пренумеранта.

Высокородный Г. Попечитель Правосудія и Просвештенія Полковникъ и Кавалѣръ, Паунъ Янковићъ, Высокоблагор. Г. Лазаръ Арсенієвићъ, Помоћникъ Попеч. Правосудія и Кавалѣръ. Бл. ГГ. Павле А. Поповићъ, Секретаръ Попеч. Правос., Симеонъ Милутиновићъ, Секретаръ Попеч. Просвештенія. Светозаръ Десимировићъ, Протоколистъ Попеч. Правосудія. Димитріе Симићъ, Протоколистъ Попеч. Просвештенія. Милутинъ Поповићъ, Регистраторъ и Архиваръ Попеч. Правосудія. Міяйло Радивоевићъ, Регистраторъ и Архиваръ Попеч. Просвештенія. Голубъ Николаевићъ и Петаръ Маринковићъ, Канцелисте.

Благород. Г. Милосавъ Іовановићъ, Практикантъ Попечит. Финансіе. Любомиръ Петроніевићъ.

Благород. Г. Милое Марковићъ, Подпоручикъ, баталліонный Ађутантъ и скупитель пренумеранта.

Благород. ГГ. Милошъ Міоковићъ, баталіонный Писаръ. Павле Максимовићъ (II.), и Живанъ Дабићъ, Фелдфебели. Владиславъ Вуіовићъ, Осмотритель шпиталя. Антоніе Нешићъ, Радованъ Поповићъ. и Светозаръ Ненадовићъ, Каптенармусти. Міяило Саввићъ, Тамбурмаіоръ. Лука Милосавлѣвићъ, Данило Владисавлѣвићъ, за брата Милоша, трговца Милановачкогъ 2. кнь. и Богданъ Прокићъ, старіи унтеръ-офицыри. Михаилъ Аголићъ, Коста Міялковићъ, Петаръ

Радойловићъ, Михаилъ Поповићъ, Іованъ Живковићъ, Милутинъ Вукашиновићъ, и Стоянъ Поповићъ, млађи унтеръ-офицыри. Ђорђе Димитріевићъ, Вуле Богдановићъ, кавалєристи. Міянло Стояновићъ, Преписчикъ Попеч. Вн. Дѣла. Димитріе Карамарковићъ, Вице-унтеръ-офицыръ. Димитріе Янковићъ, Михаилъ Ђ. Поповићъ, Гаја Тадићъ, Митаръ Вучићевићъ, Димитріе Стоилковићъ, Коста Милосављевићъ, редови войницы.

Благ. ГГ. Стеванъ Миловановићъ (Хаџибаба), Ревизоръ Бум. Београдскогъ. Риста Ђорђевићъ, (Коплярацъ) привр. членъ Управителства вар. Београдске.

Пречестн. Г. Савва Іовшићъ. А.Е.М. Сингелъ, Ексхортаторъ и Катихета Лицеума. Высокоуч. ГГ. Сергіе Николићъ, прир. права и полит. наука Професоръ, о. год. Ректоръ Лицеума и редовный членъ друж. срб. Словесности. Константинъ Бранковићъ, Професоръ филос- и ред. членъ друж. срб. Словесн. Дръ Янко Шаффарикъ, Проф. Физике, Немачк. єзыка и ред. членъ друж. срб. Слов. Александеръ Околскій, Проф. франц. єзыка у Лицеуму. Благор. Г. Танасіе Георгіевићъ, Протоколистъ у А.Е.М. Канцелларіи. Петаръ Радовановићъ, изъ Шабца, Писаръ Суда вар. Београда. Сима Петровићъ, Канцеллистъ А.Е.М. Канцел. Милутинъ Исидоровъ Стояновићъ. Лазаръ Димитріевићъ, слушатель II. год. философіе. Благ. Г. Дамянъ Поповићъ, Осмотр. Лицеума и скупитель пренумеранта.

Поштенород. ГГ. Димитріе Стефановићъ, трговацъ. Атанасіе Николићъ, трговацъ за сына своегъ Михаила. Петаръ Ђ. Поповићъ, трговацъ папуџійск. еснафа. Ђорђе Аранђеловићъ, трговацъ. Цвѣтко Ђорђевићъ, терзія, за сына Ђоку. Никола Стефановићъ, трговач. калфа, род. у Беломъ-Полю у Албаніи. Константинъ Н. Овчаръ, трговачк. калфа, род. изъ Земуна. Мирко Маринковићъ, трговачкій калфа, рођенъ у Градишту. Никола Теодоровићъ, Абаџія. Велимиръ Радойковићъ, за сестру Босильку. Василіе Радойковићъ, трговацъ и скупитель пренумеранта.

Поштенород. ГГ. Димитріе Живадиновићъ, трговацъ, 2. кнь. Петаръ Исайловићъ, трговацъ. Іованъ Мостићъ, трговацъ. Милорадъ Милановићъ, калфа стакларскій. Никола С. Николићъ, тргов. калфа. Димитріе А. Іовановићъ, трговачкій сынъ и скуп. пренумер.

Поштенород. Г. Антоніе Милошевићъ, магазаџія. Теодоръ Теодоровићъ, слушатель поезіе. Теша Трифуновићъ, Артилєристъ. Тодоръ Сретковићъ, трговацъ, рођ. у Сремск. Карловцыма. Алекса Т. Давидовићъ, магазаџія и скупитель пренумеранта. Коста Стерићъ (Крушевалія), магазаџія. Сима Шарчевићъ, Сава Шарчевићъ и Ђорђе Стояновићъ, трговачке калфе. Миланъ Михайловићъ, изъ Ужице.

Поштенор. ГГ. Петаръ Исайловићъ, Лончаръ. Рая Николићъ, Лончаръ за сына Любомира. Благое Шергићъ, изъ села Маслослева. Риста Михайловићъ, изъ села Левча. Миленко Лончаревићъ, лончарскій калфа. Петаръ Стаменковићъ, Сима Шарчевићъ (Радованъ), Милорадъ Милановићъ, Миаило Здравковићъ, Георгіе Кузмановићъ, лончарске калфе. и скуп. пренумеранта. Мита Петровићъ, ћасіа, за сына Алексу.

Поштенор. ГГ. Андрія Поповићъ, фабрикантъ розоліе, родомъ изъ Рисня у Боки Которской. Живко Николићъ, тргов. коларацъ, и скупитель пренумеранта. Гаврилъ Вукомановићъ, бывшій ћумрукція Топчидерскій, за сына Іована и кћерь Любицу 2. кнь. Станиша Іовановићъ, изъ Крнћва у Окр. Смедер., за свога унука Павла. Димитріе Живковићъ, трговацъ изъ Панчева.

Высокоученый Г. Георгіе Киридесъ, учитель Еллинскогъ езыка. Поштенород. ГГ. Еманулъ Величковићъ, куп. и жит. Беогр. за сына своегъ Димитрія, ученика II. Гимназіе. Риста Величковићъ, куп. и жит. Беогр. за сына своегъ Сретена. Никола Величковићъ, куп. и жит. Беогр. за сына своегъ Любомира, ученика I. кл. грческе норм. школе. Благор. Г. Стефанъ Г. Груборовићъ, бывшій Експедиторъ при Попеч. Правосудія и Просвештенія. Пошт. ГГ. Іованъ К. Поповићъ, трговацъ. Тома Марковићъ, жит. Беогр. за сына Марка. Павле С. Костићъ, трговацъ. Станко Радовићъ, трговацъ. Никола Здравковићъ, трговацъ. Георгіе Петровићъ, трговацъ. Константинъ Н. Кутула, трговацъ. Димитріе Симићъ, трговацъ. Драга Г. Манойловићъ. Макрена Стефановићъ, за сына Велимира и кћерь Марію 2. кнь. Риста Ђорђевићъ, шећерџіе. Іованъ Будуићъ, тргов. калфа, род. изъ Градишта. Павле Вунићъ, Тома Т. Поповићъ, Петаръ Стев. Парезановићъ, трговачке калфе. Іованъ Обрадовићъ, клирикъ II. год. Димитріе Живковићъ, бывшій Словослагатель при Правителственной Кньигопечатни.

Благород. Г. Василій Бераръ, Иншпекторъ Правителственне Кньигопечатнћ. — Благор. Г. Филипъ Валтеръ, Факторъ Правит. Кньигопечатнћ. — Готфридъ Шреплъ, Факторъ Словоливнице.

Благород. ГГ. Субћкти Правителственне Кньигопечатнћ: Петаръ Карамарковићъ, Пантелія В. Іовановићъ, Георгіе Вукаш. Іовановићъ, 2. кньиге. Георгіе Л. Станћъ, Петаръ Ђ. Данићъ, Іованъ Вуковићъ, Яковъ Шаломъ, Георгіе Стефановићъ, за сына Стефана, Іованъ Симићъ, Димитріе Н. Ђорђевићъ, Урошъ Радовановићъ, Димитріе Вунчићъ.

Ученицы правит. Кньигопечатнћ: Димитріе Петровићъ, Филипъ Николаевићъ, Іованъ С. Войновићъ, Никифоръ Поповићъ, Иванъ Н. Илићъ.

Крагуєвацъ.

Благ. ГГ. Іованъ Мићићъ, Казначей Окр. Краг. и скуп. пренум. Софроніе Н. Лазаревићъ, Парохъ Краг. Илія Рабићъ, Писаръ Суда Краг. Іованъ Д. Вукићевићъ II., Писаръ Суда Краг. Стеванъ Іоцыћъ, Стоянъ Обрадовићъ, Практиканти Суда Крагуев. Алекса Филипповићъ, Петаръ Девићъ, Практиканти Начал. Краг. Пошт. ГГ. Милованъ Маринковићъ, Сретенъ Милосављевићъ, трговцы и жит. Краг. Паунъ Іоксићъ, калфа терзійскій

Шабацъ.

Благород. ГГ. Пайко Илићъ, стар. чл. Суда Окр. Шабачк. Георгіе Нинићъ, Практ. выс. Совѣта. Іованъ Милинковићъ, Практ. Суда Шабачкогъ. Милованъ Кустурићъ, бывш. Писаръ у Поцерини. Станое Ћосићъ, Ћумрукція Митровачкій. Высокобл. Г. Цана М. Богићевића, за сына своегъ Михайла. Пречестн. Г. Игнатіе Васићъ, Протопресвитеръ у Окр. Подрин. Пошт. ГГ. Петаръ Куртовићъ, Кузманъ Лазаревићъ и Симо Реновчевићъ трговцы. Бл. Г. Стоянъ Обрадовићъ, Помоћникъ Секретара Суда Окр. Шабачк. и скупитель пренумеранта.

Црна-Гора.

За младежь Црногорску 25. книга.

Приштина.

Поштенор. Г. Симеонъ Михайловићъ, Ћурчія.

Земунъ.

Библіотека Земунска.

Поштенор. ГГ. трговцы: Теодоръ Р. Томићъ. Василіе Василевићъ, Коста Г. Кристовићъ за кћерь свою Марію. Лука Іовановићъ.

Карловцы (у Срему.)

Поштен. ГГ. браћа Лазаръ и Георгіе Іовановићъ жительи и купцы, 2. книге

Новый Садъ.

Поштенор. Г. Петаръ И. Стояновићъ, книгопродавацъ 150. кн.

Панчево.

Благород Г. Димитріе Радуловићъ, Докторъ медицине. Поштенород. Г. Константинъ Станисављевићъ, житель Бѣоградскій а трговацъ Панчевачкій, 2. книге.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19 Ср II 134.1